ISSN 2219-6404

«Нужно много учиться, чтобы немногое знать»
Шарль Монтескьё (1689–1755)

Лечебное дело

6(34)/декабрь/2013

Научно-практический терапевтический журнал
www.lech-delo.by

МИЛЬГАММА®

БЫСТРАЯ И ЭФФЕКТИВНАЯ ПОМОЩЬ В ЛЕЧЕНИИ НЕВРОЛОГИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

Боль в спине?

Лицевая боль?

Невозможно поднять руку?

- Выраженный обезболивающий эффект
- Неотъемлемый компонент терапии при радикулите, плексопатии, невритах, невралгии, полиневропатии, миалгии
- Мильгамма® с бенфотиамином обеспечивает длительную и надежную защиту нервных волокон

Способ применения и дозы:

Мильгамма® инъекции: по 1 ампуле 1 раз в сутки внутримышечно 5–10 инъекций, затем Мильгамма® таблетки: по 1 таблетке 2–3 раза в сутки внутрь в течение 4–6 недель

Лекарственное средство. Перед применением проконсультируйтесь с врачом и ознакомьтесь с инструкцией.

PHARMA

www.woerwagpharma.com

РУ МЗ РБ № 8095/07/12 до 27.03.2017 г. РУ МЗ РБ № 8094/07/12 до 14.03.2017 г.

Тиогамма®

альфа-липоевая (тиоктовая) кислота

Тиогамма® 600 таблетки
победитель тендера 2012 г.

Рег. УД М3 РБ Тиогамма табл. №8218/07/12 Тиогамма амп. №8319/07/12, Тиогамма Турбо №10029/07/12

Лечение нарушений чувствительности при диабетической полиневропатии

Тиогамма® Турбо
удостоена премии
«Панацея 2010» (Украина)
в номинации
«Инновационная форма альфа-липоевой кислоты»

Надежно. Удобно. Безопасно.

Вёрваг Фарма
Мы лечим осложнения диабета

WÖRWAG PHARMA

А.В. Хапалюк,
главный редактор журнала, заведующий кафедрой клинической фармакологии БГМУ, доктор медицинских наук, профессор

Уважаемые коллеги!

Вот и еще один год оставил след в нашей жизни. Каким он был? Для каждого, видимо, разным. Однако вопрос, насколько эволюционировали за истекший год наши трудовые будни, волнует нас всегда. Ведь все мы хотим, чтобы наша трудовая деятельность протекала в обстановке творчества, поступательного развития и здравого смысла, ибо каждый потерянный для творческого самоусовершенствования день отражается на нашем профессионализме. Не зря у немцев есть поговорка «Когда я праздно отдыхаю, я ржавею *(Wenn rast ich, so rost ich)*.

Всем известно, что здоровье населения – основной показатель благополучия нации. При этом следует признать, что отношение людей к своему здоровью, с одной стороны, опосредуется уровнем экономического, социального и культурного развития страны, а с другой – само по себе опосредует отношение населения ко всей системе здравоохранения, включая отношение к врачам, качеству оказания медицинской помощи и выбору лекарственных средств. Мы не должны игнорировать тот факт, что болезни в значительной мере являются результатом несоблюдения общеизвестных требований гигиенических норм, что во многом обусловлено характерной для нашего образа жизни отрицательной традицией достаточно безответственного отношения к личному здоровью. *В такой ситуации повышается социальная ответственность медиков за формирование адекватного отношения к собственному здоровью каждого члена общества. А это никогда не будет реализовано без высокого авторитета врача в обществе.* Дальнейшие рассуждения об этой взаимосвязи всем нам известны. Я бы эту многолетнюю дискуссию свел к одной фразе, в основе которой лежит не материальный аспект проблемы, а гораздо более значимый – социальный: пока в обществе, да и в самой системе здравоохранения будет фигурировать фраза *«качественное облуживание населения»*, прорыва в качестве оказания медицинской помощи пациентам в государстве не произойдет. *Задача медиков – не обслуживать, а оказывать высокопрофессиональную лечебную и консультативную помощь*. И расстояние от первой концепции до второй может занять, к сожалению, не одно поколение.

Тем не менее существующие проблемы не снимают с нас моральной ответственности за наши действия по отношению к пациентам. Постоянное профессиональное образование – это «вечный спутник» наших будней. Редакция журнала по-прежнему основной своей задачей видит публикацию статей, которые бы повышали профессиональный уровень и расширяли общеврачебный кругозор наших читателей.

В настоящем выпуске мы публикуем перечень статей, которые были размещены на страницах нашего издания в 2013 году.

Редакция журнала «Лечебное дело» поздравляет наших читателей и авторов с наступающим Новым годом. Желаем всем крепкого здоровья, удачи, личного счастья и благополучия.

До встреч на страницах журнала в 2014 году!

С уважением,
главный редактор А.В. Хапалюк

С НОВЫМ 2014 ГОДОМ!

ПРЕСТАНС

5 5 10 10

Периндоприл аргинин + амлодипин **1 таблетка в день**

Весь спектр эффективности

- **Мощное снижение АД**[1–3]
- **Продление жизни**[4]
- **Гибкий режим дозирования**

Рег. уд. МЗ РБ № 9596/11 от 28.01.2011 до 28.01.2016
Рег. уд. МЗ РБ № 9597/11 от 28.01.2011 до 28.01.2016

Состав: Престанс 5 мг/ 5мг: одна таблетка содержит 3,395 мг периндоприла, что соответствует 5 мг периндоприла аргинина, и 6,935 мг амлодипина бесилата, что соответствует 5 мг амлодипина. Престанс 5 мг /10 мг: одна таблетка содержит 3,395 мг периндоприла, что соответствует 5 мг периндоприла аргинина, и 13,870 мг амлодипина бесилата, что соответствует 10 мг амлодипина. Престанс 10 мг / 5 мг: одна таблетка содержит 6,790 мг периндоприла, что соответствует 10 мг периндоприла аргинина, и 6,935 мг амлодипина бесилата, что соответствует 5 мг амлодипина. Престанс 10 мг / 10 мг:одна таблетка содержит 6,790 мг периндоприла, что соответствует 10 мг периндоприла аргинина, и 13,870 мг амлодипина бесилата, что соответствует 10 мг амлодипина. Показания: лечение пациентов с эссенциальной гипертензией и/или болезнью коронарных артерий. Режим дозирования и способ приема: пероральный прием. Принимать по одной таблетке в день, желательно утром перед едой. Противопоказания: повышенная чувствительность к периндоприлу или любому другому ингибитору АПФ, ангионевротический отек в анамнезе, связанный с предыдущим лечением ингибиторами АПФ, наследственный или идиопатический ангионевротический отек; второй или третий триместр беременности; тяжелая гипотензия, повышенная чувствительность к амлодипину или любому другому дигидропиридину, шок, включая кардиогенный шок, обструкция выходного тракта левого желудочка, нестабильная стенокардия, сердечная недостаточность после острого инфаркта миокарда (в течение первых 28 дней). Лекарственные взаимодействия: нерекомендуемые комбинации: калийсберегающие диуретики и соли калия, литий, эстрамустин, дантролен; с осторожностью: нестероидные противовоспалительные медицинские препараты (НПВС), включая аспирин 3 г/день, диуретики, симпатомиметики, золото, индукторы CYP3A4 (рифампицин, Hypericum perforatum [зверобой продырявленный], антиэпилептические средства – карбамазепин, фенобарбитал, фенитоин, фосфенитоин, примидон), ингибиторы CYP3A4 (итраконазол, кетоконазол), баклофен, гипотензивные препараты (такие как бета-блокаторы) и вазодилятаторы. Нежелательные эффекты: астения, головокружение, головная боль, нарушения настроения или сна, судороги, гипотензия, аллергические реакции, желудочно-кишечные расстройства, сухой кашель, сухость во рту, покраснение, периферические отеки, усталость. Предосторожности: оценка функции почек до и на протяжении лечения; почечная недостаточность: доза должна быть изменена в соответствии с клиренсом креатинина, мониторинг уровня калия и креатинина; у пациентов, принимающих диуретики, прекратить их прием за 3 дня до начала приема Престанса, диуретик может быть добавлен позже при необходимости. У пациентов с печеночной недостаточностью увеличивается период полувыведения амлодипина (контроль печеночных ферментов). Таблетки содержат лактозу, поэтому препарат не должны принимать пациенты с непереносимостью лактозы, плохой абсорбцией глюкозы-галактозы или дефицитом лактазы Лаппа. Беременность и кормление грудью: прием ингибиторов АПФ во время первого триместра не рекомендуется, во время второго и третьего – противопоказан. Нет данных о приеме периндоприла во время кормления грудью. Неизвестно, выделяется ли амлодипин в молоко. Поэтому в целях предосторожности кормление грудью при лечении Престансом не рекомендуется.

Всегда 1 ТАБЛЕТКА В ДЕНЬ!

1. Bahl V.K. et al. Am. J. Cardiovasc. Drugs. 2009; 9: 135–142.
2. Hatala et al. J. Hypertens. 2010; 28: e98–e99.
3. Bahl V. et al. J. Hypertens. 2010; 28: e98.
4. Dahlöf B. et al. for the ASCOT Investigators. Lancet. 2005; 366: 895–906.

SERVIER
www.servier.by

ISSN 2219-6404

Лечебное дело

6(34) / декабрь 2013

Научно-практический терапевтический журнал

Тематика журнала: *научно-практическая, научно-теоретическая, научно-методическая*
Главный редактор: *Александр Васильевич Хапалюк*
Заместитель главного редактора: *Т.А. Нечесова*
Литературный редактор: *И.Г. Давыдик*
Дизайн и верстка: *Н.М. Леднёва*

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гастроэнтерология и гепатология	*Ю.В. Горгун, С.И. Пиманов, Н.Н. Силивончик*
Гематология и трансфузиология	*Л.А. Смирнова*
Инфекционные болезни	*И.А. Карпов*
Кардиология	*Е.С. Атрощенко, А.Г. Булгак, В.И. Козловский, Н.А. Манак, Н.П. Митьковская, А.Г. Мрочек, В.П. Подпалов, А.М. Пристром, М.С. Пристром, В.М. Пырочкин, В.А. Снежицкий, С.Г. Суджаева*
Клиническая биохимия	*А.Д. Таганович*
Курортология и восстановительная медицина	*Е.И. Калиновская, Э.С. Кашицкий, В.Б. Смычёк*
Неврология	*С.А. Лихачев, В.В. Пономарев*
Нефрология	*В.С. Пилотович*
Общественное здоровье и здравоохранение	*Т.П. Павлович, Н.Н. Пилипцевич, Р.А. Часнойть, М.В. Щавелева*
Профилактическая медицина	*Е.Ф. Заремба (Львов), В.Э. Сушинский*
Психосоматическая медицина	*С.А. Игумнов, А.В. Копытов, О.А. Скугаревский*
Пульмонология и фтизиатрия	*Г.Л. Гуревич, В.Л. Крыжановский, Е.А. Лаптева, Л.Э. Макаревич, Е.М. Скрябина, В.П. Царев*
Ревматология	*Н.А. Мартусевич, Е.Л. Насонов (Москва), Т.Д. Тябут, В.В. Цурко (Москва)*
Фармакология, клиническая фармакология	*Н.А. Бизунок, Б.В. Дубовик, М.Р. Конорев, М.К. Кевра, Д.А. Рождественский*
Эндокринология	*Л.И. Данилова, Т.В. Мохорт, Е.А. Холодова*

Учредитель и издатель: ООО «Медицинские знания»
Адрес редакции: 220049, г. Минск, ул. Черняховского, 3, к. 28
Тел. +375 17 2844049, e-mail: lechebnoe.delo@yandex.ru
Свидетельство о регистрации № 673 от 18.09.2009 г.
Выдано Министерством информации Республики Беларусь
Подписные индексы журнала по каталогу РУП «Белпочта»:
01048 (инд.), 010482 (вед.)
Тел. главного редактора:
+375 29 7789774; +345 29 6749774

Полиграфическое исполнение: ОАО «Промпечать»
220049, г. Минск, ул. Черняховского, 3
ЛП № 02330/0494112 от 11.03.2009 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 9,07. Заказ № 0881. Тираж 400 экз.
Периодичность издания: 1 раз в два месяца

Автор несет ответственность за направление статей, ранее опубликованных или принятых к печати в других изданиях.

Мнение авторов не всегда отражает точку зрения редакции.
При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Врачи доверяют продукции компании KRKA более чем в 70 странах мира

НОЛЬПАЗА®

таблетки 20 мг, 40 мг *пантопразол*

Выбери свободу

Фромилид уно®

таблетки с пролонгированным высвобождением 500 мг

кларитромицин

Фромилид®

таблетки 250, 500 мг
суспензия 125мг/5мл

кларитромицин

Фромилид – единство силы и ума

- Отличная переносимость и отсутствие дисбактериоза
- **Фромилид Уно** – 1 раз в день для всех инфекций дыхательных путей
- **Фромилид** – высокая эффективность при проведении эрадикационной терапии

РУ МЗ РБ № 8129/07/2012 до 05.03.2017

Представительство в Беларуси: 220012, г. Минск, ул. Сурганова, 29, оф. 28
Тел. (017) 290 05 11. Факс (017) 290 05 10. E-mail: info.by@krka.biz, www.krka.by

Нольпаза – 1 таблетка в сутки при изжоге и боли в желудке

- Действует 46 часов
- Защита желудка при приеме кардиоаспирина и других НПВС
- Маленькая таблетка – удобный прием

РУ МЗ РБ № 8730/08 до 29.08.2013

KRKA

Наши инновации и опыт посвящены заботе о здоровье. Стремления, последовательность и накопленные знания компании подчинены единой цели – созданию эффективных и безопасных препаратов высочайшего качества.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила оформления статей 6

В МИРЕ ЛЕКАРСТВ

Сахарный диабет 2 типа и артериальная гипертензия: возможности комбинированной терапии с позиций ангиопротекции
Т.В. Мохорт 9

КОНСЕНСУСЫ, КЛИНИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И АЛГОРИТМЫ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Неалкогольная жировая болезнь печени в практике врача-эндокринолога
Н.В. Мурашко, А.А. Романовский, Л.И. Данилова 15

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ

Синдром Бругада: литературный обзор и клиническое наблюдение
Т.Г. Вайханская, Т.Т. Геворкян, Т.В. Крушевская, И.Б. Устинова, Т.В. Курушко, В.Ф. Голенища, О.Л. Полонецкий, Л.И. Плащинская 21

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Стратификация риска повторных коронарных событий у лиц с нестабильной стенокардией в отдаленные сроки наблюдения
И.А. Маркова, Е.А. Медведева, Л.Г. Гелис, И.И. Русских, М.Г. Колядко 31

Частота сердечных сокращений и ее роль в прогрессировании атеросклероза с позиции функционального состояния эндотелия
Е.Ф. Заремба, З.О. Билоус 38

Особенности суточного профиля артериального давления у женщин до менопаузы и в раннем постменопаузальном периоде
Л.В. Кежун 43

Висцеральные поражения и исходы инфекционного эндокардита у потребителей инъекционных наркотиков
Е.Ю. Пономарева, А.А. Рощина, А.П. Ребров 49

Карбоновые кислоты цикла Кребса, аминокислоты и их комбинации в качестве протекторов в условиях токсического повреждения миокарда крыс
О.В. Алексеенко, В.В. Шилов, В.Ю. Афонин, Е.В. Шафрановская 57

ОБЗОРЫ И ЛЕКЦИИ

Диетотерапия и профилактика метаболического синдрома X
И.Н. Броновец 61

Безоары желудка
М.С. Хруцкая, Е.А. Храмков, С.В. Семеняко, А.В. Пилипенко 66

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Нолипрел: информация для специалистов 70

Престанс: информация для специалистов 72

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2013 ГОДУ 74

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Журнал «Лечебное дело» публикует обзоры, посвященные актуальным проблемам диагностики и лечения заболеваний внутренних органов, включая дискуссионные вопросы, лекции для практикующих врачей, оригинальные клинические исследования, посвященные эпидемиологии, патогенезу, диагностике и лечению отдельных заболеваний внутренних органов, краткие сообщения о новейших достижениях фундаментальной и клинической медицины, актуальные вопросы клинической фармакологии и фармакотерапии, клинические разборы и описания необычных клинических наблюдений.

Журнал «Лечебное дело» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по медицинской отрасли науки (научное направление – терапия).

Статьи аспирантов последнего года обучения публикуются вне очереди.

Для публикации статьи автору необходимо представить рукопись, отпечатанную на белой бумаге формата А4 с одной стороны (перенос слов не делать), а также электронный вариант текста. Оригинальные статьи должны быть построены по традиционному для мировой научной периодики плану. Объем оригинальной статьи, включая таблицы, рисунки, литературу, резюме, не должен превышать 15 страниц печатного текста (12 пунктов, одинарный интервал, поля: слева, сверху и снизу – 25 мм, справа – 10 мм). Обзорные статьи и лекции не должны занимать более 25 страниц. Другие материалы (актуальные вопросы фармакотерапии, клинические разборы, описания необычных клинических наблюдений и т. п.) не должны превышать 10 страниц.

Оригинальные статьи должны иметь следующие рубрики: введение, материал и методы, результаты и обсуждение, резюме, в том числе на английском языке.

В выходных данных к статье указываются название работы, инициалы и фамилии авторов, название учреждения, в котором выполнена работа, город. Необходимо сообщить фамилию, имя и отчество, адрес, телефон, e-mail автора, с которым редакция может при необходимости связаться.

Статья должна быть тщательно выверена автором, так как редакция не высылает корректуру.

Математические и химические формулы должны быть написаны очень четко.

Таблицы должны иметь заголовок, быть компактными. Ссылка на таблицу в тексте обязательна.

Количество рисунков в статье должно быть минимальным. Иллюстрации требуется представлять в формате TIFF или cdr, графики и диаграммы – MS Excel и в распечатанном виде. Рисунки не должны содержать пояснительных надписей и обозначений, которые можно поместить в текст или подрисуночные подписи. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок.

К статье необходимо приложить список всей цитируемой литературы, который должен включать не более 20 источников в оригинальных статьях и 50 – в обзорных и лекциях. Библиографические ссылки в тексте даются в квадратных скобках цифрами. Литературная ссылка должна включать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год, том, номер, страницы. Сокращенные названия журналов должны соответствовать нормам, принятым в Index Medicus. Для книг и сборников указываются заглавия по титульному листу, место и год издания. В списке литературы все работы могут перечисляться как в алфавитном порядке, так и в порядке цитирования.

За достоверность данных, представленных в статье, ответственность несут авторы.

Редколлегия журнала «Лечебное дело» просит авторов оформлять направляемые в редакцию статьи в строгом соответствии с вышеперечисленными правилами. *Статьи, не соответствующие правилам оформления, к публикации не принимаются.*

Редакция журнала оставляет за собой право вносить стилистические правки, изменять названия статей, термины, определения, сокращать тексты статей, а также не публиковать перечень использованной литературы, с которым всегда можно будет ознакомиться в редакции.

Рукописи, не принятые к печати, авторам не возвращаются.

Статьи следует направлять по адресу:
220049, г. Минск, ул. Черняховского, д. 3, к. 28
E-mail: lechebnoe.delo@yandex.ru

Мильгамма® моно 300

бенфотиамин 300мг

Патогенетическая терапия осложнений сахарного диабета

— *Высочайшая биодоступность бенфотиамина способствует устранению тиаминовой недостаточности при сахарном диабете[6]*

— *Блокирует основные механизмы повреждения клетки при гипергликемии[4,5]*

— *Предупреждает развитие микро- и макроангиопатий, индуцируемых конечными продуктами гликирования[2]*

— *Замедляет прогрессирование осложнений сахарного диабета[1,2,3]*

РУ МЗ РБ № 9626/11 от 01.03.2011г. до 01.03.2016г.

1. Stracke H, Gaus W, Achenbach U, Federlin K, Bretzel RC. Benfotiamine in diabetic polyneuropathy (BENDIP): Results of a randomised, double blind, placebo-controlled clinical study. Exp Clin Endocrinol Diabetes (2008) 116: 600-605. 2. Haupt E, Ledermann H, Kopcke W: Benfotiamine in the treatment of diabetic polyneuropathy: a three-week randomized, controlled pilot study (BEDIP study). Int J Clin Pharmacol Ther 43:71–77, 2005. 3. Pan Xiaoli et al. Powerful beneficial effects of benfotiamine on cognitive impairment and b-amyloid deposition in amyloid precursor protein/presenilin-1 transgenic mice, Brain J of Nero. 2010: 133; 1342–1351. 4. Berrone Elena, Beltramo Elena, Solimine Carmela, Ape U Alessandro, and Porta Massimo. Regulation of Intracellular Glucose and Polyol Pathway by Thiamine and Benfotiamine in Vascular Cells Cultured in High Glucose. J Bio. Chem. 281(14): 9307–9313, 2006. 5. Hammes HP, Du X, Edelstein D, Taguchi T, Matsumura T, Ju Q, Lin J, Bierhaus A, Nawroth P, Hannak D, Neumaier M, Bergfeld R, Giardino I, Brownlee M: Benfotiamine blocks three major pathways of hyperglycemic damage and prevents experimental diabetic retinopathy. Nat Med 9:294 –299, 2003. 6. Schreeb KH, Freudenthaler S, Vormfelde SV, Gundert-Remy U, Gleiter CH: Comparative bioavailability of two vitamin B1 preparations: benfotiamine and thiamine mononitrate (Letter). Eur J Clin Pharmacol 52:319 –320, 1997.

Мильгамма® моно 300

Активное вещество: Бенфотиамин 300 мг.

Показания к применению: применяется в качестве патогенетического средства для лечения состояний, обусловленных дефицитом витамина В1 (болезнь бери-бери, алкогольная миокардиопатия, энцефалопатия Вернике, синдром Корсакова), при повышенной потребности в тиамине (беременность и лактация), для лечения полинейропатии (диабетической, алкогольной и др.), в составе комбинированной терапии заболеваний, сопровождающихся эндотелиальной дисфункцией (сахарный диабет, ожирение, ишемическая болезнь сердца).

Противопоказания: повышенная индивидуальная чувствительность к компонентам препарата.

Способ применения: препарат применяют внутрь, запивая достаточным количеством жидкости. Рекомендуемая доза - по 1 таблетке Мильгамма® моно 300 1-2 раза в сутки. Курс лечения – не менее 3-х недель.

WORWAG PHARMA

www.woerwagpharma.com

ТАРКА®

Трандолаприл 2 мг / Верапамил 180 мг Один раз в сутки

- ***Эффективное снижение артериального давления[1, 2]***
- ***Кардиопротекция[3]***
- ***Нефропротекция[5, 6]***
- ***Благоприятный метаболический профиль[4, 7]***

Краткая информация о препарате Тарка®

Регистрационное удостоверение МЗ РБ № 9137/09/11 действительно до 30.12.2014 г. **Лекарственная форма.** Таблетки с модифицированным высвобождением, покрытые пленочной оболочкой. **Состав.** 1 таблетка содержит трандолаприла 2 мг и верапамила гидрохлорида 180 мг. Вспомогательные вещества: крахмал кукурузный, лактозы моногидрат, натрия стеарилфумарат, натрия альгинат, натрия докузат, железа оксиды и гидроксиды (E172), титана диоксид (E171) и др. **Фармакотерапевтическая группа**. Средства, действующие на ренин-ангиотензиновую систему. Ингибиторы АПФ в комбинации с антагонистами кальция. Трандолаприл и верапамил. Код АТС С09В В10. **Показания.** Эссенциальная гипертензия у пациентов, у которых артериальное давление нормализуется с помощью трандолаприла и верапамила отдельно в таких же дозах, или при неадекватном контроле артериального давления при применении только одного из активных компонентов препарата. **Противопоказания.** Гиперчувствительность к трандолаприлу или какому-либо другому ингибитору АПФ и (или) верапамилу или любому из вспомогательных веществ. Ангионевротический отек, связанный с лечением ингибиторами АПФ в анамнезе. Наследственный/идиопатический ангионевротический отек. Кардиогенный шок. Острый инфаркт миокарда с осложнениями. AV-блокада II или III степени без функционирующего искусственного водителя ритма. Синдром слабости синусового узла у пациентов без функционирующего искусственного водителя ритма. Декомпенсированная сердечная недостаточность. Фибрилляция/трепетание предсердий при наличии дополнительных проводящих путей (например, синдром Вольфа–Паркинсона–Уайта). Беременность и период кормления грудью. Одновременное внутривенное применение блокаторов бета-адренорецепторов (за исключением проведения интенсивной терапии). **Способ применения и дозы.** Взрослым применяют 1 таблетку 1 раз в сутки, утром, независимо от приема пищи. Таблетку следует глотать целой, не разжевывая и запивая водой. Лица пожилого возраста: у некоторых пациентов пожилого возраста может наблюдаться более выраженный эффект снижения артериального давления из-за высшей системной биодоступности по сравнению с более молодыми пациентами, страдающими артериальной гипертензией. **Побочные реакции.** Побочные реакции препарата Тарка согласовываются с известными реакциями при применении его активных компонентов или лекарственных средств соответствующего класса. Чаще сообщалось о кашле, головной боли, запорах, вертиго, головокружении и приливах. Нечасто: неспецифические аллергические реакции; гиперлипидемия; сонливость; тремор; AV-блокада I степени, ощущение сердцебиения; боль в животе, диарея, неспецифические желудочно-кишечные расстройства, тошнота, отек лица, зуд, сыпь, усиление потовыделения; полиурия, полакиурия; боль в грудной клетке; изменения показателей функциональных тестов печени. Полный перечень побочных реакций см. в инструкции по медицинскому применению препарата. **Особенности применения.** Из-за присутствия трандолаприла в препарате Тарка его не следует применять при аортальном стенозе или обструктивных нарушениях кровообращения. Следует избегать применения Тарки у пациентов с тяжелым нарушением функции левого желудочка (например, фракция выброса < 30%, давление в легочной артерии выше 20 мм рт. ст. или с признаками тяжелой сердечной недостаточности) и у пациентов с любой степенью дисфункции левого желудочка, если они получают бета-адреноблокаторы. Для уменьшения риска симптоматической гипотензии у пациентов следует восстановить объем циркулирующей крови (ОЦК) и уровень солей до применения Тарки. Применение верапамила у пациентов с тяжелой артериальной гипотензией на фоне стенокардии или сердечно-сосудистого заболевания может привести к инфаркту миокарда или инсульту. У больных с клиренсом креатинина меньше чем 30 мл/мин может быть необходимо снизить дозу трандолаприла. У больных с умеренным нарушением функции почек следует наблюдать за функцией почек. Тарку не следует применять у пациентов с вторичной гипертензией, особенно реноваскулярной гипертензией, у пациентов с одно- или двусторонним стенозом почечной артерии с одной функционирующей почкой (например, больные с трансплантированной почкой). **Взаимодействие с другими лекарственными средствами и другие виды взаимодействий.** Исследования *in vitro* метаболизма верапамила гидрохлорида показали, что он метаболизируется цитохромом P450, CYP3A4, CYP1A2, CYP2C8, CYP2C9 и CYP2C18. Верапамил проявляет себя как ингибитор ферментов CYP3A4 и P-гликопротеина (P-gp). Сообщалось о клинически важном взаимодействии с ингибиторами CYP3A4, которое вызывало повышение уровня верапамила в плазме крови, в то время как индукторы CYP3A4 вызывали снижение уровня верапамила в плазме крови, поэтому необходим мониторинг на предмет взаимодействия с другими лекарственными средствами. *Не рекомендуемые сочетания*: калийсберегающие диуретики или пищевые примеси с калием, колхицин, дантролен. Более полную информацию см. в инструкции по медицинскому применению препарата. **Предостережения к применению:** антигипертензивные средства, диуретики, литий, анестетики, наркотические/психотропные средства, аллопуринол, цитостатики или иммунодепрессанты, системные кортикостероиды, или прокаинамид, кардиодепрессанты, дигоксин и др. Следует принимать во внимание совместное применение Тарки и НПВС, ацетилсалициловой кислоты, антацидов, симпатомиметиков, алкоголя, карбамазепина, циклоспорина, теофиллина, эверолимуса, сиролимуса, такролимуса, рифампицина, фенитоина, фенобарбитала, циметидина, ингибиторов ГМГ-КоА-редуктазы. В отдельных случаях, особенно в начале лечения, больным сахарным диабетом может понадобиться подбор дозы противодиабетических средств и препарата Тарка из-за повышенной утилизации глюкозы в крови. Не следует употреблять грейпфрутовый сок вместе с Таркой. Более полную информацию см. в инструкции по медицинскому применению препарата. **Категория отпуска.** По рецепту. **Производитель:** Эбботт ГмбХ и Ко. КГ, Германия. Полная информация представлена в инструкции по медицинскому применению препарата.

1. Viskoper R. et al. Curr. Ter. Res. 1997; 58: 343–351. 2. Oren S. et al. Int J Cardiol. 1996; 55: 97–102. 3. Ruggenenti P. et al. Diabetes Care. 2008; 31: 129–1634. 4. Fernandez R. et al. J. Hum. Hypertension. 2001; 15: 849–856. 5. Bakris G. et al. Kidney International. 1998; 54: 1283–1289. 6. Ruggenenti P. et al. N. Engl. J. Med. 2004; 351: 1941–1951. 7. Bakris G. et al. Diabetes Care. 2006; 29: 2592–2597.

ИНФОРМАЦИЯ ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ

Сообщить о нежелательном явлении или жалобе на качество препарата вы можете по телефону (круглосуточно) в Республике Беларусь + 375 17 256 79 20.

За дополнительной информацией обращайтесь в представительство компании «Abbott Laboratories S.A.» (Швейцарская Конфедерация) в Республике Беларусь
220073, г. Минск, 1-й Загородный пер., д. 20, офис 1503
тел.: +375 17 202 22 87, факс: +375 17 256 79 20.

Abbott
A Promise for Life

PR-BY-TAR-10 (11/13) Рег. уд. МЗ РБ № 9137/09/11 от 30.12.2009 г. до 30.12.2014 г.

САХАРНЫЙ ДИАБЕТ 2 ТИПА И АРТЕРИАЛЬНАЯ ГИПЕРТЕНЗИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ КОМБИНИРОВАННОЙ ТЕРАПИИ С ПОЗИЦИЙ АНГИОПРОТЕКЦИИ

Т.В. Мохорт

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

По устоявшемуся мнению специалистов, артериальная гипертензия (АГ) ассоциирована с сахарным диабетом 2 типа (СД 2) более чем в 50 % случаев. При этом подавляющее большинство пациентов СД 2 умирает от сердечно-сосудистых заболеваний, а более 60 % нуждаются в использовании 2 или 3 гипотензивных препаратов для достижения адекватного контроля артериального давления (АД). Очевидно, что в такой ситуации в течение многих лет проблема ассоциации СД 2 и АГ активно изучается с позиций выбора оптимальных лекарственных средств, включая комбинированные препараты.

В 2013 г. выпущены очередные рекомендации Европейского общества гипертензии и Европейского общества кардиологов, которые содержат новые акценты, касающиеся целевых уровней АД, выбора оптимальных препаратов и их комбинаций, в том числе в различных клинических ситуациях [17]. Согласно данным рекомендациям, определены показатели оптимального (менее 120/80 мм рт. ст.), нормального (менее 120–129/80–85 мм рт. ст.) и высоконормального АД (130–139/85–89 мм рт. ст.). При СД целевой уровень АД менее 140/90 мм рт. ст. был определен ранее. Кроме того, при выборе комбинации препаратов гипотензивного действия отработаны варианты различной эффективности. Особенности лечения АГ при СД и нефропатии любого генеза определяют целесообразность использования блокаторов ренин-ангиотензиновой системы (РАС) не только для коррекции АД, но для обеспечения нефропротекции при развитии нефропатии на стадии микроальбуминурии. При этом выбор препаратов для комбинированной коррекции АД отдается на усмотрение врача в зависимости от конкретной клинической ситуации, за исключением комбинации различных блокаторов РАС [17].

Доказательная база эффективности использования гипотензивных препаратов для обеспечения снижения риска кардиоваскулярной летальности при СД 2 бесспорно доказана многочисленными исследованиями и метаанализами [16]. Однако существуют позиции, требующие отдельного анализа. Так, при развитии микрососудистых осложнений представляет интерес оценка эффективности гипотензивных препаратов для снижения риска прогрессирования ретинопатии, нефропатии и нейропатии.

Диабетическая ретинопатия (ДР) – микрососудистое осложнение, развивающееся при длительной декомпенсации СД, одновременно ассоциированной с повышением риска развития сердечно-сосудистой патологии и смертности от нее [14]. Последний метаанализ, посвященный изучению этой взаимосвязи, включал анализ 20 исследований (наблюдение за 19 234 пациентами, в том числе 14 896 пациентов с СД 2 типа) с ДР различной степени выраженности, подтвердил наличие связи ДР с кардиальной патологией и смертностью [15]. При этом АГ – управляемый фактор риска прогрессирования ДР. Результаты метаисследования UKPDS свидетельствуют, что снижение АД на 1 мм рт. ст. приводит к уменьшению риска прогрессирования ДР на 1,1 %, что определяет необходимость поддержания целевых показателей АД.

Традиционно препаратами первого выбора при коррекции АГ при СД являются ингибиторы ангиотензин-превращающего фермента (иАПФ) и блокаторы рецепторов ангиотензина II (БРА). Выбор этих классов препаратов при ДР основывается на доказательстве активации системы РАС и системного воспалительного ответа при ДР [19, 21, 30]. Проводимые исследования свидетельствуют о влиянии БРА на экспрессию VEGF и различных протеомных белков в сетчатке в эксперименте [8, 32].

Клинические исследования указывают на эффективное снижение риска развития и прогрессирования ДР при использовании иАПФ и БРА (EUCLID, DIRECT). Однако в ряде исследований (ACCORD, ADVANCE) и при длительном наблюдении за когортой исследования UKPDS не доказано позитивного влияния блокаторов РАС на развитие ДР [5, 6].

Более значимые результаты получены по предупреждению диабетической нефропатии (ДН), при которой назначение гипотензивных препаратов и блокаторов РАС обосновано 2 принципиально разными факторами, базирующимися на понимании эволюции ДН (рис. 1):

1. При прогрессивном развитии хронической болезни почек (ХБП) и нарастании протеинурии отмечается увеличение кардиоваскулярного риска; при ХБП ст. 3 пациенты чаще умирают, чем доживают до этапа почечно-заместительной терапии [12].

2. Потенциальное снижение протеинурии и замедление снижения скорости клубочковой фильтрации, так как среди причин риск развития почечной недостаточности в 5–6 раз выше у пациентов с коморбидными СД и АГ, чем у лиц, которые страдают одним из этих заболеваний.

Поскольку АГ ускоряет прогрессирование ДН, если последняя имела место еще до развития АГ, коррекция АД является облигатным фактором для коррекции ДН. При этом в большинстве случаев АГ развивается в результате активации системы РАС и в первую очередь повышения уровня ангиотензина II, вызывающего вазоконстрикцию, в том числе и отводящей

Рис.1. Этапы прогрессирования ХСН

почечной артериолы, уменьшение внутрипочечного кровотока, ишемию почки и активацию процессов склерозирования почечной паренхимы, что определяет актуальность выбора блокаторов РАС (иАПФ или БРА) в качестве препаратов первого выбора, так как они способны не только контролировать системное повышение АД, но и оказывать прямое нефропротективное воздействие. Высокая эффективность блокаторов РАС доказана в ряде крупных рандомизированных исследований (EUCLID, RENAAL, HOPE, LIFE, CALM, MARVAL, IDNT, HOT и др.) [1, 4], в которых подтверждена их способность замедлять прогрессирование ХБП, уменьшать потребность в почечно-заместительной терапии, снижать общую смертность независимо от их антигипертензивного действия.

С учетом понимания необходимости комбинированной терапии представляет интерес оценка потенциальных комбинаций блокаторов РАС с гипотензивными препаратами других классов. Рекомендации KDIGO (2012) предполагают назначение БРА/иАПФ пациентам с ХБП (недиализная стадия) при наличии микроальбуминурии 30–300 мг/сут или более 300 мг/сут, а также показаний для назначения антигипертензивных препаратов при СД 2 [11, 13].

Однако монотерапия блокаторами РАС позволяет добиться целевых значений АД лишь у немногочисленной группы пациентов с СД 2, в особенности с сопутствующей микроальбуминурией. Потенциальная комбинация – комбинация иАПФ и БРА изучена в исследовании CALM study. Итогом оценки комбинации иАПФ и БРА является внесение в рекомендации 2013 г. указания о нецелесообразности ее использования ни в лечении АГ, ни для нефропротекции в связи с отсутствием доказательств потенцирования эффекта [17].

Дальнейшая тактика предусматривает использование комбинированной терапии блокатора РАС с тиазидным/тиазидоподобным диуретиком или блокатором кальциевых каналов [18]. Эффективность комбинации периндоприла и индапамида подтверждена в различных исследованиях, включая ADVANCE. Данная комбинация эффективна в снижении риска макрососудистых осложнений, кардиоваскулярной смертности и ДН при отсутствии влияния на ДР и нейропатию.

Альтернативная комбинация – комбинация блокаторов БРА и кальциевых каналов [31]. В исследованиях ASCOT-BPLA, ASCOT-CAFÉ и Nephros Study подтверждено позитивное влияние комбинаций периндоприла и амлодипина, рамиприла и фелодипина на развитие ДН. Эти и другие исследования послужили основанием для создания фиксированных комбинаций в одной таблетке. Эффективность фиксированной комбинации иАПФ/БРА с кальциевым блокатором формируется за счет не столько каждого из компонентов, сколько их сочетания. Вместе с тем масштабных или популяционных постмаркетинговых исследований для оценки эффективности фиксированных комбинаций практически не проводилось.

Отдельные препараты и комбинации имеют значимые преимущества, и это прежде всего комбинации ингибиторов АПФ и наиболее перспективного в плане нефропротекции блокатора кальциевых ка-

налов – верапамила. Это обусловлено тем, что верапамил не вызывает повышения внутриклубочкового гидростатического давления и не оказывает негативного метаболического влияния на углеводный обмен и параметры липидограммы, одновременно вызывая снижение протеинурии и уровня креатинина [3]. В результате продемонстрированы преимущества комбинации трандолаприла и верапамила перед комбинацией лозартана и гидрохлортиазида по степени снижения риска развития СД у пациентов с АГ и предиабетом и уменьшения суточной экскреции альбумина с мочой при равноценном снижении АД [2].

В исследовании PRADID доказано, что комбинированное использование иАПФ трандолаприла и верапамила обеспечивает более значимое снижение АД, чем монопрепараты [25]. Нефропротективные эффекты верапамила подтверждены у 119 пациентов с первичной почечной патологией и АГ в исследовании PROCOPA [23].

При анализе нефропротективного эффекта имеет значение оценка не только замедления развития ДН, но и первичная ее профилактика. Оценка нефропротективного эффекта иАПФ трандолаприла и верапамила – недигидропиридинового блокатора кальциевых каналов – в виде монотерапии против их фиксированной комбинации при СД была произведена в многоцентровом двойном слепом плацебо-контролируемом рандомизированном исследовании (BENEDICT), включавшем наблюдение за 1204 пациентами с СД 2 и АГ старше 40 лет с отсутствием признаков нарушения функции почек (ночная экскреция альбумина менее 20 мкг/мин при 2 последовательных измерениях, уровень креатинина сыворотки крови не более 133 ммоль/л) в течение не менее 3 лет [26]. Пациенты были распределены на 4 группы по качеству лечения:

1-я (n = 301) – 2 мг/сут трандолаприла;

2-я (n = 303) – верапамил SR в дозе 240 мг/сут;

3-я (n = 300) – трандолаприл 2 мг/сут в комбинации с верапамилом SR 240 мг/сут;

4-я (n = 300) – плацебо.

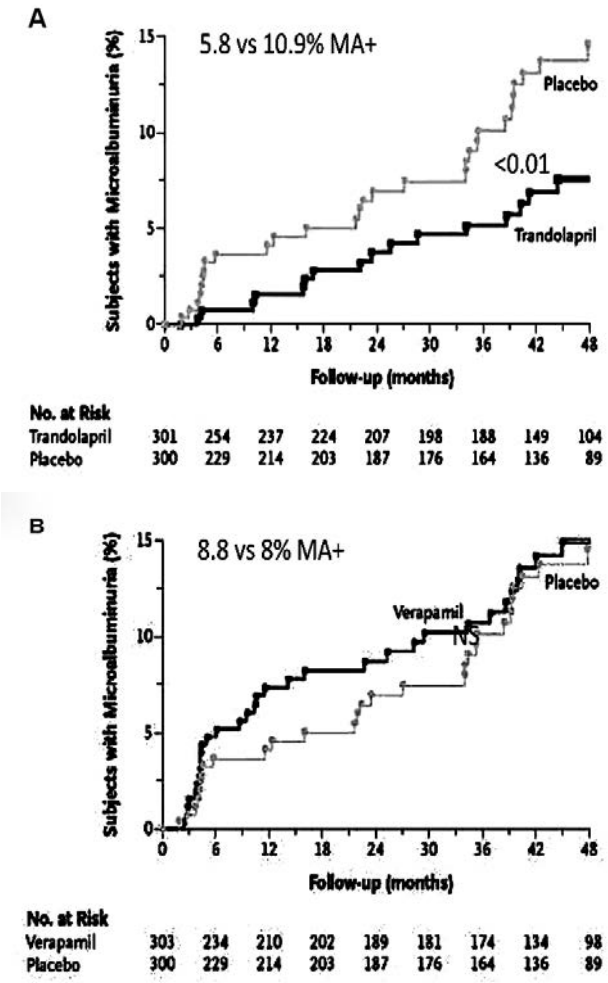
Кроме того, при необходимости для достижения целевого АД (120/80 мм рт. ст.) могли использоваться другие препараты (гидрохлортиазид или фуросемид; доксазозин, празозин, клонидин, метилдопа; миноксидил и др.). Не назначались калийсберегающие диуретики и другие блокаторы РАС и недигидропиридиновые блокаторы кальциевых каналов. Лечение СД не изменялось, целевой уровень HbA1c был определен менее 7 %. Средняя продолжительность СД до начала исследования составила около 8 лет; средний уровень HbA1c – менее 5,8 %; среднее АД – 151/88 мм рт. ст.; уровень экскреции альбумина не превышал 10,5 мг/мин и в среднем составлял менее 6 мг/мин. Оценка результатов включала уровень АД, ночную экскрецию альбумина с мочой, уровень глюкозы, калия, натрия и креатинина в сыворотке крови, HвA1c, суточную альбуминурию, липидный профиль крови и безопасность лечения. Первичной конечной точкой было определено развитие постоянной микроальбуминурии (ночная экскреция альбумина не менее 20 мкг/мин при двух последовательных измерениях).

По результатам исследования BENEDICT, первичная конечная точка (постоянная микроальбуминурия) к концу наблюдения была определена у 6,0 % пациентов 1-й группы, 11,9 % – 2-й, 5,7 % – 3-й и у 10,0 % группы контроля (плацебо). Выявленные различия впервые были зафиксированы через 3 месяца от начала лечения и нарастали с течением времени. При сравнении результатов лечения комбинацией трандолаприла и верапамила с плацебо частота регистрации первичной точки, т. е. количества пациентов с микроальбуминурией, была ниже на 61 %. После статистической обработки результатов и внесения коррекции на пол, возраст, уровень АД и т. п. было обнаружено, что коэффициенты, отражающие влияние анализируемых препаратов на скорость прогрессирования поражения почек, составили в группе комбинированной терапии 0,39 по сравнению с плацебо (p = 0,01); после поправки только на уровни систолического и диастолического АД – 0,46 (p = 0,03) и 0,46 (p = 0,04) соответственно. При этом в группе трандолаприла коэффициент снижения частоты развития микроальбуминурии составил 0,47 по сравнению с плацебо (p = 0,01) и был недостоверным в группе монотерапии верапамилом 0,83 против плацебо (p = 0,54). Важная особенность результатов, подтверждающих прямой нефропротективный эффект, – отсутствие различий в уровнях АД во всех группах сравнения. Оценка безопасности свидетельствует об отсутствии принципиальных различий в группах сравнения [26].

Таким образом, в исследовании BENEDICT показано, что трандолаприл как в комбинации с верапамилом, так и в качестве монотерапии предупреждает развитие микроальбуминурии у пациентов с СД 2 и АГ (рис. 2).

Снижение риска развития микроальбуминурии в настоящее время рассматривается как управление не только развитием ДН, но и фактором кардиального риска и смерти [20]. Принципиальное отличие исследования BENEDICT от приведенных ранее, посвященных оценке коррекции манифестных форм ДН, – оценка влияния на доклиническую стадию развития ДН.

В 2011 г. опубликованы результаты пролонгированного наблюдения за когортой пациентов с СД 2, АГ и микроальбуминурией, включенных в рандомизированное исследование BENEDICT-B, посвященное оценке эффективности верапамила, дополняющего терапию трандолаприлом [27]. Исследование BENEDICT-B – мультицентровое проспективное двойное слепое в параллельных группах, посвященное сравнению почечных и кардиоваскулярных исходов у 281 пациента с компенсированным СД 2 (HвA1c менее 7 %), АГ и микроальбуминурией (более 200 мкг/мин при 2 последовательных визитах), рандомизированных для двухлетней терапии на группы верапамила/трандолаприла 180 мг/2 мг/сутки и трандолаприла (2 мг/сутки). За период наблюдения, составивший



АД: 139/81 группа 1
141/82 группа 2
139/80 группа 3
142/83 группа 4

Ruggenenti, P. et al. N Engl J Med 2004;351:1941-1951

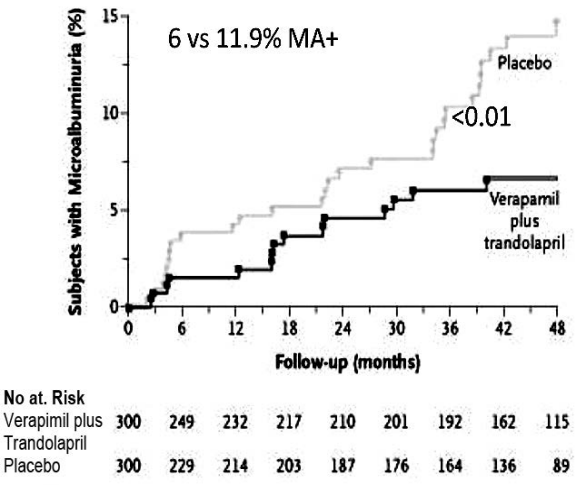


Рис. 2. BENEDICT: частота развития микроальбуминурии

4,5 года, сделано заключение, что у пациентов с СД 2, АГ и микроальбуминурией добавление верапамила к терапии трандолаприлом не улучшало почечные и кардиоваскулярные события. Независимо от верапамила назначение трандолаприла приводило к нормализации альбуминурии у половины пациентов, что сопровождалось достоверной кардиопротекцией.

Доступные в онлайн-версии результаты исследования GFR study подчеркивают актуальность оценки первой стадии ДН – гиперфильтрации [29]. По результатам этого исследования формулируется дискуссионный вывод: ингибиция АПФ не является решающей в раннем развитии ДН. В указанном исследовании оценивалась динамика скорости клубочковой фильтрации (СКФ) у 600 пациентов с СД 2, АГ, ДН с нормо- или микроальбуминурией. В данное исследование были включены пациенты из исследований DEMAND [28] и BENEDICT-B, в которых применялись иАПФ трандолаприл и делаприл (целевое АД < 120/80 мм рт. ст., HbA1c < 7 %) со средним временем наблюдения 4,0 года. По результатам снижение СКФ составило 3,37 (5,71–1,31) мл/мин/1,73 м^2/год и имело бимодальный характер во времени: более выраженное снижение в первые 6 месяцев, а затем – постепенное (коэффициент –0,0054; SE 0,0009), особенно среди пациентов с исходным повышенным уровнем СКФ (90 пациентов с гиперфильтрацией). Исчезновение гиперфильтрации не зависело от начальных характеристик или ингибиции АПФ, но ассоциировалось с улучшением уровня АД и метаболическим контролем. Авторы заключают, что, несмотря на интенсификацию лечения, у пациентов с СД 2 зарегистрировано быстрое снижение СКФ, а гиперфильтрация наблюдается у определенной группы лиц и может обусловливать дальнейшее снижение функции и прогрессирование нефропатии. Очевидно, что для уточнения, можно ли считать исчезновение гиперфильтрации ренопротективным эффектом, требуются дальнейшие исследования.

Фактически GFR Study показало, что контроль АД и уровня гликемии является ведущим в замедлении снижения СКФ, что согласуется с общепринятыми подходами к лечению и профилактике ДН [29]. Для изучения возможностей иАПФ и блокаторов кальциевых каналов дигидропиридинового ряда в уменьшении осложнений СД было проведено мультицентровое двойное слепое плацебо-контролируемое 3-летнее исследование DEMAND, в котором сравнили динамику СКФ, частоту кардиоваскулярных событий, ретинопатии и нейропатии у 380 пациентов с СД 2, АГ, микроальбуминурией (менее 200 мг/мин) [28].

Пациенты рандомизированы для лечения комбинацией манидипин/делаприл, делаприлом или плацебо. Среднее ежемесячное снижение СКФ составило 0,32 мл/мин/1,73 м^2 на комбинированной терапии, 0,36 мл/мин/1,73 м^2 на делаприле и 0,30 мл/мин/1,73 м^2 при приеме плацебо (p = 0,87 и p = 0,53 против комбинированной терапии и делаприла соответственно). Альбуминурия была стабильной во всех группах сравнения. По итоговым результатам у пациентов с СД 2 и АГ лечение делаприлом или манидипином/делаприлом не привело к уменьшению замедления снижения СКФ, однако улучшило состояние сердечно-сосудистой системы и снизило риск развития нейропатии, ретинопатии и стабилизировало чувствительность к инсулину. В то же время известно, что добавление лерканидипина к иАПФ/БРА усиливает антигипертензивный и антипротеинурический эффекты блокады РАС [24].

Важным аспектом, на который следует обращать внимание при выборе 2-го препарата к дополнению блокаторов РАС, является то, что СД 2 нередко ассоциирован с гиперурикемией, а снижение уровня мочевой кислоты позволяет достоверно замедлить прогрессирование утраты функции почек, определяемой по скорости клубочковой фильтрации, уменьшить кардиоваскулярный риск, являющийся ведущей причиной смерти пациентов с почечной недостаточностью, и риск госпитализаций [9]. Негативное влияние на прогрессию гиперурикемии оказывают тиазидные и петлевые диуретики. С этой позиции оптимальные препараты выбора для коррекции артериальной гипертензии по рекомендациям Американской коллегии ревматологов (2012) – антагонисты кальция, которые улучшают отхождение уратных камней, и лозартан [10].

Представляют интерес результаты международного мультицентрового рандомизированного исследования 22 576 пациентов с СД 2 INVEST, целью которого было переосмысление целевых уровней АД у пациентов с коронарной болезнью и определение различий при использовании комбинации трандолаприла и верапамила с целевым систолическим АД менее 130 (группа жесткого контроля), 130–140 мм рт. ст. (группа мягкого контроля) и группой пациентов, не достигших систолического АД менее 140 мм рт ст. [7]. Были продемонстрированы значимо худшие результаты в группе с АД более 140 мм рт. ст., а после проведения статистического анализа – в группах с целевыми показателями АД, определено увеличение общей смертности среди пациентов с низкими значениями АД (менее 115 мм рт. ст.) (рис. 3) [22]. По результатам исследования INVEST комбинация трандолаприл/верапамил обеспечивает достижение целевого уровня АД у 71,7 % пациентов с АГ и ИБС. Как указывалось ранее, современные рекомендации по целевым уровням АД претерпели изменения в сторону увеличения целевых параметров АД и результаты исследования INVEST внесли в принятие этого решения определенный вклад [7, 22].

Суммируя приведенные данные, можно сделать вывод, что синергическая активность двух действующих

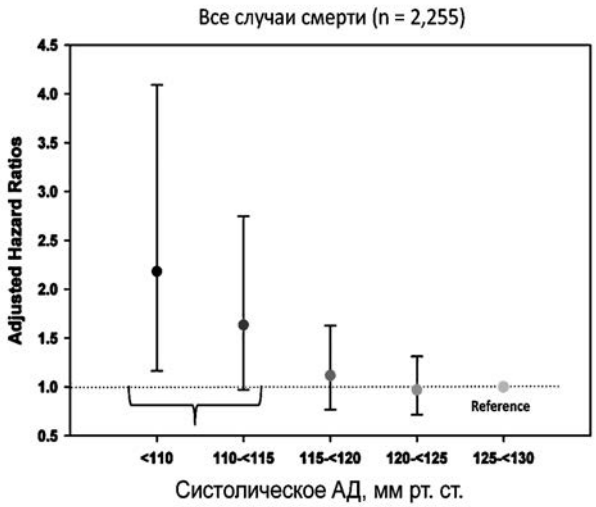


Рис. 3. Результаты исследования INVEST: исходы жесткого контроля АД

веществ (трандолаприла и верапамила SR) обусловлена их комплементарным фармакологическим действием, что позволяет использовать данную комбинацию не только у пациентов с АГ, но и при наличии СД 2 с риском развития ДН или ее манифестных проявлениях.

Таким образом, для обеспечения предупреждения сосудистых осложнений, включая нефро- и кардиопротекцию, рекомендуются:

контроль АД до целевого уровня менее 130/80 мм рт. ст. (ADA, 2012) или менее 120/80 мм рт. ст. (GFR Study, 2012);

оптимизация уровня глюкозы (HbA1c < 7 %).

Спорным вопросом является выбор препарата, однако традиционное использование препаратов, блокирующих РАС в комбинации с кальциевыми блокаторами и тиазидоподобными диуретиками, считается предпочтительным. Снижение общей и сердечно-сосудистой смертности в сравнении с контрольной группой, принимающей ингибиторы РАС, доказано при использовании комбинации периндоприла и индапамида (ADVANCE).

Особенность препаратов, подавляющих активность РАС, – вазодилатирующая способность выносящей артериолы клубочка. Большая часть ренопротекторного эффекта обусловлена именно этим свойством, характерным для иАПФ/БРА. Добавление второго препарата в целях поддержания и усиления ренопротекторного эффекта, очевидно, должно базироваться на аналогичной способности уменьшать гломерулярную фильтрацию.

Среди рекомендуемых комбинаций иАПФ с блокаторами кальциевых каналов фиксированная комбинация трандолаприла и верапамила весьма перспективна, так как важным для прогноза ДН является устранение гиперфильтрации, отражающей первую стадию диабетического поражения почек за счет оптимизации АД и уровня гликемии, которое может быть достигнуто при использовании верапамила (BENEDICT).

ЛИТЕРАТУРА

1. Intensive blood-pressure control in hypertensive chronic kidney disease / L.J. Appel [et al.] // N. Engl. J. Med. 2010; 363 (10): 918–929.
2. STAR investigators. Differences in glucose tolerance between fixed dose antihypertensive drug combinations in people with metabolic syndrome / G. Bakris [et al.] // Diabetes Care. 2006; 29: 2592–2599.
3. Effects of an ACE inhibitor/calcium antagonist combination on proteinuria in diabetic nephropathy / G.L. Bakris [et al.] // Kidney Int. 1998; 54 (4): 1283–1289.
4. Angiotensin-receptor blockade versus converting-enzyme inhibition in type 2 diabetes and nephropathy / A. Barnett [et al.] // NEJM. 2004; 351: 1952–1961.
5. Effects of blood pressure lowering and intensive glucose control on the incidence and progression of retinopathy in patients with type 2 diabetes mellitus: a randomised controlled trial / J.W. Beulens [et al.]; AdRem project team; ADVANCE management committee // Diabetologia. 2009; 52 (10): 2027–2036.
6. Chew E.Y., Ambrosius W.T. Update of the ACCORD Eye Study // N. Engl. J. Med. 2011; 364 (2): 188–189;
7. INVEST Investigators. Predictors of development of diabetes mellitus in patients with coronary artery disease taking antihypertensive medications (findings from the INternational VErapamil SR-Trandolapril STudy [INVEST]) / R. Cooper-Dehoff [et al.] // Am. J. Cardiol. 2006; 98 (7): 890–894.
8. Angiotensin AT1 receptor antagonism ameliorates murine retinal proteome changes induced by diabetes / B.B. Gao [et al.] // J. Proteome Res. 2009; 8: 5541–5549.
9. Effect of allopurinol in chronic kidney disease progression and cardiovascular risk / M. Goicoechea [et al.] // Clin. J. Am. Soc. Nephrol. 2010; 5 (8): 1388–1393.
10. American College of Rheumatology 2012 recommendations for the use of nonpharmacologic and pharmacologic therapies in osteoarthritis of the hand, hip, and knee / M.C. Hochberg [et al.] // Arthritis Care Res. (Hoboken). 2012; 64 (4): 465–474.
11. National Kidney Foundation. KDOQI Clinical Practice Guideline for Diabetes and CKD: 2012 update // Am. J. Kidney Dis. 2012; 60 (5): 850–886.
12. Longitudinal follow-up and outcomes among a population with chronic kidney disease in a large managed care organization / D.S. Keith [et al.] // Arch Intern. Med. 2004; 164: 659–663.
13. Kidney Disease: Improving Global Outcomes (KDIGO) Blood Pressure Work Group. KDIGO Clinical Practice Guideline for the Management of Blood Pressure in Chronic Kidney Disease // Kidney inter. Suppl. 2012; 2: 337–414.
14. Association of ocular disease and mortality in a diabetic population / R. Klein [et al.] // Arch. Ophthalmol. 1999; 117 (11):1487–1495.
15. Diabetic retinopathy predicts all-cause mortality and cardiovascular events in both type 1 and 2 diabetes: meta-analysis of observational studies / C.K. Kramer [et al.] // Diabetes Care. 2011; 34 (5): 1238–1244.
16. Law M.R., Morris J.K., Wald N.J. Use of blood pressure lowering drugs in the prevention of cardiovascular disease: meta-analysis of 147 randomised trials in the context of expectations from prospective epidemiological studies // BMJ. 2009; 338: b1665.
17. The Task Force for the management of arterial hypertension of the European Society of Hypertension (ESH) and of the European Society of Cardiology (ESC) / G. Mancia [et al.]; 2013 ESH/ESC Guidelines for the management of arterial hypertension // Eur. Heart J. doi:10.1093/eurheartj/eht151.
18. Reappraisal of European guidelines on hypertension management: a European society of Hypertension Task Force document / G. Mancia [et al.] // J. Hypertension. 2009; 27: 2121–2158.
19. Suppression of diabetes-induced retinal inflammation by blocking the angiotensin II type 1 receptor or its downstream nuclear factor-kappa B pathway / N. Nagai [et al.] // Invest. Ophthalmol. Vis. Sci. 2007; 48: 4342–4350.
20. Albuminuria and kidney function independently predict cardiovascular and renal outcomes in diabetes / T. Ninomiya [et al.] // J. Am. Soc. Nephrol. 2009; 20 (8): 1813–1821.
21. Vitreous levels of interleukin-6 and vascular endothelial growth factor in macular edema with central retinal vein occlusion / H. Noma [et al.] // Ophthalmology. 2009; 116: 87293.
22. A calcium antagonist vs a non-calcium antagonist hypertension treatment strategy for patients with coronary artery disease. The International Verapamil-Trandolapril Study (INVEST): a randomized controlled trial / C.J. Pepine [et al.]; the INVEST Investigators // JAMA. 2003; 290: 2805–2816.
23. PROCOPA Study Group. Dissociation between blood pressure reduction and fall in proteinuria in primary renal disease: a randomized double-blind trial // J. Hypertens. 2002; 20 (4): 729–737.
24. Treatment of proteinuria with lercanidipine associated with renin-angiotensin axis-blocking drugs / N.R. Robles [et al.] // Ren. Fail. 2010; 32 (2): 192–197.
25. Intervention at lower blood pressure levels to achieve target goals in type 2 diabetes: PRADID (PResión Arterial en DIabéticos tipo Dos) study / L.M. Ruilope [et al.] // J. Hypertens. 2004; 22 (1): 217–222.
26. The Bergamo Nephrologic Diabetes Complications Trial (BENEDICT) Investigators. Preventing microalbuminuria in type 2 diabetes / P. Ruggenenti [et al.] // NEJM. 2004; 351 (19): 1941–1951.
27. Effects of verapamil added-on trandolapril therapy in hypertensive type 2 diabetes patients with microalbuminuria: the BENEDICT-B randomized trial / P. Ruggenenti [et al.] // J. Hypertens. 2011; 29 (2): 207–216.
28. Effects of manidipine and delapril in hypertensive patients with type 2 diabetes mellitus: the DElapril and MAnidipine for Nephroprotection in Diabetes (DEMAND) randomized clinical trial / P. Ruggenenti [et al.] // Hypertension. 2011; 58 (5): 776–783.
29. Glomerular hyperfiltration and renal disease progression in type 2 diabetes / P. Ruggenenti [et al.] // Diabetes Care. 2012; 6. doi: http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/22773704.
30. (Pro)renin receptor-mediated signal transduction and tissue renin-angiotensin system contribute to diabetes-induced retinal inflammation / S. Satofuka [et al.] // Diabetes. 2009; 58: 1625–1633.
31. Effects of calcium channel blockers on proteinuria in patients with diabetic nephropathy / R.D. Toto [et al.] // J. Clin. Hypertens . (Greenwich). 2008; 10 (10): 761–769.
32. Retinal expression of vascular endothelial growth factor is mediated by angiotensin type 1 and type 2 receptors / X. Zhang [et al.] // Hypertension. 2004; 43: 276–281.

Поступила 12.09.2013

НЕАЛКОГОЛЬНАЯ ЖИРОВАЯ БОЛЕЗНЬ ПЕЧЕНИ В ПРАКТИКЕ ВРАЧА-ЭНДОКРИНОЛОГА

Н.В. Мурашко, А.А. Романовский, Л.И. Данилова

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

Представлены современные аспекты диагностики и лечения неалкогольной жировой болезни печени в практике врача-эндокринолога, включая международные практические рекомендации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

метаболический синдром, неалкогольная жировая болезнь печени, факторы риска, диагностика, лечение, практические рекомендации

KEY WORDS

metabolic syndrome, nonalcoholic fatty liver disease, risk factors, diagnosis, treatment, practical recommendations

The paper presents the modern aspects of diagnosis and treatment of nonalcoholic fatty liver disease in the practice endocrinologist, including the International practical recommendations.

В структуре эндокринной патологии взрослого населения доминирующее место занимает сахарный диабет 2 типа, который в большинстве случаев сочетается с ожирением, артериальной гипертензией, атерогенной дислипидемией. Эти заболевания связаны единой патогенетической основой – инсулинорезистентностью, и определяют диагностические критерии метаболического синдрома [25, 57, 65]. Последние десятилетия патогенетические механизмы, ассоциированные с нарушением действия инсулина, определены как ведущие при формировании синдрома поликистозных яичников у женщин и андрогенного дефицита у мужчин с метаболическим синдромом [1, 56].

Эпидемиологическими исследованиями установлено, что среди пациентов с проявлениями метаболического синдрома неалкогольная жировая болезнь печени (НАЖБП) встречается чаще, чем в общей популяции [35, 45, 60], и такие пациенты более подвержены риску прогрессирующего поражения печени [55].

В настоящее время, когда пристальное внимание направлено на все аспекты проявлений метаболического синдрома как ключевых факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний [42], особое значение придается ранней диагностике и лечению НАЖБП. Уровень смертности среди пациентов с НАЖБП выше, чем в общей популяции, и основной причиной являются сердечно-сосудистые заболевания [18, 19, 21, 37, 39, 40, 49, 67].

Выбор оптимальных неинвазивных методов диагностики, маркеров прогрессирования поражения печени (стеатогепатит, фиброз, цирроз), специфической фармакотерапии НАЖБП остаются дискутабельными, однако уже имеющиеся результаты проведенных исследований позволили Американской ассоциации по изучению болезней печени (AASLD) выработать ряд практических рекомендаций по диагностике и лечению НАЖБП [41].

Для оценки уровня доказательности и качества доказательной базы рекомендаций использовались стандартные характеристики (GRADE) [24]:

высокий уровень доказательности (1) основан на высоком качестве доказательств, имеет важное значение для результатов лечения;

невысокий уровень доказательности (2) – неустойчивое качество доказательств, требующее дополнительных исследований;

качество доказательной базы: высокое (А) – не требуются дальнейшие исследования для подтверждения клинического эффекта; умеренное (В) – дальнейшие исследования могут повлиять на достоверность оценки клинического эффекта; низкое (С) – дальнейшие исследования могут изменить оценку клинического эффекта.

Доминирующее в определении неалкогольной жировой болезни печени – наличие клинико-лабораторных и инструментально-морфологических проявлений стеатоза (верифицированных с помощью УЗИ, КТ, МРТ или гистологически) в отсутствие других причин вторичного повреждения печени (алкогольная токсическая нагрузка, вирусная этиология, наследственные заболевания, медикаменты).

Неалкогольная жировая болезнь печени гистологически определяется как неалкогольный стеатоз (НС) – жировая инфильтрация без признаков воспаления, и неалкогольный стеатогепатит (НАСГ) – стеатоз с признаками повреждения гепатоцитов при наличии или отсутствии фиброза. В то время как при НС наблюдается отсутствие или очень медленное прогрессирование морфологических изменений, НАСГ может прогрессировать до стадии цирроза [23, 60].

Эпидемиология. Распространенность НАЖБП в общей популяции, по данным исследований различными методами, составляет от 6,3 до 33 % с медианой 20 % [60]. К факторам риска, ассоциированным с НАЖБП, относятся ожирение, СД 2 типа,

дислипидемия, СПКЯ, гипогонадизм, обструктивное апноэ во сне, гипотироз, гипопитуитаризм. У пациентов с морбидным ожирением частота НАЖБП достигает 90 % и до 5 % – цирроза [9, 10, 16, 25, 38, 60]. При СД 2 типа она колеблется, по различным данным, от 69 до 87 % [35, 45], НАЖБП встречается у 50 % пациентов с дислипидемией [7].

Практические рекомендации по диагностике. Исключение алкогольной нагрузки в токсических для печени дозах – важная составляющая диагностики НАЖБП. По результатам различных исследований, определение величины токсических доз алкоголя колеблется от 10 до 40 г в день. Sanyal и соавт. (2011) предложили оценивать токсические дозы алкоголя в исследованиях НАЖБП как > 21 дозы в неделю для мужчин и > 14 доз в неделю для женщин в течение 2 и более лет до проведения исходной биопсии печени [50]. С самым низким уровнем доказательности (2С) эта оценка принята в качестве действующей рекомендации.

НАЖБП – по существу асимптоматическое состояние. У пациентов со стеатозом основное проявление при обследовании – гепатомегалия, диагноз устанавливается на основании сонографии или радиологического исследования. Может быть определено легкое или умеренное повышение АЛТ, АСТ с коэффициентом АСТ: АЛТ < 1 [6]. Зачастую пациентам проводится визуализация органов брюшной полости или рутинное биохимическое исследование по другим причинам, и стеатоз является случайной находкой.

Практические рекомендации по необходимости дальнейшего обследования пациентов. Согласно международным рекомендациям [6], если у пациента при наличии стеатоза, установленного с помощью сонографии, КТ, МРТ, имеют место клинические признаки или повышение уровня трансаминаз, необходимо дальнейшее обследование (1А).

Если у пациента при наличии стеатоза, установленного с помощью сонографии, КТ, МРТ, отсутствуют клинические признаки и/или биохимические сдвиги, дальнейшее обследование касается только оценки факторов риска (ожирение, нарушение толерантности к глюкозе, дислипидемия) и других причин развития стеатоза (алкоголь, лекарства) (1А).

Если у пациента при наличии стеатоза, установленного с помощью сонографии, КТ, МРТ, отсутствуют клинические признаки и биохимические сдвиги, выполнение биопсии печени не рекомендуется (1В).

Проведение систематического скрининга НАЖБП в группах высокого риска не оправдано, поскольку в настоящее время не отработаны недорогие, но чувствительные тесты (1В).

Как известно, уровень печеночных трансаминаз остается в нормальных пределах примерно у 78 % пациентов с НАЖБП и не является специфичным и чувствительным методом для скрининга [6].

Начальное обследование предусматривает исключение состояний, которые могут стать этиологическим фактором для хронического заболевания печени. Диагноз НАЖБП устанавливается при наличии следующих результатов клинико-инструментального обследования: стеатоза (сонография, КТ, МРТ или биопсия); отсутствия алкогольной токсической нагрузки; отсутствия других причин для развития стеатоза (гепатит С, парентеральное питание, болезнь Вильсона, прием ряда лекарственных препаратов); отсутствие сопутствующих заболеваний, которые могут вызвать поражение печени (наследственные, аутоиммунные заболевания, хронические вирусные гепатиты).

Лечение НАЖБП. Ведение пациентов с НАЖБП включает коррекцию печеночных изменений и ассоциированных состояний – ожирения, гиперлипидемии, СД 2 типа, инсулинорезистентности. Поскольку у пациентов с НАЖБП без стеатогепатита прогноз относительно функции печени благоприятный, лечение заболевания следует сосредоточить на пациентах с НАСГ [41].

Модификация образа жизни. Модификация образа жизни, согласно результатам неконтролируемых исследований, приводит к снижению уровня трансаминаз и проявлений стеатоза (гистологически) [31, 34, 41, 69]. Сочетание модификации образа жизни с орлистатом было изучено в 2 контролируемых рандомизированных исследованиях. В одном из них получены данные о статистически значимом снижении уровня АЛТ и сонографических проявлений стеатоза в группе пациентов, получавших орлистат, однако гистологического подтверждения получено не было [68], в другом – не получено достоверных данных об эффективном влиянии орлистата на проявления НАЖБП, подтвержденных гистологически [41].

Рандомизированное исследование 31 пациента с ожирением и НАЖБП, где сравнивались интенсивное изменение образа жизни (диета, физическая нагрузка 200 мин в неделю в течение 48 нед) и обучение пациентов основам модификации образа в жизни, показало, что в группе интенсивного контроля, где потеря веса составила 9,3 %, улучшились проявления стеатоза, некроза и воспаления, но не фиброза [69]. Важный результат исследований – данные, что на фоне потери веса более 5 % улучшаются проявления стеатоза, а потеря веса более 7 % достоверно улучшает проявления стеатогепатита [41].

Исследования с использованием МР-спектроскопии подтверждают снижение аккумуляции жира в печени от 20 до 81 % в ответ на модификацию образа жизни, включая только диетотерапию [17, 32, 44, 59, 64] или диетотерапию в комбинации с физической нагрузкой различной интенсивности [33, 34, 52, 53, 55, 58]. Степень снижения жировой инфильтрации пропорциональна интенсивности мероприятий по модификации образа жизни и соответствует потере 5–10 % массы тела от фактической.

Рекомендации по модификации образа жизни. Согласно международным рекомендациям, потеря веса, достигнутая только гипокалорийной диетой или в сочетании с физической нагрузкой, снижает аккумуляцию жира в печени (стеатоз) (1А).

Потеря веса на 3–5 % от фактической необходима для улучшения проявлений стеатоза, на 5–10 % – для улучшения проявлений стеатогепатита (1В).

Физическая нагрузка у пациентов с НАЖБП может редуцировать проявления стеатоза, воздействие на другие проявления не установлено (1В).

Применение инсулиносенситайзеров. Метформин известен как препарат первого выбора в коррекции СД 2 типа. Эффективность метформина как инсулиносенситизирующего препарата обеспечивается его способностью стимулировать поглощение глюкозы в мышцах, снижать глюконеогенез в печени и стимулировать окисление жирных кислот в жировой ткани, улучшая периферическую чувствительность к инсулину. Многие клинические исследования были посвящены выяснению эффектов метформина у пациентов с НАЖБП. В большинстве случаев изучалось действие различных доз препарата на биохимические параметры (трансаминазы), гистологическую картину, проявления метаболического синдрома [3, 5, 12, 22, 45–48]. В 2001 г. Marchesini и соавт. [22] провели первое нерандомизированное исследование использования метформина 1500 мг/сут в течение 4 мес у 20 пациентов с НАЖБП без диабета. Установлено достоверное улучшение параметров инсулинорезистентности, уровня трансаминаз, размеров печени в группе лечения по сравнению с контролем, получавшим диетотерапию. В этом исследовании не проводилась биопсия печени по окончании исследования, поэтому гистологически эффект терапии был не подтвержден. В другом рандомизированном исследовании, сравнивающем диетотерапию и прием метформина (1700 мг/сут), у 17 пациентов с НАЖБП не установлено гистологических различий между группами, однако уровень АСТ и АЛТ, ИМТ, параметры инсулинорезистентности достоверно улучшились в группе метформина [3].

Далее динамика гистологической картины, уровня аминотрансфераз, маркеров инсулинорезистентности на фоне лечения метформином у пациентов с НАЖБП была изучена в 6 открытых исследованиях, где применялись различные дозы препарата и различная продолжительность терапии [12, 30, 43, 46–48]. Все эти исследования подтвердили улучшение параметров инсулинорезистентности, в 5 из них имело место снижение уровня печеночных трансфераз и только в одном – недостоверное увеличение данного показателя [48]. По результатам гистологических находок только в 3 из 6 исследований выявлены достоверные различия степени воспаления, проявлений стеатоза, фиброза после терапии метформином [12, 43, 47].

В противоположность упомянутым работам с обнадеживающими результатами в ряде открытых исследованиях не найдено существенных различий в выраженности стеатоза, уровне аминотрансфераз, маркеров инсулинорезистентности при лечении метформином (дозы – от 1500 до 1700 мг/сут, продолжительность от 6 до 12 мес) по сравнению с контролем [2, 67].

Проведенный в 2005 г. метаанализ, посвященный оценке эффектов метформина при НАЖБП, показал, что сочетание модификации образа жизни с приемом метформина в течение 6–12 мес не имеет преимуществ перед только модификацией образа жизни (уровень аминотрансфераз, гистологическая картина) [30].

Рекомендации по использованию метформина. Согласно международному руководству, на настоящий момент эффективность метформина в отношении гистологических проявлений НАЖБП не доказана, поэтому препарат не может быть рекомендован в качестве специфической терапии неалкогольного стеатогепатита (1А).

Тиазолидиндионы. Влияние пиоглитазона и розиглитазона на уровень аминотрансфераз и гистологические изменения также изучался у пациентов с НАЖБП. Ratziu и соавт. [70] опубликовали результаты рандомизированного контролируемого исследования, где в группе розиглитазона установлено статистически значимое улучшение уровня печеночных ферментов и стеатоза, но не проявлений воспаления и фиброза. Открытое 2-летнее продолжение наблюдения подтвердило эти результаты [71]. PIVENS – мультицентровое рандомизированное контролируемое исследование, где 247 пациентов с НАЖБП без СД 2 типа разделились на 3 группы и наблюдались в течение 24 мес: пиоглитазон (30 мг/сут), витамин Е (800 МЕ/сут) или плацебо [41]. Первичная точка (проявления баллонной дистрофии, лобулярной инфильтрации) была достигнута у 19 % в группе плацебо по сравнению с 34 % в группе пиоглитазона ($p = 0,04$) и 43 % в группе витамина Е ($p = 0,001$). Вторичная точка (разрешение неалкогольного стеатогепатита) была достигнута у 47 % пациентов в группе пиоглитазона по сравнению с 21 % в группе плацебо ($p = 0,001$). Кроме того, применение пиоглитазона ассоциировано с набором веса 4,7 кг по сравнению с плацебо ($p < 0,001$). Метаанализ 5 рандомизированных контролируемых исследований пиоглитазона у пациентов с НАЖБП показал достоверное улучшение проявлений стеатоза (OR 4,05, 95 % CI 2,58–6,35), воспаления (OR 3,53, 95 % CI 2,21–5,64), но не фиброза (OR 1,40, 95 % CI 0,87–2,24) [41].

Рекомендации по использованию пиоглитазона. Пиоглитазон может использоваться для лечения гистологически подтвержденного стеатогепатита у пациентов с НАЖБП. Долговременная эффективность и безопасность пиоглитазона для пациентов с НАЖБП не установлены (1В).

Витамин Е. Поскольку ключевым механизмом повреждения гепатоцитов и прогрессирования неалкогольного стеатогепатита является оксидативный стресс, оценивались антиоксидантные эффекты витамина Е в лечении НАСГ [20, 26, 27, 51, 66]. Согласно полученным результатам, применение витамина Е ассоциировано со снижением уровня трансаминаз, улучшением проявлений стеатоза, воспаления, разрешения стеатогепатита, но не фиброза у пациентов с неалкогольным стеатогепатитом.

Рекомендации по использованию витамина Е. Применение витамина Е (α-токоферол) в суточной дозе 800 МЕ улучшает гистологические изменения у пациентов с неалкогольным стеатогепатитом без СД 2 типа и может рассматриваться в качестве терапии первой линии в этой группе пациентов (1В).

Витамин Е не рекомендован для лечения неалкогольного стеатогепатита у пациентов с СД 2 типа, цирроза; НАЖБП в отсутствие данных биопсии, поскольку достоверные сведения о безопасности применения препарата в этих группах пациентов в настоящий момент недоступны (1С).

Омега-3 полиненасыщенные жирные кислоты. Препарат омега-3 полиненасыщенных жирных кислот одобрен FDA для лечения гипертриацилглицеролемии. К настоящему времени отсутствуют убедительные данные об эффективности омега-3 ПЖК в лечении НАЖБП, однако продолжается большое мультицентровое исследование, результаты которого могут повлиять на изменение текущих рекомендаций [41].

Рекомендации по использованию омега-3 полиненасыщенных жирных кислот. Согласно действующему международному руководству, преждевременно рекомендовать омега-3 ПЖК для специфического лечения НАЖБП или неалкогольного стеатогепатита, однако обоснован выбор омега-3 ПЖК как препарата первой линии в лечении гипертриацилглицеролемии у пациентов с НАЖБП (1В).

Употребление алкоголя пациентами с НАЖБП и НАСГ. Интенсивное употребление алкоголя – известный и подтвержденный фактор риска развития хронических заболеваний печени, и этот риск должен исключаться у пациентов с НАЖБП. Национальный институт злоупотребления алкоголем и алкоголизма (NIAAA) США определил понятие интенсивного употребления как прием более 4 доз алкоголя в день или более 14 в неделю для мужчин и более 3 доз в день или более 7 в неделю для женщин [28]. Перекрестные исследования доказали благоприятное влияние снижения доз алкоголя на проявления и тяжесть НАЖБП [41].

Рекомендации. Пациенты с НАЖБП должны избегать интенсивного употребления алкоголя (1В).

Важно отметить, что в международном руководстве отсутствуют рекомендации по употреблению алкоголя в небольших дозах пациентами с НАЖБП (1В).

Статины. Пациенты с НАЖБП подвержены высокому риску сердечно-сосудистых заболеваний и смерти [54]. Лечение дислипидемии – основа минимизации сердечно-сосудистых рисков у пациентов с НАЖБП [15]. Статины остаются основным классом препаратов для коррекции дислипидемии. Однако все еще имеют место разногласия клинического сообщества при обсуждении использования статинов у пациентов с хроническими заболеваниями печени, включая НАЖБП. Несмотря на то, что повышение аминотрансфераз на фоне применения статинов – частое явление, случаи серьезных поражений печени редко встречаются в клинической практике. На основании результатов одного рандомизированного и нескольких ретроспективных и проспективных исследований сделаны выводы, что статины безопасны для пациентов с хроническими заболеваниями печени и отсутствуют доказательства повышения риска серьезного повреждения печени при применении статинов у пациентов с НАЖБП по сравнению с пациентами в отсутствие заболеваний печени [11, 13, 14, 36, 62]. Ретроспективный анализ (GREACE) показал, что статины достоверно улучшают профиль аминотрансфераз и частоту сердечно-сосудистых исходов у пациентов с повышенными уровнями ферментов печени и НАЖБП [8]. Рандомизированных исследований эффектов статинов у пациентов с НАСГ с гистологическим контролем не проводилось.

Рекомендации по использованию статинов. Ввиду отсутствия доказанных рисков серьезного повреждения печени у пациентов с НАЖБП и НАСГ статины могут использоваться для лечения дислипидемии в этой группе лиц (1В).

Согласно международному руководству, до получения дополнительных результатов рандомизированных исследований с гистологическим контролем статины не рекомендованы для специфического лечения неалкогольного стеатогепатита (1В).

В ежедневной клинической практике эндокринолога пациенты с сочетанием неалкогольного стеатоза и других проявлений метаболического синдрома (ожирение, артериальная гипертензия, нарушение толерантности к глюкозе, СД 2 типа, дислипидемия, СПКЯ) не редкость. Модификация образа жизни в целях снижения веса на 5 % и более от фактического и целевой медикаментозный контроль компонентов метаболического синдрома (комплексная терапия, включая гиполипидемическую) обеспечивают качественное ведение таких пациентов. В дальнейшем обследовании для выявления более далеко зашедших стадий НАЖБП нуждаются пациенты с клиническими проявлениями и повышенным уровнем печеночных ферментов.

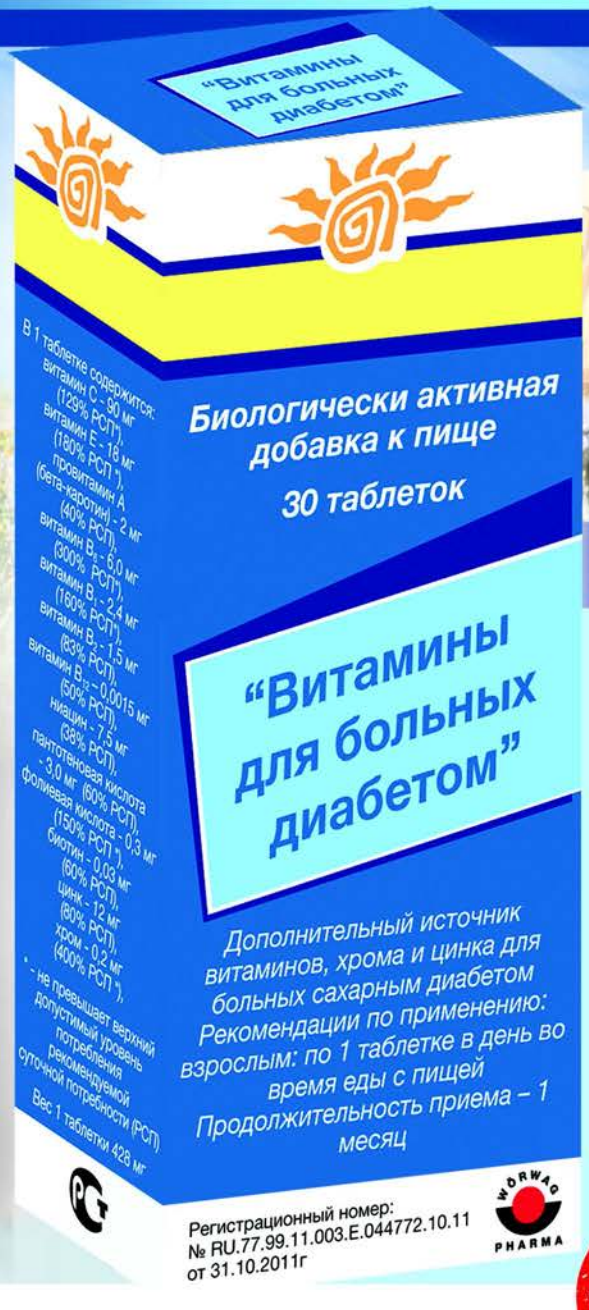
Со списком литературы (71 источник) можно ознакомиться в редакции.

Поступила 13.09.2013

«ВИТАМИНЫ ДЛЯ БОЛЬНЫХ ДИАБЕТОМ»

с Хромом и Цинком, для Вашего здоровья от немецкой компании «Вёрваг Фарма»

WÖRWAG PHARMA



ПОЛУЧАЙТЕ ТОЛЬКО НЕОБХОДИМОЕ!

СОСТАВ 1 ТАБЛЕТКИ:

Витамин С	90 мг
Витамин Е	18 мг
Бета-каротин	2,0 мг
Витамин B_1	2,4 мг
Витамин B_2	1,5 мг
Витамин B_6	6,0 мг
Витамин B_{12}	0,0015 мг
Фолиевая кислота	0,3 мг
Ниацин (витамин РР)	7,5 мг
Биотин (витамин Н)	0,03 мг
Пантотеновая кислота	3,0 мг
Хром	200 мкг
Цинк	12 мг

НЕ СОДЕРЖИТ САХАРА

Всего 0,42 ккал в 1 таблетке!

БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНАЯ ДОБАВКА К ПИЩЕ

ПЕРЕД ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОЗНАКОМЬТЕСЬ С РЕКОМЕНДАЦИЯМИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ

Регистрационный номер: № RU.77.99.11.003.E.044772.10.11 от 31.10.2011 г.

Представительство компании «Вёрваг Фарма ГмбХ и Ко. КГ» (Германия) в Республике Беларусь
220005 г. Минск, пр. Независимости, д. 58, к. 4, офис 408, тел.: (017) 290-01-80, тел./факс: (017) 290-01-81

www.woerwagpharma.com

ПЕРИНДОПРИЛ АРГИНИН 10 мг + ИНДАПАМИД 2,5 мг

Нолипрел Би-форте

Двойная сила в снижении АД, защите сердца и почек, сохранении жизни пациентов с АГ

- ✓ **СИЛА:** снижает САД на **45 мм рт. ст.**[1]
- ✓ **СКОРОСТЬ:** за 1 неделю **-20 мм рт. ст.**[1]
- ✓ **РЕЗУЛЬТАТ:** нормализует АД у **9 из 10 пациентов с АГ**[2]

1 таблетка в сутки

1. Сиренко Ю.Н., Маньковский Б.Н. Исследование ПРАКТИК. Артериальная гипертензия, №4, 2012. 2. Нечесова Т.А., Шепелькевич А.П., Горбат Т.В. Эффективность антигипертензивной терапии у пациентов с сахарным диабетом 2 типа. Результаты исследования «НИКА». - Лечебное дело.-2011.-№2(18).- с. 46-49.

SERVIER
www.servier.by

Представительство «Les Laboratoires Servier» (Французская Республика) в Республике Беларусь
220030, г. Минск, ул. Мясникова, 70-303. Тел.: (+375 17) 306-54-55, 306-54-56; факс: (+375 17) 306-54-50

СИНДРОМ БРУГАДА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР И КЛИНИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Т.Г. Вайханская, Т.Т. Геворкян, Т.В. Крушевская, И.Б. Устинова, Т.В. Курушко, В.Ф. Голенища, О.Л. Полонецкий, Л.И. Плащинская

Республиканский научно-практический центр «Кардиология», Минск

Представлены литературные данные с обзором клинических и молекулярно-генетических аспектов синдрома Бругада, а также собственное клиническое наблюдение. У пациентов с генетически детерминированным синдромом Бругада вследствие мутации гена SCN5A натриевых каналов развиваются различные сердечные аритмии (суправентрикулярные и желудочковые тахикардии/фибрилляции) и нарушения проводимости с высоким риском внезапной смерти. В случае верификации симптомного синдрома Бругада стратегия лечения предусматривает имплантацию кардиовертера-дефибриллятора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

внезапная сердечная смерть, синдром Бругада

KEY WORDS

sudden cardiac death, Brugada syndrome

This article presents the results of research defining the clinical, genetic, cellular-ionic and molecular aspects of the disease Brugada syndrome and contains its own clinical case report. Patients as an inherited cardiac arrhythmia disorder caused by mutations in the cardiac sodium channel gene SCN5A may develop a variety of cardiac arrhythmias, including supraventricular tachycardias, atrioventricular conduction defects or block, and ventricular tachycardia and ventricular fibrillation and an increased risk of sudden cardiac death. General agreement exists that an implantable cardioverter defibrillator must be given to patients with Brugada syndrome resuscitated from ventricular tachyarrhythmias.

К настоящему времени клиницисты всего мира располагают достаточным количеством информации о природе заболеваний, сопряженных с риском внезапной сердечной смерти (ВСС). Известно, что многие из них генетически детерминированы и жизнеопасны не только для самого пациента, но и для его детей, близких родственников. Такие заболевания пока крайне редко выявляются в обычной клинической практике, и больные умирают не в специализированных стационарах, а дома или на улице. Врачам поликлиники или бригаде скорой помощи остается констатировать смерть. При аутопсии, как правило, структурно-морфологических изменений сердца и коронарных сосудов не находят. Все это дает основание утверждать, что в наших клиниках отсутствует достаточный опыт наблюдения и выявления такой категории больных. К сожалению, только синкопе или клиническая смерть обращают пристальное внимание специалистов-кардиологов на пациента, хотя нередко эти симптомы могут быть первыми и последними проявлениями заболевания.

В современной клинической медицине выделен особый ряд заболеваний и синдромов, ассоциированных с высоким риском внезапной смерти в молодом возрасте. К ним относятся синдром внезапной смерти младенцев (sudden infant death syndrome), синдром удлиненного интервала QT, синдром внезапной необъяснимой смерти (sudden unexplained death syndrome), аритмогенная дисплазия правого желудочка, идиопатическая фибрилляция желудочков и др. Наиболее «загадочным» заболеванием в этом перечне является синдром Бругада (СБ). Несмотря на то, что во всем мире опубликованы сотни работ, посвященных этому заболеванию, а на ежегодных международных кардиологических конгрессах регулярно проводятся тематические секции, в отечественной литературе имеются лишь единичные описания синдрома. Однако именно СБ является, по мнению многих специалистов, «ответственным» за более 50 % внезапных некоронарогенных смертей в молодом возрасте [1–15].

Впервые клинико-электрокардиографический синдром, объединяющий частые семейные случаи синкопальных состояний или внезапной смерти вследствие полиморфной желудочковой тахикардии, описан в 1992 г. испанскими кардиологами – братьями Педро и Джозефом Бругада. Ученые, в настоящее время работающие в разных клиниках мира, опубликовали первое наблюдение за 8 пациентами (6 мужчин и 2 женщины) с эпизодами клинической смерти в анамнезе [2]. Инструментальные методы исследования (эхокардиография, ангиография, электрофизиологическое исследование, биопсия миокарда у 4 пациентов) не выявили каких-либо структурно-морфологических изменений сердца. Единственная отличительная особенность этих пациентов – наличие на ЭКГ блокады правой ножки пучка Гиса (БПНПГ) с подъемом сегмента ST. Синкопальные состояния сопровождались регистрацией на ЭКГ полиморфной желудочковой тахикардии torsade de pointes (TdeP), возникавшей после ранних парных желудочковых

экстрасистол. В дальнейшем 4 пациентам имплантировали кардиовертеры-дефибрилляторы, у 2 нарушения ритма исчезли на фоне приема бета-блокаторов, седьмой пациент принимал амиодарон и дифенилгидантоин на фоне электрокардиостимуляции в режиме VVI, восьмой внезапно умер во время имплантации кардиостимулятора. Таким образом, братья Бругада впервые подробно описали характерные изменения ЭКГ, позволяющие определить высокий риск возникновения жизнеугрожающих желудочковых аритмий у лиц без органической патологии сердца [3]. Согласно этим данным, основным диагностическим критерием является обнаружение на ЭКГ признаков БПНПГ с подъемом сегмента ST (точки J) в отведениях V1–V3. В этих же отведениях может также регистрироваться инвертированный Т зубец. Братьями описаны 2 основных типа подъема сегмента ST: saddle-back type (седловидный тип) и joved type (тип свода) паттерны (рис. 1). Подъем joved type достоверно преобладает при симптомных формах СБ с TdeP и ФЖ в анамнезе, в то время как saddle-back type чаще встречается при бессимптомных формах СБ [4].

У некоторых пациентов при динамическом исследовании ЭКГ могут регистрироваться несколько разновидностей подъема сегмента ST. Так, испанскими учеными описан клинический случай, когда у пациента, пережившего клиническую смерть, зафиксировано 3 разных паттерна изменений сегмента ST в семидневный период наблюдения [5]. Варианты изменения ЭКГ представлены на рис. 2.

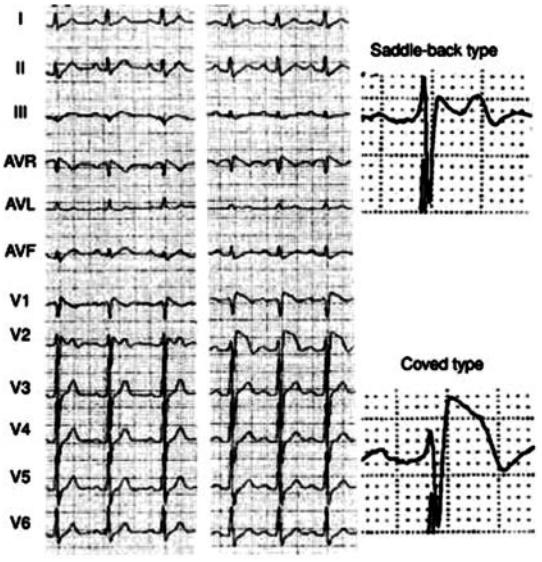


Рис. 1. Варианты специфического подъема сегмента ST [11]

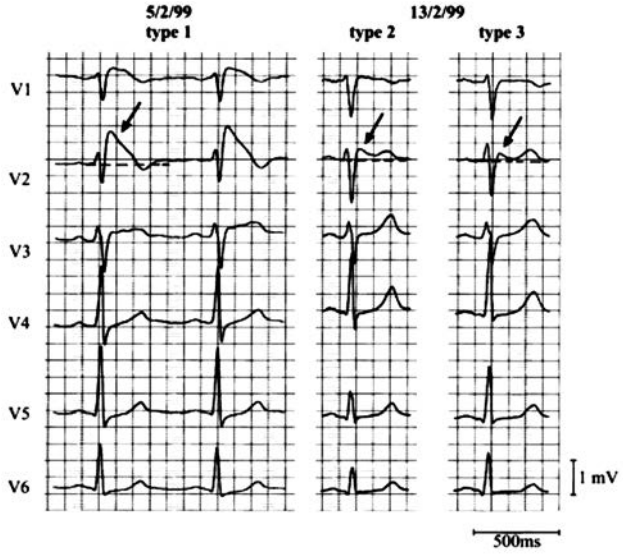


Рис. 2. Варианты изменения сегмента ST (3 типа) в правых грудных отведениях (V1–V3) на поверхностной ЭКГ пациента с верифицированным СБ, пережившего клиническую смерть: слева – классический «сводообразный» 1-й тип изменения сегмента ST, справа – 2-й и 3-й типы «седловидного» изменения сегмента ST, зарегистрированные на ЭКГ через 7 дней после эпизода клинической смерти [11]

Согласно консенсусу европейских и американских кардиологов (2010) в определении диагностических критериев, синдром Бругада – это клинико-электрокардиографический синдром, характеризующийся синкопальными состояниями и эпизодами внезапной смерти у пациентов без органических изменений сердца и проявляющийся на ЭКГ постоянной или транзиторной БПНПГ со специфическим «сводообразным» подъемом сегмента ST > 2 мм не менее чем в 2 (V1–V3) правых грудных отведениях [6]. По клинической картине различают симптомный (типичные ЭКГ изменения сегмента ST с синкопе, предсинкопе, случаями клинической или внезапной смерти вследствие полиморфной желудочковой тахикардии) и бессимптомный (типичная электрокардиографическая картина у асимптоматичных больных без синкопе, ВСС и семейной истории ВСС) варианты СБ. По выраженности изменений на ЭКГ выделяют классический (манифестирующий), интермиттирующий и латентный (скрытый) СБ [6, 7]. Классический вариант представляет собой типичный электрокардиографический паттерн с блокадой правой ножки пучка Гиса, элевацией сегмента ST с удлинением (или без удлинения) PR интервала, регистрируемый при стандартном ЭКГ исследовании. Однако изменения на ЭКГ при СБ могут быть непостоянными и носить преходящий характер при интермиттирующей форме, что требует поиска дополнительных методов выявления, например, холтеровского или событийного мониторирования ЭКГ. Некоторые авторы для диагностики СБ предлагают использовать высокие (на 1–2 межреберья выше) правые грудные отведения [8–10]. Для диагностики скрытого (латентного) СБ необходимо проведение фармакологического теста с антиарит-

мическими препаратами IA класса, позволяющего выявить специфические изменения ЭКГ на высоте медикаментозной пробы, ингибирующей (блокирующей) натриевые каналы [11].

За 20 лет изучения СБ с проведением многоцентровых научных исследований учеными доказано влияние некоторых клинических состояний (лихорадка, гиперкалиемия, гиперкальциемия, дефицит тиамина, отравление кокаином, гиперпаратиреоидизм, гипертестостеронемия, опухоли средостения, аритмогенная дисплазия правого желудочка, перикардит, ишемия миокарда, инфаркт миокарда, стенокардия Принцметала, механическая обструкция выносящего тракта правого желудочка опухолями или гемоперикардом, тромбоэмболия легочной артерии, расслаивающая аневризма аорты, различные аномалии центральной и вегетативной нервной системы, мышечная дистрофия Дюшена, атаксия Фредерика, гипокалиемия, гипотермия, брадикардия) и лекарственных средств на манифестацию СБ: электрокардиографическую (появление специфического паттерна) и клиническую (развитие ЖТ и ЖФ). Описано также множество клинических случаев индукции «бругадоподобного» синдрома антипсихотическими и антиаритмическими препаратами с появлением на ЭКГ изменений сегмента ST 2-го типа (таблица).

Лекарственные препараты, индуцирующие «бругадоподобные» ЭКГ изменения сегмента ST

Антиаритмические препараты	Блокаторы натриевых каналов: класс IC класс IA	 Флекаинид, пропафенон Аймалин, прокаинамид, дизопирамид
	Блокаторы ионных Ca^{2+}-каналов	Верапамил
	Бета-блокаторы	Пропранолол и др.
Антиангинальные препараты	Блокаторы ионных Ca^{2+}-каналов	Нифедипин, дилтиазем
	Нитраты	Нитроглицерин, изосорбида динитрат
	«Открыватели» ионных K^{+}-каналов	Никорандил
Психотропные препараты	Трициклические антидепрессанты	Амитриптилин, нортриптилин, кломипрамин
	Тетрациклические антидепрессанты	Мапротилин
	Фенотиазиновые	Перфеназин, циамемазин
	Селективные ингибиторы обратного захвата серотонина	Флуоксетин
Другие препараты	Кокаин (интоксикация), дименгидринат, этиловый спирт (алкогольная интоксикация)	

Лекарственно-индуцированный СБ описан при лечении месалазином, ваготоническими препаратами, α-адренергическими агонистами, β-адреноблокаторами, антигистаминовыми препаратами 1-го поколения, антималярийными средствами, седативными, антиконвульсантами, нейролептиками, три- и тетрациклическими антидепрессантами, препаратами лития [12–31].

По данным экспериментов *in vitro* и *in vivo*, секционных и клинических исследований, антиконвульсанты, антидепрессанты, нейролептики, анксиолитики и нормотимики способны блокировать быстрые калиевые HERG-каналы, натриевые каналы (вследствие дефекта гена SCN5A) и кальциевые каналы L-типа, вызывая таким образом функциональную недостаточность всех ионных каналов сердца [21–31]. Имеющиеся в медицинской литературе сообщения о СБ, ассоциированном с приемом психотропных препаратов, касаются в основном случаев передозировки и интоксикации, т. е. при приеме токсических доз лекарственных средств (overdose) [28–31].

В повседневной практической работе мы иногда наблюдаем появление БПНПГ необычной формы (с незначительным подъемом сегмента ST) с конфигурацией saddle-back type у пациентов, длительно принимающих антиаритмические препараты класса IC (например, этацизин по 100–150 мг/сут) в дозах терапевтического стандарта.

Кардиологическим консенсусом для верификации СБ рекомендовано использовать фармакологические пробы с внутривенным болюсным введением блокаторов натриевых каналов (аймалин – 1 мг/кг в течение 5 мин внутривенно или 400 мг перорально, флекаинид 2 мг/кг в течение 10 мин внутривенно, прокаинамид – 10 мг/кг в течение 10 мин внутривенно, пилсикаинид – 1 мг/кг внутривенно в течение 10 мин) [11]. Медикаментозный тест с препаратами IA класса необходимо проводить в условиях реанимационного отделения, так как во время его выполнения велика вероятность развития желудочковой тахикардии TdeP или фибрилляции желудочков.

В настоящее время эпидемиология СБ изучена недостаточно. С одной стороны, в связи с относительно недавним описанием синдрома лишь немногие кардиологи хорошо знают его клинические проявления, с другой – диагностика СБ затрудняется наличием интермиттирующих и скрытых форм синдрома с его драматической манифестацией уже в виде ВС. Преимущественный возраст клинической манифестации СБ – 3–4-я декада жизни, однако впервые этот синдром был описан у трехлетней девочки, имевшей частые эпизоды потери сознания и впоследствии внезапно погибшей, несмотря на активную антиаритмическую терапию и имплантацию кардиостимулятора. СБ наследуется по аутосомно-доминантному типу, но мужской пол является значимым фактором риска кардиогенной внезапной смерти. Полагают, что у мужчин СБ встречается в 8–10 раз чаще, чем у женщин, и жизнеугрожающие эпизоды с высоким риском ВС чаще развиваются у мужчин (8:1), чем у женщин [32, 33]. По данным различных исследований, распространенность ЭКГ признаков СБ составляет от 1 до 60 на 10 000 человек, в том числе среди жителей Европы – 1–5 на 10 000 человек [34]. В странах Юго-Восточной Азии и Японии распространенность СБ значительно выше [35]. В этом регионе распространены случаи внезапной ночной смерти в молодом возрасте (в год от 4 до 10 случаев на 10 000 жителей, в том числе в Лаосе – 1 случай на 10 000 жителей; Таиланде – 26–38 на 100 000 жителей). В этих странах даже используется специальная терминология для обозначения смертельного феномена во сне: «бангунгут» (стонущий во сне) на Филиппинах, «покури» в Японии, «лаи таи» (смерть во сне) в Таиланде [36]. Полагают, что до 50 % случаев ВС среди пациентов без органических поражений сердца в этих регионах может быть ассоциировано с СБ [37]. Интересно, что СБ не регистрируется у афроамериканцев, а в Европе чаще выявляется у представителей «кавказоидного» этнического типа, включая выходцев из стран Восточной Европы. Исходя из этого, по-видимому, следует ожидать достаточно высокой распространенности СБ и в белорусской популяции.

В настоящее время СБ (BrS, номер заболевания в базе данных Online Mendelian Inheritance in Man (OMIM): #601144) считается первичной «электрической» болезнью сердца, генетически детерминированной [38–40], развивающейся вследствие аномальной электрофизиологической активности эпикарда правого желудочка в области выносящего тракта [41]. Генетическая основа СБ – мутация гена SCN5A на коротком плече 3-й хромосомы 3p21-24 [38–41]. Этот ген кодирует структуру белка альфа-субъединицы натриевых каналов, которые обеспечивают натриевый ток потенциала действия [42]. Аномалии этого же гена встречаются при третьем молекулярно-генетическом варианте синдрома удлиненного интервала QT (LQT3) и синдроме Ленегра, также ассоциированных с высоким риском внезапной аритмогенной смерти. Сегодня известно более 80 возможных мутаций гена SCN5A. Результаты исследований генетических мутаций показали, что нарушения функционирования натриевых каналов происходят вследствие изменения уровня экспрессии гена, кодирующего изменения временной зависимой активации, инактивации и реактивации ионных каналов, изменения времени вхождения натриевых каналов в состояние промежуточной инактивации и ускоренной инактивации каналов [38–42]. Мутации гена SCN5A обнаруживаются у 18–30 % пациентов с СБ, больше – при семейных случаях [34]. Белок гена SCN5A имеет большие размеры (2016 аминокислот), и это существенно осложняет его генетические исследования. В настоящее время известны и другие гены (более 5), ответственные за кодирование каналов и белков ионного транспорта [40]. Так, в литературе описаны бессимптомные варианты СБ при мутации, приводящей к нарушению связи кальмодулина с натриевым каналом и к изменениям модуляции работы натриевого канала ионами кальция [42].

Ионным механизмом СБ при мутации гена SCN5A является уменьшение количества или ускорение инактивации натриевых каналов в клетках эпикарда правого желудочка, приводящее к уменьшению плотности потока натрия и преждевременной реполяризации эпикарда [34, 41, 42]. Функция натриевых каналов нарушается также вследствие перемещения их с поверхности клеток в эндоплазматический ретикулум [42]. Потеря вершины потенциала действия (ПД) с характерной «вырезкой» в начале фазы плато на некоторых участках эпикарда на фоне нормальной величины ПД в эндокарде создает дисперсию реполяризации стенки желудочка и трансмуральный градиент напряжения, что на ЭКГ проявляется подъемом сегмента ST (точки J). Волна реполяризации появляется от седловины или купола ПД (в зависимости от разницы во времени деполяризации эндокарда и эпикарда). При задержке деполяризации эпикарда на ЭКГ появляется отрицательный зубец Т. Таким образом, изменения ЭКГ по типу БПНПГ при СБ связаны с ранней реполяризацией эпикарда, а не с задержкой проведения импульса по системе Гиса-Пуркинье [41, 42].

Возрастание градиента между эндокардом и эпикардом, когда на различных участках эпикарда реполяризация происходит с разной скоростью, приводит к выраженной дисперсии реполяризации и рефрактерности между эпикардом и эндокардом и образованию «уязвимого окна», попав в которое экстрасистола может вызвать аритмию по механизму повторного входа (re-entry). Электрический потенциал проводится по клеткам тканей, где он протекает быстрее, к тканям, где его образование задерживается, что способствует возникновению дополнительного возбуждения по типу повторного входа во 2-ю фазу ПД и появлению ранних экстрасистол, попадающих в «уязвимое окно» реполяризации и запускающих желудочковую тахикардию или фибрилляцию желудочков [41].

Предполагается, что, помимо генетических нарушений, большое значение в развитии ПЖТ и ФЖ при

СБ имеет автономная нервная система. В ряде исследований показано, что активация парасимпатической или торможение симпатической нервной системы усиливают аритмогенез [12–14]. Действительно, в 93,3 % случаев синкопальные приступы при СБ возникают в вечернее и ночное время (с 18:00 до 6:00), причем чаще во второй половине ночи [32, 33]. Кроме того, в патогенезе СБ принимает участие фактор дисбаланса между α- и β-адренергической стимуляцией. Так, при введении пациентам α-адреномиметиков или β-адреноблокаторов наблюдалось увеличение подъема сегмента ST, а при введении α-адреноблокаторов и β-адреномиметиков – его уменьшение [12–14].

Большинство ученых считают, что выраженность клинических проявлений СБ определяется степенью повреждения натриевых каналов: при повреждении менее 25 % ионных каналов ЭКГ изменения сегмента ST и нарушения ритма индуцируются только фармакологически – введением блокаторов натриевых каналов, а при увеличении количества поврежденных натриевых каналов (более 25 %) резко возрастает вероятность манифестации ЭКГ паттерна и риска ВС. Приблизительно 80 % больных, перенесших клиническую смерть, до этого драматического эпизода имели в анамнезе обмороки, в том числе с судорогами [33–35]. У ряда пациентов приступы могут протекать и без потери сознания, в виде резкой общей слабости и перебоев в работе сердца, с так называемыми пресинкопальными состояниями. К настоящему времени исследователями описаны различные нарушения ритма, встречающиеся при СБ: суправентрикулярные аритмии, фибрилляция предсердий, атриовентрикулярная узловая тахикардия, атриовентрикулярные блокады, синдром слабости синусового узла, однако самыми частыми и жизнеопасными являются пароксизмы желудочковой полиморфной тахикардии TdeP и ФЖ [43, 44].

Чаще всего нарушения ритма и синкопе развиваются в третьей или четвертой декаде жизни, но заболевание может проявляться в любом возрасте, как в более старшем, так и вплоть до периода новорожденности. Поэтому исключать синдром Бругада необходимо в следующих случаях: 1) появление характерных изменений на ЭКГ; 2) синкопальные состояния (обмороки) неясного происхождения; 3) эпизоды полиморфной желудочковой тахикардии; 4) случаи внезапной смерти в семье, особенно практически здоровых мужчин в возрасте 30–50 лет [38–42].

Медикаментозные подходы к лечению синдрома Бругада активно разрабатываются, но результаты этих исследований остаются противоречивыми. Убедительных согласованных данных об эффективности каких-либо лекарственных препаратов в длительном предотвращении приступов ЖТ/ФЖ в настоящее время практически нет. Для пациентов с высоким риском внезапной сердечной смерти методом лечения, увеличивающим продолжительность жизни, является имплантация кардиовертера-дефибриллятора [33–44].

Клинический случай необычного течения латентной формы СБ. Представляем собственное клиническое наблюдение необычного течения латентной формы СБ с манифестацией клинико-электрокардиографических симптомов через 5 лет после появления первых признаков заболевания у мужчины в возрасте 59 лет.

Пациент П. (мужчина, 1952 г. р.) впервые обратился к кардиологу по поводу нарушения сердечного ритма в 54-летнем возрасте, когда на фоне полного здоровья впервые появились предобморочные состояния и чувство нарушения сердечного ритма. У пациента диагностирована пароксизмальная форма фибрилляции предсердий с максимальной ЧСС 169 в минуту. При ЭхоКГ исследовании структурной патологии и дисфункции сердца не выявлено: ФВ ЛЖ – 66 %, КДО – 124 мл, КСО – 43 мл, КДД – 51 мм, КСД – 32 мм, правые отделы сердца не расширены, ФВ ПЖ – 57 %. Пациенту была проведена успешная медикаментозная кардиоверсия с клиническим улучшением. Диагноз при выписке: ИБС, атеросклеротический кардиосклероз; пароксизмальная форма фибрилляции предсердий; Н1, ФК I NYHA.

Пациент наблюдался у кардиолога по месту жительства: на протяжении 2 лет после дебюта аритмии пароксизмы ФП фиксировались 1–2 раза/3месяца, синусовый ритм восстанавливался спонтанно и/или фармакологически; в 2009 г. у пациента впервые появились одышка и загрудинные боли давящего характера при физической нагрузке, повышение АД до 180/100 мм рт. ст., приступы внезапной слабости и участились пароксизмы мерцательной аритмии. Амбулаторное лечение амиодароном и ингибиторами АПФ (моноприл) не приводило к клиническому улучшению пациента.

В 2011 г. (через 5 лет после появления первых симптомов) у больного участились приступы немотивированной внезапной слабости, появились случаи потери сознания, и пациент поступил для стационарного лечения в РНПЦ «Кардиология» с диагнозом направляющего учреждения: ИБС, стенокардия напряжения ФК 2; атеросклеротический кардиосклероз; персистирующая форма фибрилляции-трепетания предсердий; синкопальные состояния неуточненного генеза; Н I, ФК II NYHA. Артериальная гипертензия II ст., риск 4.

Объективно: состояние удовлетворительное, кожные покровы обычной окраски ЧД = 16, PS = ЧСС = = 60 в минуту, АД 100/60 мм рт. ст., перкуторные границы сердца не увеличены, усиленный верхушечный толчок в V межреберье, аускультативно – сердечные тоны несколько приглушены, аритмичные, мезосистолический шум в точке Боткина, в легких везикулярное дыхание; печень пальпируется у края реберной дуги, периферических отеков нет. На ЭКГ при поступлении: ритм синусовый с ЧСС 54 уд/мин, ЭОС типа SI – QIII (поворот сердца вокруг продольной оси правым желудочком вперед), неполная блокада правой ножки пучка Гиса, одиночная желудочковая экстрасистола, признаки ГЛЖ. При ЭхоКГ исследовании выявлено расширение левого предсердия (в 4-камерной

позиции 42/58 мм) при отсутствии дилатации и дисфункции левого желудочка (КДД – 52 мм, КСД – 36 мм, КДО – 132 мл, КСО – 50 мл, ФВ – 62 %), пролабирование передней створки митрального клапана (ПМК А2 = 4 мм с митральной регургитацией I–II ст.), признаков расширения правых отделов сердца и систолической дисфункции правого желудочка не наблюдалось.

При ХМ (ZYMED, Philips) выявлены следующие изменения суточной ЭКГ: ригидная выраженная синусовая брадикардия со средней ЧСС 42 уд/мин (минимальная ЧСС 28 уд/мин, максимальная ЧСС 58 уд/мин); низкие показатели вариабельности сердечного ритма (временной и спектральной); полиморфная желудочковая экстрасистолия ночной циркадности (всего 225 ЖЭС, в том числе 20 парных и 50 интерполированных); 15 пароксизмов неустойчивой полиморфной желудочковой тахикардии от 4 до 32 комплексов с максимальной частотой желудочковых сокращений 194 уд/мин) и транзиторные специфические изменения комплекса qRST со «сводообразным» подъемом сегмента ST над изоэлектрической линией в ночное время (2 эпизода элевации сегмента ST общей длительностью 16 мин, максимальный уровень подъема над изоэлектрической линией – 12 мм при ЧСС 35 уд/мин). Эпизоды элевации сегмента ST, зарегистрированные ночью в период с 02:15 до 02:44, предшествовали пароксизмам неустойчивой полиморфной желудочковой тахикардии, которые зафиксированы в период с 6:00 до 7:00 (всего 15 пароксизмов ЖТ типа TdeP). ЭКГ фрагменты в динамике (изменения с разницей в 3,5 ч ночного времени) в модифицированных отведениях ХМ представлены на рис. 3 и 4.

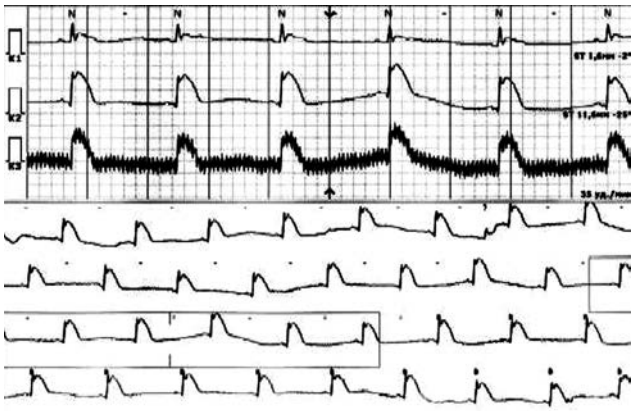


Рис. 3. Фрагмент ЭКГ из ХМ пациента П. со специфическими изменениями ЭКГ и «сводообразным» подъемом сегмента ST над изоэлектрической линией в ночное время суток (элевация сегмента ST наблюдается в 3 модифицированных для ХМ грудных отведениях К1–К3 с максимальным уровнем подъема над изоэлектрической линией в отведениях К2 и К3 = 12 мм при выраженной синусовой брадикардии с ЧСС = 35 уд/мин). Такие изменения сегмента ST зарегистрированы в период с 02:15 до 02:44 (2 эпизода длительностью по 11 и 5 мин)

Рис. 4. Фрагмент ЭКГ из ХМ пациента П. в период с 06:12 до 06:14 (в одном грудном К2-отведении ХМ с масштабом уменьшения ЭКГ 3:1 регистрируется эпизод непрерывно-рецидивирующей полиморфной желудочковой тахикардии типа TdeP с максимальной частотой желудочковых сокращений 194 уд/мин и максимальной длительностью 16 с; на фоне синусовой брадикардии (ЧСС 38 уд/мин) с выскальзывающими предсердными сокращениями и предсердным неустойчивым ритмом определяются одиночные и парные желудочковые экстрасистолы 3 морфологических форм)

Специфические изменения на ЭКГ в виде транзиторной «бругадоподобной» выраженной элевации сегмента ST в модифицированных грудных отведениях ХМ и выявленные в утреннее время пароксизмы полиморфной ЖТ с наличием в анамнезе синкопальной симптомной клиники позволили клиницистам заподозрить СБ. Но в нашей (и в подобных) клинической ситуации необходимо еще исключить коронарную патологию, так как высока вероятность возникновения вазоспастической/ишемической реакции и при ИБС с гемодинамически значимыми стенозами венечных артерий, и при стенокардии Принцметала (отнюдь не редкость в нашей практике). Хотя, исходя из собственного опыта, по нашим многократным наблюдениям (24–48-часовые ХМ ЭКГ и нагрузочные пробы), аритмические эпизоды у пациентов с ИБС чаще развиваются на высоте физической нагрузки и ишемической реакции (на высоте депрессии или элевации сегмента ST) или в периоде восстановления сегмента ST к изоэлектрической линии (с разницей во времени 3–10–15 мин, но не 3,5 ч, как в описываемом случае).

При проведении диагностической селективной коронароангиографии (КАГ) выявлены промежуточные (гемодинамически не значимые) стенозы (до 50 %) 2 ветвей левой коронарной артерии: ПМЖВ и ОВ в средних сегментах при правом типе кровоснабжения. При катетеризации коронарных артерий и введении контрастного вещества у пациента наблюдались изменения ЭКГ в виде элевации сегмента ST, желудочковой экстрасистолии и неустойчивой ЖТ (рис. 5).

При проведении пробы с интракоронарным введением нитроглицерина эндоваскулярные хирурги не получили ожидаемого положительного эффекта, который, как правило, наблюдается у пациентов с вазоспастической реакцией КА при ИБС. На фоне сохраняющихся изменений ЭКГ нитроглицериновой пробой индуцировано усугубление аритмии (в виде желудочковой бигеминической парной и одиночной экстрасистолии, пароксизмов рецидивирующей желудочковой тахикардии) и увеличение «сводообразного» подъема сегмента ST на 1 мм (рис. 6).

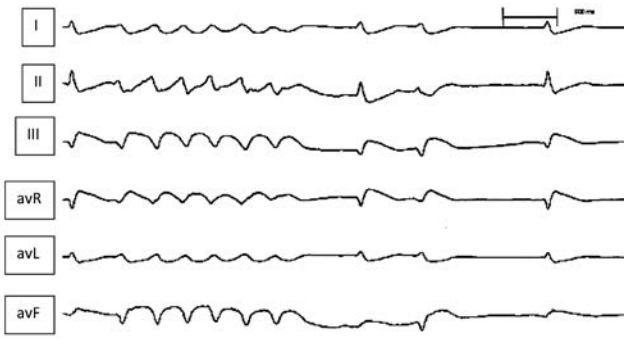


Рис. 5. Фрагмент ЭКГ в отведениях от конечностей пациента П. при введении контрастного вещества в КА: отмечаются «сводообразный» подъем сегмента ST в отведениях III, avR и avF стандартной ЭКГ, синусовая брадикардия и желудочковая эктопия (одиночная ЖЭС и неустойчивая ЖТ)

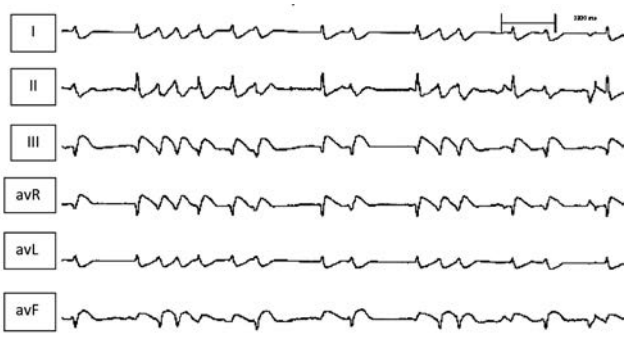


Рис. 6. Фрагмент ЭКГ в отведениях от конечностей пациента П. при проведении интракоронарной нитроглицериновой пробы: отмечаются увеличение амплитуды «сводообразного» подъема сегмента ST на 1 мм в отведениях III, avR и avF стандартной ЭКГ и бигеминическая форма одиночной и парной ЖЭС, полиморфная ЖТ

Результаты проведенного ангиографического исследования подтвердили наличие у пациента ИБС, но не исключили вероятность сопутствующего СБ, а парадоксальные эффекты интракоронарной нитропробы продемонстрировали в нашем случае, вероятно, «бругадомодулирующие» свойства нитратов и ишемии миокарда у пациентов со скрытыми формами СБ, описанные в литературе многочисленными авторами [14, 21–23, 29, 36, 37].

Для верификации СБ нашему пациенту был проведен фармакологический тест с новокаинамидом: под контролем ЭКГ-12 внутривенно медленно, в течение 10 мин, был введен новокаинамид в дозе 10 мг/кг веса. Антиаритмическим препаратом класса IA индуцированы специфические изменения сегмента ST в 2 правых грудных отведениях ЭКГ типа Бругада Ia (тип «бультерьера»), обладающего наибольшей диагностической значимостью в верификации СБ (рис. 7).

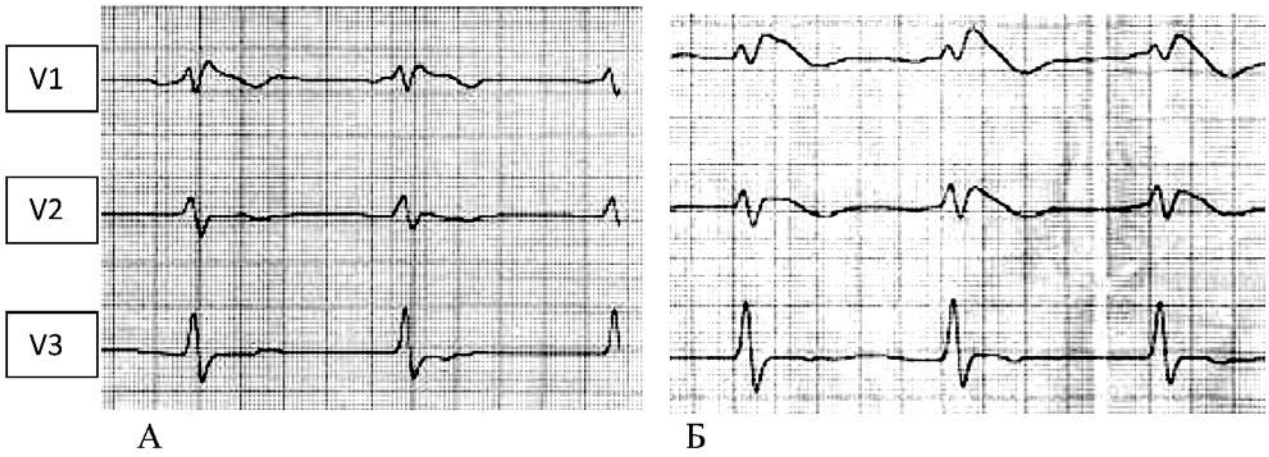


Рис. 7. Фрагменты ЭКГ пациента П. в грудных отведениях V1–V3 при фармакологической пробе: А – исходная ЭКГ в правых грудных отведениях с «седловидным» паттерном ST сегмента, Б – ЭКГ в отведениях V1–V3 через 10 мин со «сводообразным» паттерном сегмента ST в 2 правых грудных отведениях V1 и V2, индуцированным внутривенным введением новокаинамида в дозе 10 мг/кг

В 2011 г. пациенту успешно выполнили радиочастотную абляцию устьев легочных вен, истмуса правого предсердия и имплантировали двухкамерный кардиовертер-дефибриллятор. Под контролем АД, ЧСС, СМ АД и ХМ ЭКГ провели коррекцию антиаритмической, антиангинальной и гипотензивной терапии (с назначением ингибитора АПФ и β1-адреноблокатора с симпатомиметической активностью). С учетом отсутствия в нашей республике возможностей генетического исследования патологии СБ (на момент публикации статьи) родственникам пациента 1-й линии провели инструментальное обследование (ЭКГ, ЭхоКГ, ХМ ЭКГ), но клинических симптомов и электрокардиографических признаков СБ не выявили. При динамическом обследовании в 2013 г. пациент П. отметил значительное улучшение качества жизни (на фоне постоянного приема ацебутолола 200 мг 2 раза в сутки, периндоприла 5 мг 1 раз в сутки, кардиомагнила 75 мг 1 раз в сутки, аторвастатина 20 мг 1 раз в сутки) с повышением физической активности, но без синкопальных, предобморочных состояний и ангинозных болей.

Представленный клинический случай демонстрирует латентную форму СБ с асимптомным течением заболевания у мужчины до 5-й декады жизни. Пароксизмальная форма наджелудочковой аритмии (фибрилляция предсердий) как первый симптом клинической манифестации скрытого СБ появилась у пациента в 54-летнем возрасте. Латентные формы СБ с дебютом ФП (подобные вышеописанному клиническому наблюдению) не так давно (в 2009 г. и 2011 г.) описаны учеными C. Pappone и M. Ferrari и соавт. в научной литературе [43, 44]. В нашем случае клинико-электрокардиографической манифестации СБ с синкопе могли способствовать одновременно несколько провоцирующих факторов: длительный и бесконтрольный прием β-адреноблокаторов, медикаментозно индуцированная хронотропная несостоятельность синусового узла с выраженной брадикардией и дисбалансом автономной вегетативной нервной системы, ишемические эпизоды вследствие развивающейся ИБС. Симптомы синкопальной клинической манифестации СБ появились лишь спустя 4 года после дебюта болезни, а электрокардиографическая манифестация (1-й тип паттерна сегмента ST с пароксизмами желудочковой тахикардии TdeP) выявлена у пациента в 59-летнем возрасте – через 5 лет после первых симптомов болезни (при ХМ ЭКГ – в ночное время суток). Верификация диагноза проведена с помощью стандартного фармакологического теста с новокаинамидом. Препаратом антиаритмического класса IA индуцированы специфические изменения сегмента ST в 2 правых грудных отведениях ЭКГ типа Бругада Ia (форма «бультерьера»), обладающего наибольшей диагностической значимостью для верификации СБ (рис. 8).

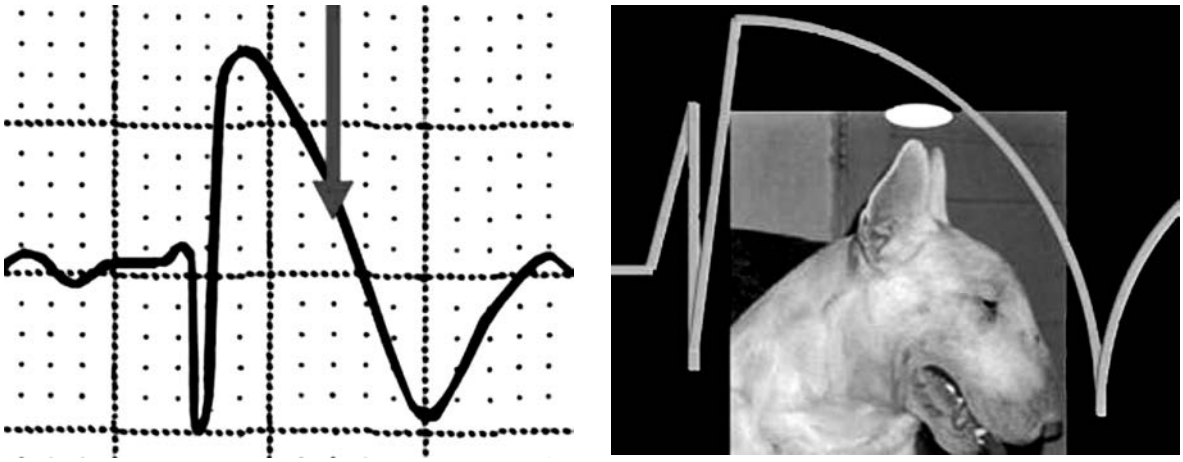


Рис. 8. Схематическое изображение специфических изменений сегмента ST Ia типа Бругада конфигурации «бультерьера»

Однако важно помнить, что этот вариант ЭКГ, имеющий высокую диагностическую ценность, встречается достаточно редко. Кроме того, даже у больных с подтвержденным синдромом Бругада специфические изменения могут выявляться непостоянно. Наличие у пациента специфических изменений на ЭКГ, описываемых как паттерн 2-го типа Бругада, или «седловидный» тип подъема сегмента ST, позволяет только заподозрить СБ, а для верификации диагноза необходимо проведение фармакологической пробы с применением антиаритмических препаратов IA класса для индуцирования диагностически значимых изменений сегмента ST 1-го типа – «сводообразного» подъема сегмента ST в конфигурации «бультерьера» не менее чем в 2 правых грудных отведениях (V1–V3).

Мировая статистика свидетельствует о широком распространении СБ в мире, но в отечественной научной литературе встречаются лишь отдельные публикации [45, 46]. Вместе с тем крайне низкая выявляемость СБ в настоящее время в Беларуси, очевидно,

связана с меньшей ориентацией врачей на весь клинико-электрокардиографический симптомокомплекс, часто не имеющий в отдельных случаях всех составляющих специфических особенностей, позволяющих уверенно поставить (заподозрить) диагноз. Поэтому у всех пациентов с синкопальными состояниями неясной этиологии, ночными пароксизмами удушья и сердцебиения, случаями внезапной смерти в семье (особенно в молодом возрасте или в ночное время) и с типичными изменениями ЭКГ необходимо исключать синдром Бругада. Для этого таким пациентам следует проводить фармакологические пробы, холтеровское мониторирование ЭКГ, динамическое ЭКГ обследование как самого больного, так и его родственников 1-й линии. Кроме того, одним из наиболее достоверных методов диагностики СБ является молекулярно-генетическое исследование (в нашей стране пока не проводится).

ЛИТЕРАТУРА

1. The Brugada syndrome / P. Brugada [et al.] // Arch. Mal. Coeur. Vaiss. 2005; 98 (2): 115–122.

2. Brugada P., Brugada J. Right bundle branch block, persistent ST segment elevation and sudden cardiac death: a distinct clinical and electrocardiographic syndrome // J. Am. Coll. Cardiol. 1992; 20: 1391–1396.

3. Brugada J., Brugada R., Brugada P. Brugada syndrome // Arch. Mal. Coeur. Vaiss. 1999; 92: 847–850.

4. Brugada syndrome. Report of the second consensus conference / C. Antzelevitch [et al.] // Circulation. 2005; 111: 659–670.

5. Ionic and cellular basis for the predominance of the Brugada syndrome phenotype in males / J.M. Di Diego [et al.] // Circulation. 2002; 106: 2004–2011.

6. Number of electrocardiogram leads displaying the diagnostic coved-type pattern in Brugada syndrome: a diagnostic consensus criterion to be revised / S. Richter [et al.] // Eur. Heart J. 2010; 31: 1357–1364.

7. Brugada J., Brugada R., Brugada P. Channelopathies: a new category of diseases causing sudden death // Herz. 2007; 32 (3): 185–191.

8. Genetic basis and molecular mechanisms for idiopathic ventricular fibrillation / Q. Chen [et al.] // Nature. 1998; 392: 293–296.

9. Genotype-phenotype relationship in in Brugada syndrome: electrocardiographic features differentiale SCN5A-related patiets from nonSCN5A-related patients / J.P. Smits [et al.] // J. Am. Coll. Cardiol. 2002; 40: 350–356.

10. Genotype-phenotype relationship in Brugada syndrome: electrocardiographic features differentiale SCN5A-related patiets from nonSCN5A-related patients / J.P. Smits [et al.] // J. Am. Coll. Cardiol. 2002; 40: 350–356.

11. Pedro Brugada, Ramon Brugada and Josep Brugada. Pharmacological and electrophysiological testing patients with an asymptomatic Brugada electrocardiogram should undergo // Circulation. 2005; 112: 279–292.

12. Idiopathic ventricular fibrillation induced with vagal activity in patients without obvious heart disease / H. Kasanuki [et al.] // Circulation. 1997; 95: 2277–2285.

13. Cardiac autonomic dysfunction in Brugada syndrome / T. Wichter [et al.] // Circulation. 2002; 105: 702–706.

14. Autonomic and antiarrhythmic drug modulation of ST segment elevation in patients with Brugada syndrome / T. Miyazaki [et al.] // J. Am. Coll. Cardiol. 1996; 27: 1061–1070.

15. Brugada-like electrocardiographic changes induced by fever / M. Unlu [et al.] // Emerg. Med. J. 2007; 24 (1): 34.

16. Sex hormone and gender difference-role of testosterone on male predominance in Brugada syndrome / W. Shimizu [et al.] // J. Cardiovasc. Electrophysiol. 2007; 18 (4): 415–421.

17. The hyperkalemic Brugada sign / L. Littmann [et al.] // J. Electrocardiol. 2007; 40 (1): 53–59.

18. Brugada-like electrocardiographic pattern and ventricular fibrillation in a patient with primary hyperparathyroidism / L.S. Wu [et al.] // Europace. 2007; 172–174.

19. Ortega-Camicer J., Bertos-Polo J., Gutierrez-Tirado C. Aborted sudden death, transient Brugada pattern and wide Qrs dysrrhythmias after massive cocaine ingestion // J. Electrocardiol. 2001; 34: 345–349.

20. Brugada-like early repolarisation pattern associated with acute pericarditis / O. Ozeke [et al.] // Emerg. Med. J. 2006; 23 (12): 957–959.

21. Roberts-Thomson K.S., Teo K.S., Young G.D. Drug-induced Brugada syndrome with ST-T wave alternans and long QT // Intern. Med. J. 2007; 37 (3): 199–200.

22. Hermida J-S., Six I., Jarry G. Drug-induced pericarditis mimicking Brugada syndrome // Europace. 2007; 9 (1): 66–68.

23. Wataru & Shimizu. Gender difference and drug challenge in Brugada syndrome // J. Cardiovasc. Electrophysiol. 2004; 15: 70–71.

24. Propranolol intoxication revealing a Brugada syndrome / P. Aouate [et al.] // J. Cardiovasc. Electrophysiol. 2005; 16 (3): 348–351.

25. Transient ST segment elevation in right precardial leads induced by psychotropic drugs: relationship to the Brugada syndrome / F. Rouleau [et al.] // J. Cardiovasc. Electrophysiol. 2001; 12: 61–65.

26. Goldgran-Toledano D., Sideris G., Kevorkian J. Overdose of cyclic antidepressants and the Brugada syndrome // N. Engl. J. Med. 2002; 346: 1591–1592.

27. Heart and mind: psychotropic and cardiovascular therapeutics / S.U. Shah [et al.] // Postgrad. Med. J. 2005; 81: 33–40.

28. Tricyclic antidepressant poisoning: cardiovascular toxicity. Review article / Thanacoody [et al.] // Toxicological Reviews. 2005; 24: 3.

29. Brugada syndrome and other cardiovascular abnormalities related drugs intoxication / N. Brahmi [et al.] // Arch. Mal. Coeur. Vaiss. 2007; 100 (1): 28–33.

30. Akhtar M., Goldschlager N.F. Brugada electrocardiographic pattern due to tricyclic antidepressant overdose // J. Electrocardiol. 2006; 39 (3): 336–339.

31. Bebarta V.S., Waksman J.C. Amitriptyline-induced Brugada pattern fails to respond to sodium bicarbonate // Clin. Toxicol. (Phila). 2007; 45 (2): 186–188.

32. The circadian pattern of the development of ventricular fibrillation in patients with Brugada syndrome / K. Matsuo [et al.] // Eur. Heart. J. 1999; 20: 465–470.

33. Task Force on Sudden Cardiac Death of the European Society of Cardiology / S.G. Priori [et al.] // Eur. Heart. J. 2001; 22: 1374–1450.

34. Sodium channel gene (SCN5A) mutation in 44 index patients with Brugada syndrome: different incidences in familial and sporadic disease / E. Schulze-Bahr [et al.] // Hum. Mutat. 2003; 21: 651–652.

35. Long-term prognosis of probands with Brugada-pattern ST-elevation in leads V1–V3 / Hideo Okamura [et al.] // Circ. Arrhythm. Electrophysiol. 2009; 2: 495–503.

36. Prevalence of Brugada sign and syndrome in patients presenting with arrhythmic symptomsat a Heart Rhythm Clinic in Singapore / P. Sidik Novalia [et al.] // Europace. 2009; 11: 650–656.

37. A spontaneous type 1 electrocardiogram pattern in lead V2 is an independent predictor of ventricular fibrillation in Brugada syndrome / Yukiko Nakano [et al.] // Europace J. 2010; 12: 410–416.

38. Antzelevitch C. The Brugada syndrome: ionic basis and arrhythmia mechanisms // J. Cardiovasc. Electrophysiol. 2001; 12: 268–272.

39. Novel mechanism for Brugada syndrome: defective surface localization of an SCN5A mutant (R1432G) / G. Baroudi [et al.] // Circ. Res. 2001; 88: E78–E83.

40. Genetic basis and molecular mechanisms for idiopathic ventricular fibrillation / Q. Chen [et al.] // Nature. 1998; 392: 293–296.

41. Paradoxic abbreviation of repolarization in epicardium of the right ventricular outflow tract during augmentation of Brugada-type ST segment elevation / W. Shimizu [et al.] // J. Cardiovasc. Electrophysiol. 2001; 86: 161–166.

42. A calcium sensor in the sodium channel modulates cardiac excitability / H.L. Tan [et al.] // Nature. 2002; 415: 442–447.

43. New-onset atrial fibrillation as first clinical manifestation of latent Brugada syndrome: prevalence and clinical significance / C. Pappone [et al.] // Eur. Heart J. 2009; 30: 2985–2992.

44. Risk stratification in individuals with the Brugada type 1 ECG pattern without previous cardiac arrest: usefulness of a combined clinical and electrophysiologic approach / P. Delise [et al.] // Eur. Heart J. 2011; 32: 169–176.

45. Снежицкий В.А., Шаблыко Т.В. Синдром Бругада // Журн. Гродн. мед. ун-та. 2009; 2 (28): 10–15.

46. Мрочек А.Г., Горбачев В.В. Экстремальная кардиология: рук. для врачей. М.: МК, 2010. С. 341–345.

Поступила 14.09.2013

СТРАТИФИКАЦИЯ РИСКА ПОВТОРНЫХ КОРОНАРНЫХ СОБЫТИЙ У ЛИЦ С НЕСТАБИЛЬНОЙ СТЕНОКАРДИЕЙ В ОТДАЛЕННЫЕ СРОКИ НАБЛЮДЕНИЯ

И.А. Маркова, Е.А. Медведева, Л.Г. Гелис, И.И. Русских, М.Г. Колядко

Республиканский научно-практический центр «Кардиология», Минск

Статья существенно дополняет имеющиеся в литературе данные о совместном влиянии биомаркеров на развитие неблагоприятных исходов нестабильной стенокардии, а также содержит новые многофакторную и скрининговую шкалы, основанные на биохимических маркерах атеротромбогенеза и отличающиеся высокой точностью прогноза в отдаленном (12 месяцев) периоде наблюдения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

нестабильная стенокардия, биомаркеры, прогноз, отдаленные исходы

KEY WORDS

unstable angina, biomarkers, prognosis, longterm outcomes

This paper complements available data about the combined influence of the biomarkers on the adverse outcomes after unstable angina. It contains new multimarker and screening scales with a high accuracy of predicting the recurrent coronary events in 1-year follow-up period.

Нестабильная стенокардия (НС) – одно из наиболее распространенных клинических проявлений острого коронарного синдрома (ОКС). Основная опасность нестабильной стенокардии заключается в повышенном риске развития инфаркта миокарда (ИМ) и летального исхода, несмотря на современное медикаментозное лечение. У пациентов с НС трансформация в ИМ на стационарном этапе достигает 6–8 %, а в течение года у 12–14 % таких лиц развивается нефатальный ИМ. Через 5 лет у больных с нестабильным течением ишемической болезни сердца (ИБС) ИМ возникает в 22–39 % случаев, причем в 58 % из них – с фатальным исходом [1, 2]. Общепринятое мнение о том, что прогноз при НС благоприятнее, чем у лиц с инфарктом миокарда, не соответствует действительности. В реальности уровень госпитальной (3–4 %) и долгосрочной (5-летней) смертности (17–19 %) у лиц с НС не отличается, а в некоторых случаях даже превышает таковой при ИМ с подъемом сегмента ST и без [3–6].

Разработка программ оценки тромбогенного риска и ранней диагностики коронарного атеротромбоза является весьма актуальной и по сей день, так как лечебно-диагностическая тактика у пациентов с ИБС зачастую проводится не на ранних, а на поздних стадиях развития – при наличии явных клинических признаков тромбоишемических осложнений и развитии острых сердечно-сосудистых катастроф. На сегодняшний день стратификация групп высокого риска развития сердечно-сосудистых заболеваний основана на концепции факторов, разработанных в ходе Фремингемского исследования. Для оценки степени риска развития сердечно-сосудистых осложнений у лиц с НС используется шкала Grace, а также критерии высокого риска, рекомендованные Американской ассоциацией кардиологов. Стратификация групп высокого риска среди лиц с НС проводится в основном по клинико-инструментальным признакам, без комплексной оценки показателей сосудисто-тромбоцитарного гемостаза, маркеров эндотелиальной дисфункции и системной воспалительной реакции, играющих важнейшую патогенетическую роль в обострении ишемической болезни сердца.

Комплексная оценка клинико-биохимических маркеров атеротромбогенеза позволит улучшить качество ранней диагностики коронарного тромбоза, особенно у пациентов без ярко выраженных клинических признаков, представляющих непосредственную угрозу для развития жизнеопасных осложнений [7, 8].

Цель работы – на основе комплексной оценки клинико-биохимических маркеров атеротромбогенеза стратифицировать группы риска повторных коронарных событий у лиц с нестабильной стенокардией в отдаленные сроки наблюдения (12 месяцев).

Материал и методы. Проведено открытое проспективное исследование для выявления независимых биохимических предикторов повторных сердечно-сосудистых осложнений у лиц НС. С этой целью обследовано 180 пациентов с НС. Диагноз ставился на основании клинической картины, анамнеза, лабораторных и инструментальных методов обследования. Диагностика НС проводилась на основе ведущих клинических признаков (продолжительность ангинальной боли), гемодинамических параметров, показателей ЭКГ, снятых во время коронарного приступа, и оценки кардиоспецифических ферментов. Критерии включения: впервые возникшая или прогрессирующая стенокардия длительностью не более 2 недель от начала обострения, ассоциированная с ЭКГ признаками острой ишемии миокарда (элевация или депрессия сегмента ST, инверсия зубца Т); уровень тропонина менее 0,01 нг/л. Критерии исключения: наличие недостаточности кровообращения IIБ

и выше (по Стражеско-Василенко); острый инфаркт миокарда; острое нарушение мозгового кровообращения; тромбоэмболия легочной артерии; тромбофлебит нижних конечностей и другие острые воспалительные заболевания различных органов и систем. В исследовании изучался риск возникновения следующих конечных точек: летальные исходы; острый ИМ; возвратная нестабильная стенокардия; жизнеугрожающие нарушения ритма и проводимости ишемического генеза; потребность в проведении срочных эндоваскулярных вмешательств или хирургической реваскуляризации миокарда. В зависимости от исходов заболевания основную выборку разделили на 2 группы: с благоприятным (ОГ 1) и неблагоприятным (с развитием вышеуказанных осложнений) (ОГ 2) течением болезни. Клинико-анамнестическая характеристика пациентов в зависимости от клинического течения НС представлена в табл. 1.

Таблица 1

Клинико-анамнестическая характеристика пациентов в зависимости от клинического течения нестабильной стенокардии

Показатель	ОГ 1 (благоприятное течение)	ОГ 2 (осложненное течение)	p
Кол-во пациентов, n (%)	102 (57)	78 (43)	–
Средний возраст (кол-во лет)	58 ± 6,4	60 ± 6,2	0,025
Мужчины, n (%)	69 (67)	60 (76,9)	0,171
Сахарный диабет, n (%)	20 (19,6)	27 (34,6)	0,023
Артериальная гипертензия, n (%)	50 (49)	52 (66,7)	0,018
ИМ в анамнезе, n (%)	7 (6,9)	16 (20,5)	0,007
Локальная скорость быстрого наполнения (Е), м/с	0,73 [0,70; 0,75]	0,69 [0,67; 0,72]	0,048
Локальная скорость позднего наполнения (А), м/с	0,67 [0,65; 0,68]	0,65 [0,63; 0,68]	0,0348
Соотношение Е/А	0,93 [0,90; 0,95]	0,86 [0,82; 0,89]	0,018
ИЛСМ, ед.	1,2 ± 0,1	1,3 ± 0,1	0,03
Фракция выброса ЛЖ, %	56 [55,1; 58,5]	52 [53,1; 54,3]	< 0,0001
Среднее количество пораженных коронарных артерий (КА), ед.	3,4 ± 0,5	3,6 ± 0,4	0,058
GRACE, баллы	75,6 ± 21,1	98,9 ± 20,3	< 0,0001

Несмотря на выявленные различия у пациентов с благоприятным и неблагоприятным течением болезни (табл. 1), при оценке риска по шкале GRACE сумма баллов в среднем не превышала 98,9 и соответствовала невысокой вероятности развития сердечно-сосудистых осложнений в отдаленные сроки наблюдения данной выборки пациентов, перенесших НС. Лица ОГ 2 отличались частотой встречаемости сопутствующей патологии в анамнезе, более выраженной нестабильностью миокарда и сниженной фракцией выброса миокарда левого желудочка (ФВ ЛЖ).

На стационарном этапе все пациенты получали бета-адреноблокаторы (бисопролол 5–10 мг/сутки), ингибиторы АПФ (рамиприл или периндоприл) 5–10 мг в сутки, статины (аторвастатин) 20–40 мг в сутки, антиагреганты (аспирин в дозе 75–100 мг в сутки, клопидогрель 75 мг в сутки), низкомолекулярные гепарины, нитраты внутривенно. При дальнейшем амбулаторном наблюдении все лица, перенесшие НС, продолжали двойную антиагрегантную терапию, статины, бета-адреноблокаторы, ингибиторы АПФ, при необходимости – антагонисты кальция и нитраты.

Лабораторные исследования включали: общий анализ крови, определение уровня кардиоспецифичных ферментов (TnI, ККМВ, МВ), биохимический анализ крови с определением маркеров воспаления (С-реактивный белок, СРБ), уровня гомоцистеина (ГЦ), миелопероксидазы (МПО), эндотелина-1, BNP, фактора Виллебранда (ФрВ); спонтанной и стимулированной агрегации тромбоцитов, основных показателей коагуляционного гемостаза (АЧТВ, тромбиновое время (Тв), протромбиновое время (ПТв), уровень фибриногена (Фг), антитромбина III (АТ III), Д-димеров).

У обследуемых лиц проспективно проводилось динамическое наблюдение за клиническим состоянием (в исходном состоянии, через 3, 6 и 12 месяцев) и указанными выше лабораторными показателями, которые оценивались исходно и через 1, 3 и 6 месяцев.

Статистический анализ осуществлялся с применением общепринятых методов математической стати-

стики. В зависимости от соответствия/несоответствия вида распределения анализируемых признаков закону нормального распределения количественные параметры представлены в виде среднего значения (M) и среднего стандартного отклонения (s) либо в виде медианы (Me) и интерквартильного размаха (LQ/UQ). Критическим уровнем значимости при проверке статистических гипотез принят $p < 0,05$. Достоверность различий между параметрическими критериями оценивалась с помощью t-теста Student, между непараметрическими – U-теста Mann-Whitney. Для создания прогностических моделей и стратификации тромбогенного риска использовался логистический регрессионный анализ, который позволяет оценить вероятность наступления изучаемого события. Прогностическая ценность моделей, а также пороговые значения предикторов оценивались путем дискриминации с помощью сравнения площадей под кривыми операционных характеристик.

Результаты и обсуждение. Из общего числа пациентов ОГ 1 (180 человек) с благоприятным отдаленным течением НС наблюдалась у 102 (56,7 %), неблагоприятным – у 78 (43,3 %). У 67 пациентов выявлена возвратная прогрессирующая стенокардия (в 45 % случаев в течение первых 3 месяцев после выписки из стационара), что потребовало выполнения АКШ, МКШ по неотложным показаниям у 12 (6,7 %) человек, проведения срочной ангиопластики и стентирования коронарных артерий – у 14 (7,9 %) (рисунок).

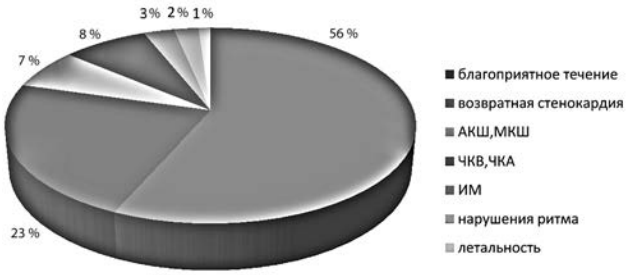


Рисунок. Структура осложнений в отдаленном (12 месяцев) периоде

Нефатальный инфаркт миокарда развился у 5 (2,8 %) пациентов в сроки 1–12 месяцев, большая часть событий также наблюдалась в первые 3 месяца после выписки из стационара. Жизнеугрожающие нарушения ритма (короткие пароксизмы неустойчивой желудочковой тахикардии) имели место у 4 (2,2 %) человек. Двое пациентов с нестабильной стенокардией умерли внезапно от острой коронарной недостаточности (на 2-м и 9-м месяце наблюдения). Летальность составила 1 % (табл. 2).

Повторные сердечно-сосудистые осложнения распределились следующим образом: в течение 1–3 месяцев наблюдалось 64 (82 %) события, 9 (12 %) сердечно-сосудистых осложнений в период 3–6 месяцев и 5 (6 %) – 6–12 месяцев.

На предыдущих этапах работы путем сравнения показателей в группах наблюдения с осложненным и неосложненным течением НС выявлены потенциальные факторы риска неблагоприятных исходов [9, 10]: миелопероксидаза, косвенно характеризующая нестабильность атеросклеротической бляшки; маркеры эндотелиальной дисфункции и воспаления – гомоцистеин, эндотелин-1,СРБ и фибриноген; показатели тромбоцитарно-сосудистого звена гемостаза – фактор Виллебранда, степень адреналин- и АДФ 2,5-индуцированной агрегации; показатель среднего объема тромбоцитов (MPV); маркер тромбинемии – уровень Д-димеров и предиктор ишемической дисфункции миокарда – BNP. Их сравнительная характеристика представлена в табл. 3.

На основе выявленных факторов риска у пациентов с НС методом логистической регрессии определялись независимые предикторы риска развития повторной нестабильной стенокардии, острого ИМ, жизнеугрожающих нарушений ритма и проводимости ишемического генеза, эндоваскулярных вмешательств или хирургической реваскуляризации миокарда по неотложным показаниям и летальных исходов в отдаленные сроки наблюдения (12 месяцев), которые представлены в табл. 4.

Методом логистической регрессии путем поиска точек разделения с определением чувствительности и специфичности выявлены пороговые значения независимых лабораторных предикторов (табл. 5), играющих ведущую роль в развитии повторных коронарных событий у пациентов с НС в течение последующих 12 месяцев.

В точке разделения (максимальная специфичность) > 0,4934 операционные характеристики для лабораторных предикторов развития неблагоприятных исходов у пациентов с НС составили: специфичность – 94 %, чувствительность – 81 % , +ОП (отношение правдоподобия для положительного результата) – 13,73, –ОП (отношение правдоподобия для отрицательного результата) – 0,2.

Таким образом, вероятность развития повторных сердечно-сосудистых осложнений у пациентов с НС увеличивается почти в 14 раз при ФрВ >147 % (чувствительность – 56 %, специфичность – 86 %), МПО > > 330 пмоль/мл (чувствительность – 71 %, специфичность – 88 %), уровне гомоцистеина > 14,2 мкмоль/л (чувствительность – 61 %, специфичность – 76 %) и уровне BNP > 111 пг/мл (чувствительность – 57 %, специфичность – 90 %).

При проведении логистического регрессионного анализа рассчитывался экспонент B, отражающий величину вклада предиктора в развитие неблагоприятного исхода. По величине вклада каждого из этих предикторов присваивались баллы, с помощью которых строилась оценочная шкала для стратификации групп риска повторных коронарных событий (табл. 6).

Таблица 2

Клинические исходы у пациентов с НС в отдаленные (12 месяцев) сроки наблюдения

Осложнения	1–3 месяца	3–6 месяцев	6–12 месяцев	Всего случаев, n (%)
Возвратная стенокардия, n (%)	35 (45)	4 (5)	2 (3)	41 (52,6)
ИМ с зубцом Q, n (%)	4 (5,1)	1 (1,3)	–	5 (6,4)
Жизнеугрожающие нарушения ритма, n (%)	3 (3,8)	1 (1,3)	–	4 (5,1)
Коронарное шунтирование, n (%)	10 (12,8)	1(1,3)	1 (1,3)	12 (15,4)
ЧКВ и стентирование КА, n (%)	11 (14)	2 (2,6)	1 (1,3)	14 (17,9)
Летальность, n (%)	1(1,3)	–	1(1,3)	2 (2,6)
Всего событий, n (%)	64 (82)	9 (12)	5 (6)	78

Таблица 3

Сравнительная характеристика изучаемых биомаркеров

Показатель	ОГ1 (n = 102)	ОГ 2 (n = 78)	p
МПО, пмоль/л	280 [245/330]	360 [289/407]	0,0001
ГЦ, мкмоль/л	12,8 [11,7/17]	15,2 [12,1/17,6]	0,01
Фг, г/л	4,3 [3,7/5,1]	4,8 [3,8/5,7]	0,049
ФрВ, %	121 [72,6/143]	160,5 [110/222]	0,0001
MPV, fl	8,7 [8,4/9,1]	9,1 [8,4/9,8]	0,04
Адр., степень, %	55 [44/61]	84 [35,3/77,8]	0,02
$АДФ_{2,5}$, степень, %	62 [54 /74]	78 [50 /77]	0,05
Д-димеры, мкг/л	248 [180/405]	370 [234/521]	0,01
BNP, пг/мл	50 [25/91]	133 [55/223]	< 0,0001

Таблица 4

Независимые лабораторные предикторы развития сердечно-сосудистых осложнений у лиц с НС в отдаленные (12 месяцев) сроки наблюдения

Исходный параметр	B	SE	p	ОШ	95 % доверительный интервал для ОШ	
					нижняя граница	верхняя граница
МПО, пмоль/л	0,007	0,003	0,022	1,007	1,001	1,014
ГЦ, мкмоль/л	0,161	0,071	0,024	1,174	1,022	1,350
ФрВ, %	0,012	0,004	0,007	1,012	1,003	1,021
BNP, пг/мл	0,012	0,004	0,004	1,012	1,004	1,020

Примечание. B – коэффициент регрессии, SE – стандартная ошибка коэффициента регрессии, ОШ – отношение шансов (exp(B), OR).

Таблица 5

Пороговые значения показателей, связанных с развитием повторных сердечно-сосудистых осложнений у пациентов с НС в отдаленные сроки наблюдения

Предикторы риска	Пороговое значение	Чувствительность, %	Специфичность, %	Достоверность	+ОП	–ОП
МПО, пмоль/мл	> 330	72	88	< 0,0001	6,1	0,72
ГЦ, мкмоль/л	> 14,2	61	76	< 0,0001	4,58	0,43
ФрВ, %	> 147	56	90	< 0,0001	5,75	0,48
BNP, пг/мл	> 111	56	91	< 0,0001	9,59	0,46

В точке разделения (максимальная специфичность) > 0,4934 операционные характеристики для лабораторных предикторов развития неблагоприятных исходов пациентов с НС составили: специфичность – 94 %, чувствительность – 81 % , +ОП (отношение правдоподобия для положительного результата) – 13,73, –ОП (отношение правдоподобия для отрицательного результата) – 0,2.

Таким образом, вероятность развития повторных сердечно-сосудистых осложнений у пациентов с НС увеличивается почти в 14 раз при ФрВ >147 % (чувствительность – 56 %, специфичность – 86 %), МПО > > 330 пмоль/мл (чувствительность – 71 %, специфичность – 88 %), уровне гомоцистеина > 14,2 мкмоль/л (чувствительность – 61 %, специфичность – 76 %) и уровне BNP > 111 пг/мл (чувствительность – 57 %, специфичность – 90 %).

При проведении логистического регрессионного анализа рассчитывался экспонент В, отражающий величину вклада предиктора в развитие неблагоприятного исхода. По величине вклада каждого из этих предикторов присваивались баллы, с помощью которых строилась оценочная шкала для стратификации групп риска повторных коронарных событий (табл. 6).

Все пациенты были разделены на терцили. Терциль, которой присваивалось от 0 до 1 баллов, имела низкий риск развития повторных коронарных событий, терциль с суммой баллов, равной 2, – промежуточный, а при сумме баллов 3 и более – высокий риск неблагоприятного исхода в течение года после НС.

Таблица 6

Шкала стратификации риска развития повторных сердечно-сосудистых осложнений у пациентов с НС в отдаленные сроки наблюдения

Предикторы риска	Баллы
BNP > 111 пг/мл	1
ФрВ > 147 %	1
ГЦ >14,2 мкмоль/л	1
МПО > 335 пмоль/л	1

При построении ROC-кривой показатель площади под кривой для предложенной шкалы риска развития повторных коронарных событий составил 0,921 ($p < 0,0001$). Координаты кривой позволили получить точку разделения с уровнем чувствительности 78 % и специфичности 96 % для предложенной нами шкалы.

Таким образом, шкала прогноза при НС включила уровни фактора Виллебранда, отражающего тромбогенный риск, биохимического маркера ишемизированного миокарда BNP, показателя нестабильной бляшки и оксидативного стресса МПО, а также эндотелиальной дисфункции ГЦ. Шкала GRACE разработана для раннего и среднеотдаленного (6 месяцев) прогноза и позволяет предсказывать летальность и нефатальные ИМ. Между тем возвратная стенокардия вносит большой вклад в неблагоприятные исходы в течение года и последующих 5 лет [9, 10].

Для скринингового метода оценки риска неблагоприятных исходов нами разработана более простая шкала. С этой целью в исходную совокупность анализируемых признаков были включены лишь те показатели, которые определяются на амбулаторно-поликлиническом этапе наблюдения.

Методом логистического регрессионного анализа были разработаны независимые предикторы развития повторных коронарных событий (табл. 7). Ими явились показатель внутрисосудистого воспаления – фибриноген, показатель среднего объема тромбоцитов – MPV и маркер нестабильности миокарда – ФВ ЛЖ. Их пороговые значения представлены в табл. 8.

В точке разделения (максимальная специфичность) > 0,583 операционные характеристики для лабораторных предикторов развития неблагоприятных исходов у пациентов с НС составили: специфичность – 90 %, чувствительность – 79,5 % , +ОП – 10,54, –ОП – 0,21.

Вероятность развития неблагоприятных исходов нестабильной стенокардии при уровне MPV ≥ ≥ 9,1 fl (чувствительность – 53 %, специфичность – 89 %), фибриногена > 4,8 г/л (чувствительность – 49 %, специфичность – 80 %), фракции выброса ЛЖ ≤ 52 % (чувствительность – 83 %, специфичность – 98 %) увеличивается почти в 10 раз.

Для подтверждения диагностической роли вышеуказанных биомаркеров нами проводилась динамическая оценка биомаркеров при поступлении, через 1, 3 и 6 месяцев. Так, в группе лиц без развития повторных сердечно-сосудистых событий не выявлено достоверного изменения концентрации в крови MPV, фибриногена и показателя ФВ ЛЖ. У 47 % лиц отмечено снижение уровня фибриногена, 33 % – снижение MPV, 29 % – повышение ФВ ЛЖ. И наоборот, в группе, где наблюдались повторные коронарные события, исходный уровень маркеров был повышен. В 29 % случаев имело место дальнейшее нарастание их концентрации. У 49 % пациентов ОГ 2 уровень определяемых величин так и не достиг нормальных значений.

Таким образом, данные показатели могут использоваться на амбулаторно-поликлиническом этапе наблюдения для скринингового мониторинга за пациентами, перенесшими НС, и выделения группы лиц высокого риска развития повторных коронарных событий, что важно для своевременного и эффективного медикаментозного и хирургического вмешательства, а также эффективной вторичной профилактики повторных коронарных событий.

При проведении логистического регрессионного анализа рассчитывался экспонент В, отражающий величину вклада каждого из предикторов в развитие отдаленных неблагоприятных исходов (табл. 9).

Как уже упоминалось, все пациенты были разделены на терцили. Терциль, которой присваивалось от 0 до 1 баллов, имела низкий риск развития повторных коронарных событий, терциль с суммой баллов, равной 2, – средний, а при сумме баллов 3 и более – высокий риск неблагоприятного исхода в течение года после НС.

При построении ROC-кривой показатель площади под кривой для предложенной шкалы риска развития повторных коронарных событий составил 0,799 ($p < 0,0001$). Координаты кривой позволили получить точку разделения с уровнем чувствительности 62,5 % и специфичности 89 % для предложенной нами скрининговой шкалы, основанной на клинико-лабораторных предикторах риска.

Таблица 7

Независимые клинико-лабораторные предикторы развития повторных сердечно-сосудистых осложнений у лиц с НС в отдаленные сроки

Исходный параметр	B	SE	p	ОШ	95 % доверительный интервал для ОШ	
					нижняя граница	верхняя граница
Фибриноген, г/л	0,3759	0,1952	0,0542	1,4563	0,9932	2,1351
MPV, fl	0,8542	0,3485	0,0142	2,3494	1,1867	4,6516
ФВ ЛЖ, %	–0,3328	0,09062	0,0002	0,7169	0,6003	0,8563

Таблица 8

Пороговые значения показателей, связанных с развитием повторных сердечно-сосудистых осложнений у пациентов с НС в отдаленные сроки наблюдения

Предикторы риска	Пороговое значение	Чувствительность, %	Специфичность, %	Достоверность	+ОП	–ОП
Фибриноген, г/л	> 4,8	49	80	0,012	2,48	0,64
MPV, fl	> 9,1	53	89	0,024	4,87	0,53
ФВ ЛЖ, %	≤ 52	83	98	< 0,0001	42,5	01,7

Таблица 9

Шкала стратификации риска развития повторных сердечно-сосудистых осложнений у пациентов с НС в отдаленные сроки наблюдения

Предикторы риска	Баллы
Фибриноген > 4,8 г /л	1
ФВ ЛЖ ≤ 52 %	1
MPV > 9,1 fl	2

Выводы:

1. Мультимаркерная модель и шкала отдаленного прогноза при НС включает исходные значения биомаркеров: фактора Виллебранда, отражающего тромбогенный риск; BNP – ишемизированного миокарда; показателя нестабильной бляшки и оксидативного стресса – МПО и эндотелиальной дисфункции – ГЦ.

2. Оценочная шкала, основанная на биомаркерах, позволяет выделить группы высокого (более 3 баллов), среднего (2 балла) и низкого (0–1 балл) риска развития повторных коронарных событий у лиц с НС в отдаленные сроки наблюдения.

3. Комплексная оценка биомаркеров кардиоваскулярного риска характеризуется высокой предсказательной значимостью: при повышении 4 маркеров вероятность развития повторных коронарных событий возрастает в 14 раз (ОШ = 10,08, p = 0,0047).

4. Скрининговая модель и шкала отдаленного прогноза, основанная на простых и доступных клинико-лабораторных предикторах, – уровень фибриногена, показатель MPV и фракция выброса левого желудочка – может быть использована на амбулаторно-поликлиническом этапе наблюдения пациентов, перенесших ОКС. Вероятность развития неблагоприятных исходов нестабильной стенокардии при уровне MPV ≥ 9,1 fl (чувствительность – 44 %, специфичность – 79 %), фибриногена > 4,4 г/л (чувствительность – 62 %, специфичность – 62 %), фракции выброса ≤ 54 % (чувствительность – 83 %, специфичность – 97 %) увеличивается в 10 раз.

5. Предложенные оценочные шкалы стратификации позволяют с высокой точностью (чувствительность – 78 %, специфичность – 95 %, AUC = 0,921; чувствительность – 62,5 %, специфичность – 89,0 %, AUC = = 0,799 соответственно) выделять группы высокого риска повторных коронарных событий среди лиц с НС.

6. Динамическая оценка биомаркеров MPV, фибриногена и ФВ ЛЖ важна для своевременного и эффективного медикаментозного и хирургического вмешательства, а также эффективной вторичной профилактики повторных коронарных событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверков О.В. Инвазивный и неинвазивиый подходы к лечению нестабильной стенокардии и инфаркта миокарда без зубца Q // Кардиология. 2000; 7: 70–77.

2. Кохан Е.П., Пайвин А.А. Нестабильная стенокардия: современный подход к активной тактике лечения. Хирургическая реваскуляризация или чрескожная транслюминальная коронарная ангиопластика? // Ангиология и сосудистая хирургия. 2000; 2: 100–105.

3. The clinical outcomes of patients undergoing revascularization for acute coronary syndrome / J. Kang [et al.] // Chin. J. Intern. Med. 2011; 50 (7): 585–588.

4. Long-term mortality of patients undergoing cardiac catheterization for ST-elevation and non-ST-elevation myocardial infarction / M.Y. Chan [et al.] // Circulation. 2009; 119: 3110–3117.

5. Non-ST-segment elevation acute coronary syndromes. Targeted imaging to refine upstream risk stratification / H.B. Chang [et al.] // Circulation: Cardiovasc. Imaging. 2012; 5: 536–546.

6. Underestimated and under-recognized: the late consequences of acute coronary syndrome (GRACE UK – Belgian Study) / K.A. Fox [et al.] // Eur. Heart J. 2010; 31 (22): 2755–2764.

7. Значение лабораторных маркеров повреждения эндотелия при нестабильной стенокардии / И.А. Маркова [и др.] // Актуальные вопросы кардиологии и внутренних болезней: сб. науч. тр. Минск: БГМУ, 2013. С. 137–143.

8. Независимые предикторы повторных коронарных событий у лиц с нестабильной стенокардией в отдаленные сроки наблюдения / И.А. Маркова [и др.] // Актуальные вопросы кардиологии и внутренних болезней: сб. науч. тр. Минск: БГМУ, 2013. С. 144–148.

9. Angina at 1 year after myocardial infarction: Prevalence and associated findings / T.M. Maddox [et al.] // Arch. Intern. Med. 2008; 168:1310–1316.

10. Recurrent angina after coronary angioplasty: mechanisms, diagnostic and therapeutic options / P. Izzo [et al.] // Eur. Heart J.: Acute Cardiovasc. Care. 2012; 1 (2): 158–169.

Поступила 31.07.2013

ЧАСТОТА СЕРДЕЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ЕЕ РОЛЬ В ПРОГРЕССИРОВАНИИ АТЕРОСКЛЕРОЗА С ПОЗИЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЭНДОТЕЛИЯ

Е.Ф. Заремба, З.О. Билоус

Львовский национальный медицинский университет им. Данила Галицкого

Работа посвящена изучению взаимосвязи уровня частоты сердечных сокращений и эндотелиальной дисфункции у больных стабильной стенокардией, исследованию влияния комплексной терапии с использованием β-адреноблокатора и ингибитора I_f-каналов синусового узла больных стабильной стенокардией с частотой сердечных сокращений > 80 уд/мин.

Установлено, что проведение комплексной терапии с использованием ингибиторов I_f-каналов синусового узла эффективно снижает частоту сердечных сокращений, положительно влияет на клиническую симптоматику, инструментально-лабораторные показатели, способствует устранению эндотелиальной дисфункции у больных стабильной стенокардией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

стабильная стенокардия, частота сердечных сокращений, эндотелиальная дисфункция, ингибиторы I_f-каналов, β-адреноблокаторы

KEY WORDS

stable angina, heart rate, endothelial dysfunction, I_f-channels inhibitors, β-blockers

Survey studies the impact of heart rate on the development of endothelial dysfunction in patients with stable angina, and evaluation of the effect of therapy, especially combined use of β-adrenoblocker and inhibitors of sinus node I_f-channels in such patients with a heart rate > 80 beats per minute.

Therapy administration effectively reduces the heart rate with the addition of I_f-channels inhibitors of sinus node, the presence of positive clinical symptoms as well as instrumental and laboratory parameters indicates its great contribution to the progression of endothelial dysfunction in patients with stable angina pectoris.

Степень стенозирования коронарных артерий атеросклеротическим процессом у больных стенокардией, как и предрасположенность их к спазму, различная. В типичних случаях стабильной стенокардии (СС) уровень фиксированной коронарной обструкции такой, что коронарный кровоток не обеспечивает полной потребности миокарда в кислороде, а при дальнейшем возрастании этой потребности становится неадекватным. Важной функцией эндотелия является адаптация коронарного кровотока к потребности миокарда в кислороде [3]. В результате утери эндотелием противовоспалительной, антиоксидантной и антитромботической способности происходит нарушение перфузии, развитие гипоксии тканей.

Эндотелий секретирует множество вазоактивных веществ, таких как оксид азота (NO), эндотелин-1 (Э-1), простациклин, серотонин, тромбоксан A_2, фактор Виллебранда (фВ) и др.

Повышенная частота сердечных сокращений (ЧСС) механически повреждает сосудистую стенку, вызывает эндотелиальную дисфункцию (ЭД). Кровоток в сосудах волнообразный. Его характер зависит от ЧСС. Пласты крови двигаются вдоль стенки сосудов с неодинаковой скоростью, изменяя характер кровотока с ламинарного, что наблюдается в норме, на турбулентный. Изменение механического влияния тока крови на эндотелиоциты может привести к изменению его функционального состояния, развитию эндотелиальной дисфункции [1, 2, 4, 5].

Цель исследования – повысить эффективность лечения больных стабильной стенокардией II–III функциональных классов на основании изучения эндотелиальной функции при различных значениях ЧСС.

Материал и методы. Обследовано 125 больных стабильной стенокардией II–III ФК и 34 практически здоровых лица, которые соответствовали возрастной и половой категории пациентов. Диагностика и лечение проведены согласно рекомендациям Европейского общества кардиологов по диагностике и лечению стабильной стенокардии 2006 г. Функциональный класс стабильной стенокардии определен по Канадской классификации.

В зависимости от частоты сердечных сокращений пациенты были разделены на 3 группы: 1-я группа – 62 больных СС II–III ФК с повышенной ЧСС (> 80 уд/мин), которых разделили на 2 подгруппы в зависимости от лечебной тактики (I подгруппа (30 больных) получала комплексное лечение с использованием ингибитора I_f-каналов синусового узла ивабрадина и β-адреноблокатора (бисопролола), II подгруппа (32 больных) получала стандартное лечение с бисопрололом); 2-я группа – 31 пациент со СС II–III ФК с нормальной ЧСС (60–80 уд/мин); 3-я группа – 32 больных СС II–III ФК со сниженной ЧСС (< 60 уд/мин);

4-я группа – контрольная. Во 2-й и 3-й группах пациенты получали стандартную терапию, которая включала назначения нитратов, антитромбоцитарную терапию, статины, β-блокаторы и иАПФ. Средний возраст обследованных составил 59,87 ± 7,34 года.

Среди обследованных – 63 пациента (50,4 %) со СС II ФК и 62 (49,6 %) со СС III ФК. Больных СС III ФК с ЧСС > 80 уд/мин – 35 (56,5 %), СС III ФК с нормальной ЧСС – 14 (46,7 %), СС III ФК с ЧСС < 60 уд/мин – 13 (40,6 %).

В сыворотке крови эндотелин-1 определяли с использованием диагностических наборов фирмы Biomedica (Австрия) на иммуноферментном анализаторе STATfax 1904.

Метод определения активности фактора Виллебранда основан на его способности вызывать агрегацию тромбоцитов в присутствии индуктора агрегации ристоцитина (РЕНАМ, Россия).

Разница между отдельными показателями определялась с помощью коэффициента вероятности (критерия t-Стьюдента). Анализ связи между показателями проводился с помощью расчета коэффициента корреляции (r). Данные приведены как M ± m, где M – средняя арифметическая величина, m – среднее квадратическое (стандартное) отклонение. За минимальный порог вероятности принимали значение p < 0,05.

Результаты исследования. Среди обследованых больных СС II ФК наибольшее количество приступов стенокардии на протяжении недели наблюдалось в 1-й группе – 7,7 ± 1,04. Продолжительность приступов также была наибольшая в 1-й группе (102,9 ± ± 3,12 мин/нед), что обусловило наивысшую суточную потребность в нитроглицерине (1,44 ± 0,12 мг/сут). Наименьшее количество приступов стенокардии выявлено у лиц с ЧСС < 60 уд/мин, что отображается в их продолжительности (70,95 ± 2,88 мин/нед) и потребности в нитроглицерине (1,35 ± 0,15 мг/сут).

В группе больных СС III ФК выявлены наибольшее количество приступов стенокардии на протяжении недели (9,54 ± 0,51) и наибольшая продолжительность приступов (134,3 ± 4,5 мин/нед), что обусловило у них более высокую суточную потребность в нитроглицерине (1,84 ± 0,07 мг/сут). Наименьшее количество и продолжительность приступов стенокардии наблюдались у больных с ЧСС < 60 уд/мин, что отобразилось в их продолжительности 112,8 ± 5,8 мин/нед и в меньшей потребности в нитроглицерине (1,68 ± 0,13 мг/сут).

ЧСС у больных 1, 2 и 3-й групп составляла в среднем 89,9 ± 6,57, 70,26 ± 4,37 и 58,0 ± 1,12 уд/мин соответственно, в контрольной – 70,7 ± 5,4 уд/мин ($p_{1,4}$ < < 0,05; $p_{2,4}$ > 0,05; $p_{3,4}$ < 0,05).

У пациентов с ЧСС > 80 уд/мин общая величина граничной нагрузки была ниже (62,4 ± 2,2 Вт), чем в группе пациентов с нормальной и сниженной ЧСС. Наивысшая граничная нагрузка наблюдалась у лиц с ЧСС < 60 уд/мин (70,6 ± 2,5 Вт). При распределении пациентов за функциональным классом стенокардии наблюдалась аналогичная зависимость: самые низкие показатели граничной нагрузки обнаружены в 1-й группе: 68,1 ± 2,3 Вт для СС II ФК и 56,7 ± 2,1 Вт для СС III ФК.

Более выраженный подъем уровня эндотелина-1 (почти в 4 раза) обнаружен в 1-й группе больных (5,85 ± 0,31фмоль/мл) по сравнению с группой контроля (1,56 ± 0,21 фмоль/мл). Повышение уровня Э-1 отмечено и у пациентов других групп (3,9 ± 0,25 и 2,76 ± 0,27 фмоль/мл во 2-й и 3-й группах соответственно; $p_{3,4}$ < 0,01; $p_{2,4}$ < 0,001). Во 2-й группе его концентрация была в 1,5 раза больше, 3-й – более чем в 2 раза по сравнению с 1-й.

Концентрация эндотелина-1 и уровень фактора Виллебранда у обследованных лиц представлены в табл. 1.

Таблица 1

Уровень концентрации эндотелина-1 и фактора Виллебранда в плазме крови больных стабильной стенокардией II–III ФК по сравнению с практически здоровыми лицами (M ± m)

Показатель	1-я группа (n = 62)	2-я группа (n = 31)	3-я группа (n = 32)	4-я группа (n = 34)	p
Эндотелин-1, фмоль/мл	5,85 ± 0,31	3,9 ± 0,25	2,76 ± 0,27	1,56 ± 0,21	$p_{1,2}$ < 0,001 $p_{1,3}$ < 0,001 $p_{1,4}$ < 0,001 $p_{2,3}$ < 0,01 $p_{2,4}$ < 0,001 $p_{3,4}$ < 0,01
Фактор Виллебранда, %	186,3 ± 11,0	153,3 ± 9,1	141,6 ± 9,9	98,7 ± 9,4	$p_{1,2}$ < 0,05 $p_{1,3}$ < 0,01 $p_{1,4}$ < 0,001 $p_{2,3}$ > 0,05 $p_{2,4}$ < 0,001 $p_{3,4}$ < 0,01

Наивысший показатель фВ наблюдался в 1-й группе больных (186,3 ± 11,0 %), где он превышал аналогичные показатели 2-й группы (153,3 ± 9,1 %) в 1,2 раза, 3-й (141,6 ± 9,9 %) – в 1,3 раза ($p_{1,2} < 0,05$; $p_{1,3} < 0,01$). Уровень фВ в контрольной группе составил 98,7 ± 9,4 %. По сравнению с группой контроля показатели пациентов всех групп были достоверно выше ($p_{1,4} < 0,001$, $p_{2,4} < 0,001$, $p_{3,4} < 0,01$): в 1-й группе – в 1,9 раза, 2-й и 3-й – в 1,6 и 1,4 раза.

Обнаружена корреляционная зависимость между частотой сердечных сокращений и показателями функции эндотелия (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционная зависимость между ЧСС и уровнем эндотелина-1, ЧСС и концентрацией фактора Виллебранда

Показатель	1-я группа (n = 62)	2-я группа (n = 31)	3-я группа (n = 32)	p
Эндотелин-1	+0,722	+0,814	+0,366	$p_1 < 0,001$ $p_2 < 0,001$ $p_3 < 0,05$
Фактор Виллебранда	+0,724	+0,499	+0,3	$p_1 < 0,001$ $p_2 < 0,01$ $p_3 > 0,05$

При корреляционном анализе обнаружена достоверная прямая корреляционная зависимость для Э-1 и фВ: у больных 1-й группы $r_{э\text{-}1} = +0,722$; $p_1 < 0,001$; $r_{фВ} = +0,724$; $p_1 < 0,001$, во 2-й и 3-й группах соответственно $r_{э\text{-}1} = +0,814$; $p_2 < 0,001$; $r_{фВ} = +0,499$; $p_2 < 0,01$; $r_{э\text{-}1} = +0,366$; $p_3 < 0,05$; $r_{фВ} = +0,3$; $p_3 > 0,05$. Вышеизложенное свидетельствует о связи между показателями маркеров эндотелиальной дисфункции (Э-1 и фВ) и ЧСС.

На фоне комплексной терапии у больных улучшилось общее самочувствие, что выразилось уменьшением количества приступов стенокардии на протяжении недели, уменьшением суточной потребности в нитроглицерине и изменением функционального класса СС, что особенно хорошо прослеживается через 6 месяцев терапии.

У пациентов со СС II ФК через 6 месяцев терапии обнаружено уменьшение количества приступов стенокардии на 35,1 %; $p < 0,05$. Уменьшение количества приступов сопровождалось уменьшением их продолжительности за неделю и суточной потребности в нитроглицерине почти наполовину: Δ = –44,1 %; Δ = – 50,0 %; $p < 0,001$. Аналогичные изменения характерны и для пациентов этой группы со СС III ФК: количество приступов стенокардии уменьшилось на 25,5 % ($p < 0,05$), суточная потребность в нитропрепаратах – на 44,6 % ($p < 0,001$).

У больных СС II ФК, которые принимали базисную терапию, уменьшение количества приступов было недостоверным и составляло 18,2 % ($p > 0,05$), для лиц со СС III ФК – 8,8 % ($p > 0,05$). Уменьшение продолжительности приступов стенокардии за сутки было достоверным у больных СС II ФК ($p < 0,05$). У лиц этой подгруппы с III ФК изменения оказались недостоверными ($p > 0,05$). Потребность в нитроглицерине во II подгруппе больных через 6 месяцев лечения составила для II ФК 0,91 ± 0,14 мг/сут (Δ = –36,8 %; $p < 0,01$), III ФК – 1,24 ± 0,05 мг/сут (Δ = –32,6 % по сравнению с результатами до лечения; $p < 0,001$).

У больных СС 2-й группы по сравнению с исходными данными через 6 месяцев не выявлено достоверного уменьшения количества приступов стенокардии на протяжении недели для всех функциональных классов ($p > 0,05$), II ФК Δ = –20,3 %, III ФК Δ = –8,7 %. Продолжительность приступов стенокардии характеризуется уменьшением для обоих ФК СС, изменения были существенными: у пациентов со СС III ФК Δ = = –15,0 % ($p < 0,01$), II ФК Δ =–19,5 % ($p < 0,001$). Потребность в нитроглицерине уменьшилась для лиц со СС II ФК на 43,2 %, III ФК – на 36,2 % ($p < 0,001$).

У пациентов 3-й группы, как и 2-й, отмечено уменьшение количества приступов стенокардии на протяжении недели ($p > 0,05$). Продолжительность приступов стенокардии в этой группе достоверно изменилась через 6 месяцев: у пациентов со СС II ФК на –13,5 % ($p < 0,05$), III ФК на –18,8 % ($p < 0,01$). Потребность в нитроглицерине на протяжении суток достоверно уменьшилась по сравнению с дозами при поступлении в стационар: $Δ_{II ФК} = –45,2$ %; $Δ_{III ФК} = –38,7$ % ($p < 0,001$).

В результате лечения уменьшилась ЧСС во всех группах больных. У пациентов I подгруппы 1-й группы разница была достоверной по сравнению с данными до лечения (табл. 3).

У больных 2-й и 3-й групп после лечения разница была недостоверной.

После проведенной терапии изменился функциональный класс стенокардии в сторону понижения как в целом по группам, так и в каждой группе в отдельности: 11 лиц (8,8 %) – пациентов со СС I ФК, 64 лица (51,2 %) – II ФК, 50 лиц (40,0 %) – III ФК. В I подгруппе 1-й группы превышало количество больных СС II ФК – 17 лиц (56,7 %), III ФК – 9 лиц (30,0 %). В I подгруппе наибольшее количество пациентов со СС I ФК – 4 (13,3 %). Во 2-й и 3-й группах снизилось количество больных III ФК и составило 41,9 и 37,5 % соответственно.

Изменения ФК стенокардии после проведенной терапии приведены в табл. 4.

Через 6 месяцев проведенное лечение позволило повысить граничную нагрузку во время ВЭМ во всех функциональных классах обеих подгрупп 1-й группы ($p_{I подгр} < 0,01$; $p_{II подгр} < 0,05$).

Отмечены позитивные изменения граничной нагрузки у пациентов со СС с нормальной и пониженной ЧСС всех функциональных классов. Достоверность составляет: $p_2 > 0,05$; $p_3 > 0,05$.

Результаты граничной нагрузки при проведении ВЭМ приведены в табл. 5.

Таблица 3

ЧСС у пациентов после лечения

Показатель	1-я группа I подгруппа (n = 30)	1-я группа II подгруппа (n = 32)	2-я группа (n = 31)	3-я группа (n = 32)
ЧСС, уд/мин	71,5 ± 3,2*	79,2 ± 4,3	66,5 ± 2,4	56,2 ± 1,3

*p < 0,05 – разница достоверная по сравнению с данными до лечения.

Таблица 4

Изменения функционального класса стенокардии в зависимости от проведенного лечения

ФК	1-я группа I подгруппа		1-я группа II подгруппа		2-я группа		3-я группа		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
I	4	13,3	2	6,2	2	6,5	3	9,4	11	8,8
II	17	56,7	14	43,8	16	51,6	17	53,1	64	51,2
III	9	30,0	16	50,0	13	41,9	12	37,5	50	40,0

Таблица 5

Показатели граничной нагрузки (Вт) при проведении ВЭМ у больных после лечения (M ± m)

ФК	1-я группа I подгруппа (n = 30)	1-я группа II подгруппа (n = 32)	2-я группа (n = 31)	3-я группа (n = 32)
I	89,5 ± 5,2	87,0 ± 4,2	88,0 ± 4,2	89,7 ± 4,0
II	78,7 ± 6,2	72,6 ± 2,9	75,5 ± 5,4	75,9 ± 4,8
III	66,8 ± 4,0*	61,6 ± 3,5	63,1 ± 6,8	65,4 ± 3,7
Всего	78,3 ± 4,7**	73,8 ± 4,3*	75,6 ± 6,0	76,7 ± 4,5

*p < 0,05, **p < 0,01 – разница достоверная по сравнению с данными до лечения.

Уровни эндотелина-1 и фактора Виллебранда в группах обследуемых больных приведены в табл. 6.

Показатели концентрации эндотелина-1 были понижены во всех группах пациентов со СС после лечения, причем более эффективно эти изменения проявились в I подгруппе через 6 месяцев, где понижение по сравнению с исходными данными составило больше чем в 2,5 раза (p < 0,001). После 6-месячного периода во II подгруппе понижение эндотелина-1 тоже было достоверно, но менее выражено (разница между концентрацией до и после лечения составила Δ = – 23,8 %; p < 0,01).

После базисной терапии во 2-й группе больных наблюдалось существенное понижение уровня эндотелина-1 (с 3,9 ± 0,25 до 2,57 ± 0,36 фмоль/мл). Разница составляла Δ = –34,1 % (p < 0,01), но понижение после комплексной терапии было более выражено (2,08 ± ± 0,71 фмоль/мл).

У пациентов со СС и пониженной ЧСС после лечения выявлено снижение уровня эндотелина-1 до 2,13 ± 0,54 фмоль/мл, но достоверных изменений по сравнению с концентрацией до лечения не обнаружено (Δ = – 22,8 %; p > 0,05).

Концентрация фактора Виллебранда была достоверно (p < 0,01) понижена в группе больных после комплексного лечения при повышенной ЧСС через 6 месяцев от начала лечения, где снижение оставило 23,3 %. Коррекция ЧСС после базисной терапии была менее выражена (Δ = 4,7 %; p > 0,05). Во II подгруппе

Таблица 6

Динамика эндотелина-1 и фактора Виллебранда у больных после лечения (M ± m)

Показатель	1-я группа I подгруппа (n = 30)	1-я группа II подгруппа (n = 32)	2-я группа (n = 31)	3-я группа (n = 32)
Эндотелин-1, фмоль/мл	2,08 ± 0,71**	4,46±0,35*	2,57 ± 0,36*	2,13 ± 0,54
Фактор Виллебранда, %	142,8 ± 7,8*	177,5 ± 9,0	146,0 ± 9,1	133,0 ± 7,9

*p < 0,01, **p < 0,001 – разница достоверная по сравнению с данными до лечения.

1-й группы, несмотря на проведенное лечение, фактор Виллебранда остался высоким, тогда как после комплексного лечения установлена позитивная динамика.

Во 2-й группе больных фВ снижался менее интенсивно и после 6 месяцев составил 146,0 ± 9,1 %; Δ = 4,8 % по сравнению с результатами до лечения (p > 0,05). У пациентов 3-й группы выявлено понижение фВ до 133,0 ± 7,9 % через 6 месяцев, что составило понижение показателя на 6,1 % по сравнению с уровнем до лечения (p > 0,05).

Выводы:

1. У больных стабильной стенокардией II–III ФК с ЧСС > 80 уд/мин установлены более выраженная клиническая картина заболевания, доминирование атипичных симптомов по сравнению с пациентами с ЧСС 60–80 и меньше 60 уд/мин.

2. При стабильной стенокардии с ЧСС > 80 уд/мин установлена более выраженная эндотелиальная дисфункция, которая проявлялась повышенным уровнем эндотелина-1 и фактора Виллебранда ($p_{э\text{-}1} < 0,001$, $p_{фВ} < 0,001$), менее выраженная у больных с ЧСС < < 60 уд/мин ($p_{э\text{-}1} < 0,01$; $p_{фВ} < 0,01$) по сравнению с практически здоровыми лицами.

3. У больных стабильной стенокардией установлена прямая корреляционная зависимость между уровнем ЧСС и эндотелином-1, ЧСС и фактором Виллебранда.

4. Применение блокатора I_f-каналов синусового узла при комплексном лечении больных стабильной стенокардией II–III ФК способствует улучшению показателей эндотелина-1 и фактора Виллебранда. После комплексного лечения установлено уменьшение количества и продолжительности приступов стенокардии, уменьшение дозы нитропрепаратов, повышение толерантности к физической нагрузке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознюк В.П. Гемодинамические изменения и фактор Виллебранда // Кровообіг і гемостаз. 2006; 4: 49–51.

2. Головченко Ю.И., Терещинская М.А. Обзор современных представлений об эндотелиальной дисфункции // Consilium Medicum Ukraina. 2008; 11: 38–40.

3. Денисюк В.І., Валуєва С.В. Дисфункція ендотелію як предиктор ризику виникнення хвороб серцево-судинної системи // Серце і судини. 2006; 3: 104–107.

4. Лупинская З.А. Эндотелий сосудов – основной регулятор местного кровотока // Вестн. КРСУ. 2005; 7: 1–6.

5. Концентрация эндотелина-1 в плазме крови коррелирует с выраженностью клинических проявлений стабильной стенокардии напряжения / М.И. Лутай [и др.] // Україн. мед. часопис. 2004; 4 (42): 105–108.

Поступила 15.04.2013

ОСОБЕННОСТИ СУТОЧНОГО ПРОФИЛЯ АРТЕРИАЛЬНОГО ДАВЛЕНИЯ У ЖЕНЩИН ДО МЕНОПАУЗЫ И В РАННЕМ ПОСТМЕНОПАУЗАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ

Л.В. Кежун

Гродненский государственный медицинский университет

Методом суточного мониторирования артериального давления в амбулаторных условиях изучены особенности суточного профиля артериального давления у 92 женщин с артериальной гипертензией до менопаузы и в раннем постменопаузальном периоде и у 31 практически здоровой женщины аналогичного периода. Выявлено повышение ряда показателей, характеризующих прессорную нагрузку артериальным давлением, преобладание патологического суточного профиля артериального давления, наличие повышенной вариабельности и скорости утреннего подъема артериального давления у женщин с артериальной гипертензией. Суточный профиль у практически здоровых женщин в раннем постменопаузальном периоде характеризовался увеличением вариабельности систолического артериального давления ночью, повышением скорости утреннего подъема артериального давления, более высокими значениями среднесуточного и средненочного уровней систолического артериального давления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

артериальная гипертензия, суточное мониторирование артериального давления, менопауза

The method of blood pressure monitoring in the outpatient setting studied the features of circadian blood pressure profile in 92 women with arterial hypertension before menopause and in the early postmenopausal period and in 31 healthy women of a similar period. We determined the increase of a number of indicators of the pressor load in blood pressure, the prevalence of abnormal circadian blood pressure profile, the presence of high variability and speed of morning surge in blood pressure in women with arterial hypertension. Daily profile in healthy women in the early postmenopausal period was characterized by an increase in the variability of systolic blood pressure at night, increasing the speed of morning surge in blood pressure, the higher values of average and average night in systolic blood pressure.

KEY WORDS

arterial hypertension, daily monitoring of blood pressure, menopausal

В становлении артериальной гипертензии (АГ) у женщин важное значение имеют периоды гормональной перестройки организма [3, 9]. Многими исследованиями доказана взаимосвязь между развитием АГ и наступлением менопаузы [2, 5, 12]. В перименопаузальном периоде дефицит эстрогенов способствует симпатикотонии и активации ренин-ангиотензиновой системы, уменьшению продукции оксида азота, снижению эластичности артерий, повышению артериального давления (АД) [19]. В результате более чем у 50 % женщин, находящихся в периоде половой инволюции, возникновение АГ хронологически совпадает с наступлением менопаузы либо состояние значительно ухудшается в этот период [15]. Для женщин в постменопаузе характерна не только большая частота возникновения АГ, но и более быстрое прогрессирование заболевания, раннее поражение органов-мишеней [10, 14, 16].

Возраст женщин в перименопаузе колеблется между 40 и 55 годами [8, 11]. Средний возраст наступления менопаузы для белорусских женщин составляет 48–51 год [3]. После менопаузы наступает постменопаузальный период, продолжающийся до конца жизни. Условно его можно разделить на ранний (3–5 лет) и поздний (после 5 лет) [4, 8].

Исследования последних лет показали, что повышенная вариабельность АД является независимым фактором риска поражения органов-мишеней при АГ. Значительная роль вариабельности АД по суточному мониторированию артериального давления (СМАД) как предиктора развития инсульта и инфаркта миокарда показана в исследовании ASCOT [17]. Различают кратковременную вариабельность АД, которая обычно определяется физической и эмоциональной активностью человека и характеризуется изменением АД в течение секунд, минут или часов, и долговременную вариабельность АД, представленную двухфазным суточным ритмом с характерным снижением АД в ночное время, которая является вторым после уровня АД прогностически значимым и независимым фактором риска развития инсульта при АГ, в том числе у пациентов, получающих антигипертензивную терапию [18]. Известно, что резкое повышение АД в ранние утренние часы значительно увеличивает риск развития сердечно-сосудистых осложнений и внезапной смерти. Во Фремингемском исследовании

показано, что максимальный риск внезапной смерти приходится на период с 7:00 до 9:00 и на 70 % выше по сравнению с остальным временем суток [7, 20].

Несмотря на большое количество проводимых в данном направлении работ, сведения, касающиеся клинико-функциональных особенностей АГ, изменения суточного профиля АД у женщин в перименопаузальном периоде, остаются недостаточно изученными. Длительное мониторирование АД в условиях обычной жизнедеятельности женщины представляет возможность детальной оценки суточного профиля и вариабельности АД. СМАД лишено такого ограничения офисной оценки, как феномен «белого халата», позволяет оптимизировать гипотензивную терапию с учетом выявленного суточного профиля АД и проводить объективную оценку эффективности проводимого лечения и обратного развития поражения органов-мишеней [7].

Цель настоящего исследования – оценка и выявление особенностей суточного профиля АД у женщин до менопаузы и в раннем постменопаузальном периоде.

Материал и методы. Обследовано 123 женщины до менопаузы и в раннем постменопаузальном периоде в возрасте 48,9 ± 5,1 года. Обследуемые были разделены в зависимости от наличия у них АГ на 2 группы, сопоставимые по возрасту: группа I – 31 женщина без АГ, группа II – 92 женщины с АГ II степени, риск 3. Оценка степени АГ и уровня риска обследуемых проводилась согласно Национальным рекомендациям по АГ (2010) [6] и рекомендациям Европейского общества по АГ (2013) [1]. Каждая группа женщин в зависимости от наличия у них менопаузы была разделена на 2 подгруппы: подгруппа IA – 17 женщин без АГ до менопаузы, подгруппа IБ – 14 женщин без АГ, находящихся в раннем постменопаузальном периоде; подгруппа IIA – 45 женщин с АГ до менопаузы и подгруппа IIБ – 47 женщин с АГ, находящихся в раннем постменопаузальном периоде. Наступление менопаузы у всех обследуемых женщин носило физиологический характер. Продолжительность постменопаузального периода в группах IБ и IIБ составляла от 1 до 5 лет. Наблюдаемые пациентки не получали заместительной гормональной терапии. Женщины с АГ до включения в обследование находились на антигипертензивной терапии: монотерапия – 48 %, комбинированная терапия – 36 %. Не принимали или принимали не регулярно антигипертензивную терапию 16 % обследуемых.

Всем пациенткам проводилось общеклиническое обследование, включавшее общий осмотр, измерение офисного АД (систолического САД и диастолического ДАД), роста, массы тела, рассчитывался индекс массы тела (ИМТ) по формуле Кетле, проводилась регистрация ЭКГ.

СМАД проводилось аппаратом Watch BP 03 фирмы Microlife на нерабочей руке. Всем обследуемым рекомендовалось вести обычный по физической активности образ жизни и соблюдать условия измерения АД: остановиться, присесть, держать исследуемую руку свободной и неподвижной. Пациентками велся дневник, где фиксировались изменения самочувствия, психоэмоциональной нагрузки, время ночного сна и утреннего подъема, приема лекарственных препаратов, а также особые ситуации. Интервал между измерениями АД в дневное время составлял 30 мин, ночное – 1 ч. Оценивались данные средних величин САД и ДАД в течение суток, дня и ночи; вариабельность САД и ДАД в течение дня и ночи; степень ночного снижения АД относительно дневного АД – суточный индекс (СИ), показатель нагрузки давлением – индекс времени (ИВ), скорость утреннего подъема (СУП) АД. В соответствии с Национальными (2010) и Европейскими (2013) рекомендациями по артериальной гипертензии за пороговые показатели были приняты: АД за сутки < 130/80 мм рт. ст., АД за день < < 135/85 мм рт. ст. и АД за ночь < 120/70 мм рт. ст. [1, 6].

Одним из главных параметров циркадного ритма АД принято считать его вариабельность. Вариабельность отражает все колебания АД в течение определенных промежутков времени и может быть выявлена только при СМАД. Показатели вариабельности АД в нашем исследовании рассчитывались как среднеквадратичное отклонение от средних значений САД и ДАД за день и ночь. Нормальные значения вариабельности составляли для САД/ДАД за день – 15/15 мм рт. ст., ночь – 14/12 мм рт. ст. [6, 13]. ИВ определялся как процент времени, в течение которого показатели АД превышали пороговые значения. Пороговое значение ИВ составило 25 %. Выраженность суточного ритма АД характеризовалась СИ, который рассчитывался как относительное снижение АД в ночные часы.

На основании степени ночного снижения АД выделяют 4 варианта суточного профиля АД:

с нормальным ночным снижением АД (dippers) (СИ > 10 < 20 %);

недостаточным ночным снижением АД (non-dippers) (СИ < 10 %);

чрезмерным ночным снижением АД (over-dippers) (СИ > 20 %);

ночной гипертензией (night-peakers) (СИ < 0).

СУП АД оценивали с 4:00 до 10:00 как отношение абсолютного прироста АД к промежутку времени, в течение которого этот прирост произошел. Нормальное значение утреннего подъема САД < 10 мм рт. ст./ч, ДАД – < 6 мм рт. ст./ч.

Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась с помощью пакета прикладных программ Statistica 7.0. Представление данных соответствовало характеру их распределения: при нормальном (по критерию Шапиро-Уилка) – в виде среднего значения и стандартного отклонения (M ± SD), отличном от нормального – в виде медианы (Me) и межквартильного размаха [LQ–UQ]. При нормальном распределении для проверки гипотезы о равенстве средних значений 2 групп переменной использо-

вали t-критерий Стьюдента. Для оценки связи между переменными применяли корреляционный анализ Пирсона и непараметрический корреляционный анализ Спирмана. Статистические различия считались достоверными при $p < 0,05$.

Результаты. Общая характеристика обследованных женщин представлена в табл. 1. Как видно из табл. 1, пациентки имели достоверно ($p < 0,05$) большую массу тела, ИМТ, уровни офисного САД и ДАД. Длительность АГ в анамнезе в среднем составляла 5 лет.

Таблица 1

Общая характеристика обследованных женщин

Группа	Возраст, лет	Рост, см	Масса тела, кг	ИМТ, кг/м²	АГ в анамнезе, лет	САД, мм рт. ст.	ДАД, мм рт. ст.
I	48,9 ± 5,1	165 ± 5,4	70,8 ± 8,5	26 ± 2,7	–	120 [110; 125]	80 [70; 80]
II	50 [48; 52,5]	164 [162; 169,5]	82 [71; 95]*	30,8 ± 5,5*	5 [3; 10]	150 [140; 160]*	90 [90; 100]*

*Достоверность различий ($p < 0,05$) между показателями групп I и II.

Показатели СМАД в группе I и II представлены в табл. 2. Как видно из представленных данных, средние значения САД, ДАД, ИВ за сутки, день и ночь, характеризующие прессорную нагрузку АД, выше у обследуемых в группе II по сравнению с обследуемыми в группе I, что указывает на неблагоприятное влияние АД на органы-мишени. При детальном анализе ИВ в группе II установлено, что порогового значения суточный ИВ ДАД достигает только у 31,5 % женщин, суточный ИВ САД – у 54,3 %, ночной ИВ САД – у 44,6 %. В группе II отмечено также повышение показателей вариабельности САД и ДАД за день и ночь. Повышенная вариабельность САД в дневное время выявлена у 94,6 % женщин в группе II против 16,1 % в группе I ($p < 0,000001$). В ночное время повышенная вариабельность САД обнаружена у 53,2 % обследуемых в группе II против 6,5 % в группе I ($p < 0,0001$). Повышенная вариабельность ДАД днем составила 82,7 % в группе II и 12,9 % в группе I ($p < 0,000001$), ночью – 53,2 % в группе II и 6,5 % в группе I ($p < 0,0001$). Установлено также повышение показателей СУП САД и ДАД в группе II по сравнению с группой I. Так, СУП САД в группе II составила 14,8 [9,0; 23,8] мм рт. ст./ч против 11,7 [6,6; 14,3] мм рт. ст./ч в группе I ($p = 0,008$), при этом только в 28,3 % случаев СУП САД и 48,3 % случаев СУП ДАД соответствовала норме в группе II.

Таким образом, в результате анализа показателей СМАД выявлено повышение показателей суточного ИВ САД у 45,7 % и ДАД у 68,5 % , ночного ИВ САД у 55,4 % обследованных женщин в группе II, что является прогностически неблагоприятным признаком, требующим коррекции. Повышенная вариабельность СУП САД и ДАД, выявленная в группе II, также неблагоприятный признак в отношении развития цереброваскулярных и кардиальных катастроф.

При изучении суточного ритма АД по СИ САД и ДАД выявлены различия между группами (рис. 1 и 2).

В группе II (рис. 1) СИ САД соответствовал категории dippers только у 32,6 % обследуемых против 64,5 % в группе I ($p < 0,002$). Патологический характер суточного ритма САД, соответствующий категориям non-dippers, over-dippers и night-peakers, преобладал в группе II и выявлен у 67,4 % обследованных женщин, в то время как у обследуемых группы I патологический характер суточного ритма АД установлен только в 35,5 % случаев ($p < 0,004$). СИ ДАД (рис. 2), соответствующий категории dippers, в 1,2 раза реже встречался в группе II по сравнению с группой I. Напротив, патологический профиль СИ ДАД, соответствующий категории non-dippers, over-dippers и night-peakers, в 1,3 раза чаще встречался в группе II по сравнению с группой I. Таким образом, у обследованных женщин группы II установлено преобладание патологического характера суточного ритма АД с недостаточным ночным снижением АД и ночной гипертензией.

Проанализированы также показатели СМАД у женщин без АГ с сохраненной менструальной функцией – подгруппа IA, и после менопаузы – подгруппа IБ, представленные в табл. 3. Как видно из представленных данных, обследуемые женщины подгруппы IБ имеют более высокие значения среднесуточного (113 ± ± 7,6 мм рт. ст.) и средненочного (105,9 ± 9,1 мм рт. ст.) САД по сравнению с женщинами с сохраненной менструальной функцией подгруппы IA (105,8 ± 8,6 мм рт. ст. и 96,8 ± 9,7 мм рт. ст. соответственно, $p = 0,014$; $p = 0,015$). Повышенная вариабельность САД ночью выявлена у 35,7 % обследуемых подгруппы IБ против 5,9 % подгруппы IA ($p < 0,05$). ИВ САД в ночное время в подгруппе IБ составил 12,5 [0; 16,7] % и превышал пороговое значение у 21,4 % женщин, в то время как в подгруппе IA он соответствовал норме у всех обследуемых и составил 0 [0; 0] % ($p < 0,05$). ИВ ДАД ночью также был выше в подгруппе IБ – 12,5 [0; 16,7] % против 0 [0; 0] % в подгруппе IA ($p = 0,018$). Установлено увеличение СУП САД и ДАД в подгруппе IБ по сравнению с подгруппой IA. Так, СУП САД в подгруппе IБ составила 12 [10; 16] мм рт. ст./ч против 7,8 [6; 12] мм рт. ст./ч в подгруппе IA ($p = 0,018$), СУП ДАД в подгруппе IБ – 9 [8; 14] мм рт. ст./ч против 6,9 [6; 9] мм рт. ст./ч в подгруппе IA ($p = 0,02$).

Показатели СИ САД, ДАД в подгруппах IA и IБ представлены на рис. 3 и 4.

Таблица 2

Показатели СМАД в группах I и II

Показатель		Группа I	Группа II	p
Среднесуточное, мм рт. ст.	САД	109 ± 8,8	119 [113; 127]	0,000001
	ДАД	71,3 ± 5,9	76,05 ± 6,05	0,0002
Среднедневное, мм рт. ст.	САД	113 ± 8,7	124,2 ± 10,6	0,000002
	ДАД	75 [71; 80]	75,9 ± 6,5	0,007
Средненочное, мм рт. ст.	САД	100,9 ± 10,3	113 [106; 120,5]	0,000001
	ДАД,	62,9 ± 6,2	69 [65; 73,5]	0,005
Вариабельность САД, мм рт. ст.	День	13 [11; 15]	29 [22; 38,5]	0,00001
	Ночь	12 [9; 14]	15 [11; 23]	0,001
Вариабельность ДАД, мм рт. ст.	День	12 [10; 14]	20,5 [15; 40,5]	0,00001
	Ночь	10 [8; 11]	12 [9,5; 17]	0,001
Индекс времени САД, %	Сутки	3,3 [2,5; 12,9]	21,5 [9,7; 45,2]	0,00001
	День	3,6 [0; 8,7]	10 [3,5; 20]	0,0005
	Ночь	0 [0; 12,5]	25 [6,25; 50]	0,00004
Индекс времени ДАД, %	Сутки	17,7 [7,5; 24]	36,8 ± 21,1	0,0002
	День	3,6 [0; 11,1]	11,3 [3,5; 21,4]	0,005
	Ночь	0 [0; 0]	12,5 [0; 25]	0,002
Суточный индекс, %	САД	10,8 ± 5,5	8,1 ± 6,8	0,05
	ДАД	16,5 ± 5,9	12,6 ± 8,4	0,02
Скорость утреннего подъема, мм рт. ст./ч	САД	11,7 [6,6; 14,3]	14,8 [9,0; 23,8]	0,008
	ДАД	8 [6,3; 10]	10,3 [6,7; 16,8]	0,027

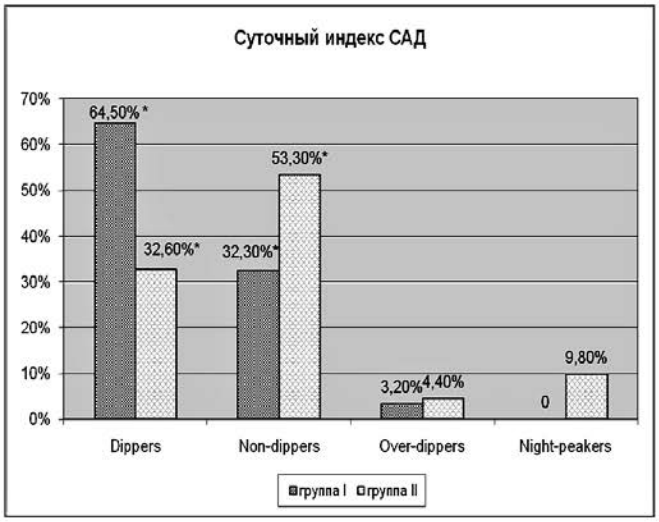


Рис. 1. Показатели СИ САД в группах I и II

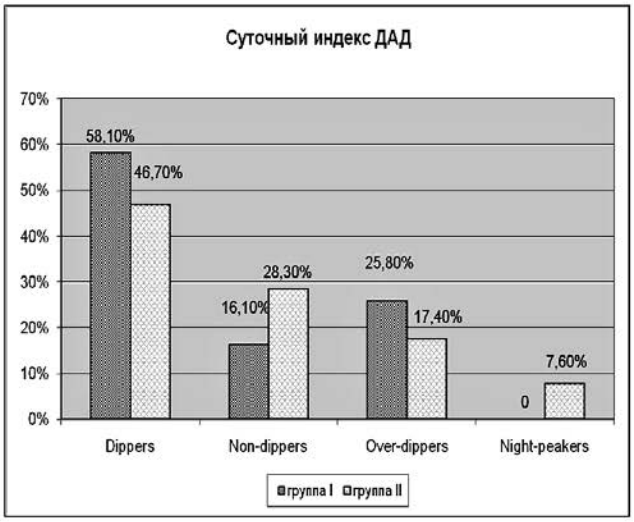


Рис. 2. Показатели СИ ДАД в группах I и II

Таблица 3

Показатели СМАД в подгруппах IA и IБ

Показатель		Подгруппа IA	Подгруппа IБ	p
Среднесуточное, мм рт. ст.	САД	105,8 ± 8,6	113 ± 7,6	0,014
	ДАД	69,3 ± 5	73,7 ± 6,2	0,056
Среднедневное, мм рт. ст.	САД	110,2 ± 8,6	116,4 ± 7,9	0,059
	ДАД	73,7 ± 5,9	77,9 ± 6,9	0,17
Средненочное, мм рт. ст.	САД	96,8 ± 9,7	105,9 ± 9,1	0,015
	ДАД	60,8 ± 5,1	65,5 ± 6,6	0,059
Вариабельность САД, мм рт. ст.	День	12,1 ± 2,9	14 [12; 16]	0,10
	Ночь	10 ± 3,8	14,5 [12; 15]	0,04
Вариабельность ДАД, мм рт. ст.	День	11,6 ± 2,5	12,5 [10; 14]	0,69
	Ночь	9,1 ± 2,5	12 [10; 12]	0,21
Индекс времени САД, %	Сутки	3,1 [2,3; 7,5]	7 [2,8; 14,2]	0,27
	День	3,2 [0; 4,2]	5,3 [0; 9,1]	0,28
	Ночь	0 [0; 0]	12,5 [0; 16,7]	0,05
Индекс времени ДАД, %	Сутки	13,9 ± 8,7	20,2 ± 12,2	0,14
	День	3,6 [0; 8,3]	3,7 [0; 21,7]	0,39
	Ночь	0 [0; 0]	6,2 [0; 12,5]	0,018
Суточный индекс, %	САД	12,2 ± 5,7	9,1 ± 4,8	0,07
	ДАД	17,3 ± 5,7	15,6 ± 6,1	0,29
Скорость утреннего подъема, мм рт. ст./ч	САД	7,8 [6; 12]	12 [10; 16]	0,018
	ДАД	6,9 [6; 9]	9 [8; 14]	0,02

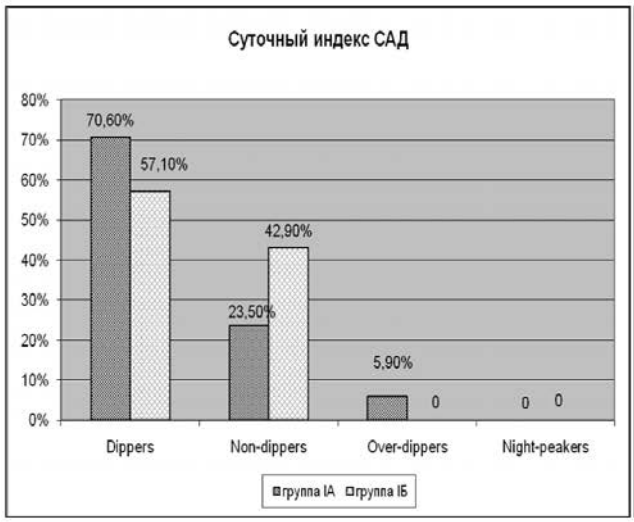


Рис. 3. Показатели СИ САД в подгруппе IA

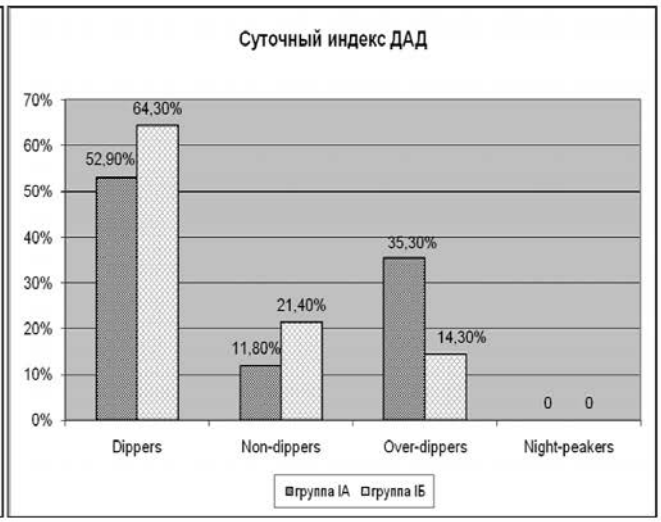


Рис. 4. Показатели СИ ДАД в подгруппе IБ

СИ САД (см. рис. 3), соответствующий категории dippers, составил 70,6 % в подгруппе IA, что было в 1,2 раза чаще по сравнению с подгруппой IБ, где СИ САД – 57,1 %. Напротив, патологический СИ САД, соответствующий категории non-dippers, составил в подгруппе IA 23,5 %, что было в 1,8 раза реже по сравнению с подгруппой IБ, где СИ САД – 42,9 %. СИ САД, соответствующий категории over-dippers, выявлен только в подгруппе IA и составил 5,9 %. Характер распределения СИ ДАД (см. рис. 4) по категории dippers и non-dippers в обследуемых группах не отличался. СИ ДАД, соответствующий категории over-dippers, составил 35,36 % в подгруппе IA, что было в 2,5 раза чаще по сравнению с подгруппой IБ, где СИ ДАД составил 14,3 %. В обследуемых группах не выявлен патологический СИ, соответствующий категории night-peakers.

Таким образом, сравнение суточного профиля АД у женщин без АГ при сохраненной менструальной функции и после менопаузы показывает, что в постменопаузе суточный профиль АД характеризуется достоверно более высокими значениями вариабельности САД ночью, достоверно более высокими значениями среднесуточного и средненочного уровней САД. Обследуемые подгруппы IБ имеют достоверно более высокую величину СУП САД и ДАД, ИВ САД и ДАД ночью. Выявленная тенденция косвенно свидетельствует об изменении суточного ритма и повышении АД в ночные часы у женщин с наступлением менопаузы.

Выводы:

1. По данным СМАД, у женщин с АГ II до менопаузы и в раннем постменопаузальном периоде наблюдаются нарушения суточного ритма АД, характеризующиеся недостаточной степенью ночного снижения АД, повышенной вариабельностью САД и ДАД в дневное и ночное время, повышенной СУП САД и ДАД.

2. Для суточного профиля АД у женщин в раннем постменопаузальном периоде без АГ характерны увеличение вариабельности САД ночью, повышение СУП АД и более высокие значения среднесуточного и средненочного уровней САД.

3. У женщин до менопаузы и в раннем постменопаузальном периоде целесообразно проводить СМАД для раннего выявления нарушений суточного ритма АД, вариабельности, показателей нагрузки давлением, повышения СУП АД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Европейские рекомендации по лечению АГ 2013 // Ассоциация терапевтов Иркутской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://atio-irk.ru/evropeieskie-rekomendacii-po-lecheniyu-arterialnoie-gipertonii-2013.html./Дата доступа: 02.10.2013.

2. Караченцев А.Н., Сергеев П.В. Вазоактивные эффекты половых гормонов // Проблемы эндокринологии. 1999; 43: 45–53.

3. Кисляк О.А. Артериальная гипертензия у женщин в постменопаузальном периоде // Кардиология. 2007; 11: 29–31.

4. Климакс у женщин – лечение климакса // НИИ урологии и гинекологии «Эдис Мед Ко» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aliansgyneco.ru/index.php?item=113. Дата доступа: 02.10.2013.

5. Люсов В.А., Евсиков Е.М., Рудаков А.В. Роль нарушений баланса половых гормонов и гонадотропинов в развитии и течении эссенциальной гипертензии у женщин // Рос. мед. журн. 1999; 3: 5–9.

6. Диагностика, лечение и профилактика артериальной гипертензии: Нац. рекомендации. Минск, 2010. 52 с.

7. Окороков А.Н. Диагностика болезней внутренних органов. Т. 7. Диагностика болезней сердца и сосудов. М., 2008. 416 с.

8. Поворознюк В.В., Григорьева Н.В. Менопауза и костно-мышечная система. Киев, 2004. 512 с.

9. Приленская, В.П. Перименопауза и гормональная контрацепция // Науч.-информ. спец. мед. журн. 2001; 3: 27–30.

10. Скорнякова М.Н. Клинические лекции по гинекологической эндокринологии: рук. по климактерию. М., 2002.

11. Сметник В.П. Менопауза и сердечно-сосудистая система // Терапевт. архив. 1999; 71 (10): 61–65.

12. Сметник В.П., Кулакова В.И. Руководство по климактерию. М., 2002.

13. Современные возможности эффективного контроля артериального давления в клинической практике: практ. рук. для врачей / О.С. Павлова [и др.]. Минск, 2010. 24 с.

14. Sex honmones and hypertension / R.K. Dubey [et al.] // Cardiovasc. Res. 2002; 53: 688–708.

15. Can menopause be considered an indepen-dentrisk factor for cardiovascular disease? / G. Mercuro [et al.] // Ital. Heart J. 2001; 2 (10): 719–727.

16. Rosenthal T., Oparil S. Hypertension in women // J. Hum. Hypertens. 2000; 14 (10–11): 691–704.

17. Prognostic significance of visit-to-visit variability, maximum systolic blood pressure, and episodic hypertension / P.M. Rothwell [et al.] // Lancet. 2010; 375: 895–905.

18. Rothwell P.M., Webb A.J.S. Effect of dose and combination of antihypertensives on interindividual blood pressure variability: A systematic review // Stroke. 2011; 42: 2860–2865.

19. The epidemiology of menopause and its association with cardiovascular disease / J.A. Staessen [et al.] // Hypertension and other cardiovascular risk factors after the menopause / F. Messerli (ed). New York, Marsel Dekker Inc.,1995. P. 43–78.

20. Lancet. 2001; 358: 1682–1686.

Поступила 11.10.2013

ВИСЦЕРАЛЬНЫЕ ПОРАЖЕНИЯ И ИСХОДЫ ИНФЕКЦИОННОГО ЭНДОКАРДИТА У ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ИНЪЕКЦИОННЫХ НАРКОТИКОВ

Е.Ю. Пономарева, А.А. Рощина, А.П. Ребров

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского

Изучены особенности клинического течения, висцеральные поражения и исходы у больных с достоверным инфекционным эндокардитом, употребляющих наркотики внутривенно на протяжении от 2 до 15 лет. Установлено, что среди употребляющих наркотики пациентов достоверно чаще выявлялись острое течение инфекционного эндокардита, выделение золотистого стафилококка в качестве возбудителя, трикуспидальная локализация, поражение легких, почек. Подробно охарактеризованы клинические аспекты поражения почек и легких. Описаны ближайшие и отдаленные исходы заболевания, причины летальных исходов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

инфекционный эндокардит,
наркотики,
висцеральные поражения

KEY WORDS

infectious endocarditis,
drugs,
visceral lesions

The peculiarities of the clinical course, visceral lesions, and outcomes of patients with a significant infective endocarditis, intravenously drug users for between 2 to 15 years. Found that among drug-using patients was significantly more prevalent during the acute infective endocarditis, the allocation of Staphylococcus aureus as the causative agent, tricuspid localization, lung, kidney. The clinical aspects of renal disease and lung cancer characterized in detail. The immediate and long-term outcomes of the disease, the causes of deaths are described.

Инфекционный эндокардит (ИЭ), развивающийся у потребителей инъекционных наркотиков (ПИН), обнаруживает тенденцию к росту, особенно в последние два-три десятилетия [2, 4–7, 19]. Это обусловлено в первую очередь ростом наркозависимости, превращения этого явления в серьезную медико-социальную проблему современности, особенно среди пациентов молодого возраста [6, 7, 9]. Риск развития ИЭ возрастает пропорционально длительности употребления наркотических препаратов [7]. Частые внутривенные инъекции в нестерильных условиях приводят к повторным эпизодам массивной бактериемии – необходимого фактора для развития ИЭ. Факторами, повреждающими клапанный и пристеночный эндокард, у ПИН являются мельчайшие воздушные пузырьки при частых внутривенных инъекциях, твердые частицы наркотика и веществ для его фильтрации [9, 17]. Особенности этой разновидности ИЭ – преимущественно нестрептококковая этиология (стафилококки, грибы, бактериальные и бактериально-грибковые ассоциации), трикуспидальная локализация, коморбидность (сочетание с вирусными гепатитами В и С, ВИЧ-инфекцией), высокая частота поражения легких вследствие рецидивирующих эмболий легочной артерии [6, 7, 9, 14, 16, 17]. Недостаточно изученными остаются другие внесердечные проявления, исходы заболевания, особенности гемодинамики при ИЭ у ПИН. Следует отметить сложности диагностики и лечения ИЭ у этой категории больных, обусловленные поздней обращаемостью за медицинской помощью, низкой приверженностью к лечению (невнимательное отношение к своему здоровью, низкая приверженность к лечению, социальная дезадаптация). Противоречивы данные об исходах заболевания у ПИН. Исследователи проблемы констатируют, с одной стороны, относительно низкую госпитальную летальность [14], с другой – тяжесть инфекционного процесса, значительную частоту рецидивов ИЭ у инъекционных наркоманов [9,16]. Неблагоприятным прогностическим фактором является левосторонняя локализация ИЭ у ПИН [6,7].

Цель настоящей работы – изучение особенностей течения, клапанного и висцеральных поражений и исходов стационарного лечения инфекционного эндокардита у пациентов, употребляющих наркотики внутривенно.

Материал и методы. Обследовано 44 пациента – потребителя инъекционных наркотиков с достоверным инфекционным эндокардитом, госпитализированных в областную клиническую больницу г. Саратова: 38 мужчин, 6 женщин, в возрасте от 19 лет до 41 года; медиана возраста 31 год (28–36). Диагноз ИЭ установлен с использованием модифицированных DUKE-критериев [14]. Всем пациентам, помимо общеклинического обследования (общий анализ крови, мочи, биохимическое исследование с определением протеинов, холестерина, глюкозы, билирубина, креатинина, аланиламинотрансферазы, аспартатаминотрансферазы, креатинфосфокиназы и т. п.), проведены бактериологическое исследование крови, трансторакальная ЭхоКГ (аппарат Acuson 128 XP/10; в М-модальном и двухмерном (В) режимах, а также

в режимах импульсной и постоянно-волновой допплерографии в стандартных ЭхоКГ-позициях). Для оценки выраженности системного воспаления исследовали уровень циркулирующих иммунных комплексов (ЦИК) методом преципитации полиэтиленгликолем по Digeon, С-реактивного протеина количественным высокочувствительным методом. Скорость клубочковой фильтрации рассчитывали по формуле MDRD (Chronic Kidney Disease in Adults: UK Guidelines for Identification, Management and Referral, 2004). При наличии респираторных симптомов и признаков поражения легких проводили пульсоксиметрию с определением сатурации гемоглобина кислородом ($SatO_2$).

Состояние центральной гемодинамики оценивалось по параметрам ЭхоКГ. Определялись конечные диастолические и систолические размеры и объемы обоих желудочков, предсердий, фракция выброса по формуле Тейхольца [20], систолическое давление в легочной артерии (СДЛА – по систолическому градиенту давления между правым желудочком и правым предсердием с учетом давления в правом предсердии [11]), индекс массы миокарда левого желудочка (ИММЛЖ, масса миокарда левого желудочка, рассчитанная по формуле R.B. Devereux [15], индексировалась к площади поверхности тела, рассчитанной по формуле D. Du Bois [13]). При ИММЛЖ более 134 г/м^2 для мужчин и более 110 г/м^2 для женщин констатировалась гипертрофия левого желудочка.

Геометрические модели левого желудочка оценивались на основании определения ИММЛЖ и относительной толщины стенки (ОТС) миокарда левого желудочка, рассчитанной как отношение суммы толщины миокарда задней стенки левого желудочка (ЗСЛЖ) и межжелудочковой перегородки к конечному диастолическому размеру левого желудочка (КДРЛЖ) [12]. Наряду с нормальной геометрией ЛЖ (нормальный ИММЛЖ, ОТС менее 0,45), анализировались типы ремоделирования, соответствующие концентрической гипертрофии, эксцентрической гипертрофии, концентрического ремоделирования [12]. Сравнение некоторых результатов проведено с сопоставимой по возрасту группой пациентов с ИЭ левосторонней локализации, не употреблявших наркотики (43 пациента: 31 мужчина, 12 женщин, средний возраст 36,3 ± 6,7 года).

Статистическая обработка осуществлялась с использованием пакета программ Statistica 6.0 (StatSoft Ins, США). Результаты представлены в виде M ± õ (где M – среднее значение признака, õ – стандартное отклонение), или Med; 25 %–75 % (медиана; 25 %–75 % процентили при распределении, отличном от нормального). Для оценки различий частоты признака в группах применялся критерий Пирсона χ^2. Для оценки связей использован непараметрический корреляционный анализ по Спирмену. Статистически значимыми считались различия при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение. ***Характеристика течения заболевания у обследованных пациентов, поражения клапанов, миокарда, центральной гемодинамики.*** Длительность употребления наркотиков (внутривенное введение героина, дезоморфина) у обследованных пациентов до развития ИЭ составила от 2 до 15 лет (медиана 5,6 года). Некоторые характеристики течения ИЭ, локализации клапанных и висцеральных поражений у обследованных пациентов представлены в табл. 1. Острое течение ИЭ отмечено у 17 (39 %) пациентов, подострое – у 27 (61 %). Из сопутствующих заболеваний у 43 (98 %) лиц выявлен хронический гепатит С, у 11 (25 %) определялись антитела к ВИЧ. Следует отметить преимущественно позднюю госпитализацию пациентов (медиана срока от начала лихорадки до госпитализации 30; 16–65 дней). 15 больных (34 %) первоначально отрицали факт употребления наркотических веществ. Поздняя госпитализация этих пациентов отчасти объясняется невниманием к своему здоровью, некритичным отношением и неспособностью адекватной оценки своего состояния. Однако у больных группы сравнения в связи с преобладанием подострого течения и меньшей остротой клинических проявлений на начальном этапе болезни сроки обращения за медицинской помощью и госпитализации в областной стационар оказались еще более поздними (56; 23–90; $p < 0,05$).

У 42 (95,5 %) из 44 пациентов отмечена трикуспидальная локализация ИЭ: у 35 (79,5 %) изолированное поражение трехстворчатого клапана, у 4 (11 %) – в сочетании с поражением аортального клапана, у 2 – с поражением пристеночного эндокарда, у 1 – с локализацией на клапане легочной артерии. У 2 пациентов (4,5 %) отмечена левосторонняя локализация ИЭ: изолированное поражение аортального клапана (1 пациент) и сочетанная митрально-аортальная локализация (1 больной). У всех обследованных ПИН первоначально ИЭ развился на ранее неизмененных сердечных клапанах, т. е. может быть отнесен к первичному клинико-морфологическому варианту. Первоначальным диагнозом у большинства ПИН была пневмония (25 больных), лихорадка неясного генеза (7), менингоэнцефалит (2). У 8 больных экстренная госпитализация была осуществлена по поводу передозировки наркотических веществ. Лишь у 2 пациентов в направительном диагнозе фигурировали сепсис или инфекционный эндокардит.

В связи с поздней госпитализацией в областной стационар и назначенной на более ранних этапах лечения антибактериальной терапией позитивная гемокультура определялась только у 26 (59 %) больных основной группы и у 17 (40 %) – группы сравнения. Преобладающим возбудителем у пациентов ПИН оказался *Staphylococcus aureus* (23 больных, 88 %), среди прочих инфекционных агентов выделены *Klebsiella pneumoniae, E. coli* и *Pseudomonas aeruginosa* (по одному пациенту). *Staphylococcus aureus* выделен также из крови 9 (53 %) больных группы сравнения (табл. 1). Частота выделения золотистого стафилококка в качестве возбудителя ИЭ у внутривенных наркоманов оказалась достоверно большей ($p < 0,05$), что соответ-

Таблица 1

Частота клинических проявлений при инфекционном эндокардите у ПИН и у лиц, не употребляющих наркотики

Характеристика	ИЭ ПИН (n = 44), кол-во больных (%)	Группа сравнения (n = 43), кол-во больных (%)	Частотный критерий Пирсона (χ^2)	p
Острое течение	**17 (39)**	**6 (14)**	**6,81**	**0,0091**
Подострое течение	**27 (61)**	**37 (86)**	**6,81**	**0,0091**
Первичный ИЭ	**44 (100)**	**19 (44)**	**24,9**	**< 0,0001**
Вторичный ИЭ	**0**	**24 (56)**	**24,9**	**< 0,0001**
Стафилококковая этиология*	**23 (88)**	**9 (53)**	**6,81**	**< 0,05**
ТК-локализация	**42 (95,5)**	**3 (6,9)**	**68,3**	**< 0,0001**
Аортальная локализация	**4 (9)**	**15 (35)**	**8,48**	**0,0036**
Митральная локализация	**1 (2,3)**	**28 (65)**	**31,7**	**< 0,0001**
Сочетанное поражение клапанов	**4 (9)**	**7 (16)**	**1,02**	**0,3**
Диффузный миокардит	**8 (18)**	**6 (14)**	**0,1**	**0,7**
Поражение легких	**41 (93)**	**7 (16)**	**45,6**	**< 0,0001**
Диффузный гломерулонефрит	**20 (45,5)**	**10 (23)**	**4,74**	**0,029**
Мочевой синдром	19 (43)	13 (30)	1,57	0,2
Кожный геморрагический васкулит	**22(50)**	**7 (16)**	**11,1**	**< 0,001**
Летальный исход в стационаре	5(11,4)	3 (7)	0,5	0,5

Примечание. Шрифтом выделены параметры, демонстрирующие статистически значимые различия между группами.
*Частота выделения *Staphylococcus aureus* оценена среди больных с положительной гемокультурой: 26 пациентов основной группы и 17 – группы сравнения.

ствует данным, полученным другими исследователями [6, 9, 16, 17].

Среди потребителей инъекционных наркотиков у 15 (34 %) больных диагностированы внутрисердечные абсцессы, у 12 (27 %) – деструкции/перфорации створок, отрывы хорд. Подобные изменения чаще встречаются при ИЭ, вызванном золотистым стафилококком [18]. Инструментальные признаки поражения миокарда без клинических проявлений (например, ЭКГ-нарушения проводимости, реполяризации) отмечены у 15 (34 %) пациентов, еще у 8 (18 %) диагностирован диффузный миокардит со снижением фракции выброса, нарушениями сердечного ритма и/или проводимости, повышением кардиоспецифических ферментов (МВ-фракции креатинфосфокиназы). Нарушения ритма в виде желудочковой и суправентрикулярной экстрасистолии, пароксизмальных фибрилляции и трепетания предсердий, суправентрикулярной тахикардии зафиксированы у 12 (27 %) больных ИЭ ПИН. Значимых различий между группами по частоте встречаемости аритмий не отмечено.

В 52,2 % случаев ИЭ ПИН наблюдались признаки поражения перикарда, диагностируемые только по данным ЭхоКГ и не имевшие клинического значения (за исключением одного пациента с острым стафилококковым ИЭ и развитием эмпиемы перикарда).

Значения некоторых параметров ЭхоКГ у пациентов основной группы и группы сравнения представлены в табл. 2. Выявленные значимые различия линейных размеров полостей сердца и массы миокарда отражают различную локализацию клапанного поражения у ПИН и пациентов, не употребляющих наркотики. Геометрическая модель ЛЖ у 35 пациентов ПИН с изолированной трикуспидальной локализацией ИЭ при анализе параметров ЭхоКГ соответствовала норме: индекс массы миокарда ЛЖ 95,82 ± 11,46, относительная толщина стенки (ОТС) ЛЖ 0,38 ± 0,07. Изменения правого желудочка (ПЖ) можно охарактеризовать как умеренную дилатацию (конечный диастолический размер 3,2 ± 0,6 см), отмечалось также достоверное преобладание линейных размеров правого предсердия над левым (диастолические размеры соответственно 4,46 ± 0,6 и 3,9 ± 0,27 см, $p < 0,01$).

При сочетанном поражении ТК и аортального клапана (4 пациента) геометрическая модель ЛЖ соответствовала норме у 2 пациентов и эксцентрической гипертрофии (увеличение КДРЛЖ при нормальной величине ОТС) – у 2. Подобный тип изменений характерен для гемодинамической перегрузки объемом, закономерно развивающейся при аортальной недостаточности [12]. Как отмечают ряд авторов, левосторонняя локализация ИЭ у ПИН является прогностически неблагоприятным фактором [6, 7], в том числе,

Таблица 2

Параметры центральной гемодинамики у больных инфекционным эндокардитом

Параметр	ИЭ ПИН (n = 44), M ± SD (Med; 25 %–75 % ps)	ИЭ не ПИН (n = 43), M ± SD(Med; 25 %–75 % ps)	p
СДЛА, мм рт. ст.	47,8 ± 10	49,8 ± 11	> 0,1
Фракция выброса, %	61 ± 6,1	58,3 ± 7	> 0,1
Масса миокарда ЛЖ, г	179; 162–206	331; 282–360	< 0,1
Индекс массы миокарда ЛЖ	**105 ± 22,7**	**166 ± 45**	**< 0,025**
Конечный диастолический размер ЛЖ, см	**5,1 ± 0,6**	**6,2 ± 0,9**	**< 0,001**
Конечный систолический размер ЛЖ, см	**3,48 ± 0,5**	**4,5 ± 1**	**< 0,01**
Толщина задней стенки ЛЖ, см	0,99 ± 0,09	1,0 ± 0,13	> 0,1
Диастолический размер левого предсердия, см	**3,9 ± 0,27**	**4,6 ± 0,4**	**< 0,001**
Диастолический размер правого предсердия, см	4,46 ± 0,6	4,2 ± 0,7	> 0,1
Конечный диастолический размер ПЖ, см	**3,2 ± 0,6**	**2,8 ± 0,4**	**< 0,05**
Передняя стенка ПЖ, см	0,48 ± 0,05	0,53 ± 0,05	< 0,1

вероятно, вследствие гемодинамических изменений: дилатации левого желудочка, нарушения его геометрии, способствующих развитию и прогрессированию недостаточности кровообращения.

Легочная гипертензия (ЛГ) диагностирована по результатам ЭхоКГ у всех пациентов обеих групп (систолическое давление в легочной артерии СДЛА 47,94 ± ± 9,4 мм рт. ст.; градиент трикуспидального потока 35; 31–43). У 26 больных ИЭ ПИН повышение СДЛА соответствовало I степени ЛГ (СДЛА от 30 до 50 мм рт. ст.), у 18 больных – II степени (СДЛА более 50 мм рт. ст.). Отмечены взаимосвязи между значением СДЛА, размерами полостей ПЖ и ПП и продолжительностью лихорадки у обследованных пациентов ($r = 0,53$, $p < 0,05$; $r = 0,85$, $p < 0,001$; $r = 0,59$, $p < 0,01$ соответственно). Это может отражать повреждающее воздействие активной бактериальной инфекции и воспаления на миокард и клапанные структуры, а возможно, и эндотелий легочных сосудов. Данные литературы свидетельствуют о закономерном развитии ЛГ при различных нарушениях внутрисердечной гемодинамики [11]. Очевидно, в формировании легочной гипертензии у пациентов с ИЭ, помимо гемодинамических факторов, играют определенную роль действие микробных токсинов, медиаторов воспаления, иммунных комплексов и т. п., что требует дальнейшего изучения. Нельзя не отметить и значение поражения легких в генезе легочной гипертензии при ИЭ у ПИН.

Клинически значимые висцеральные поражения установлены у большинства обследованных пациентов. Среди висцеропатий при ИЭ ПИН особого внимания заслуживают поражение легких и почек.

Поражение легких справедливо считается характерным для ИЭ с поражением правых отделов сердца у ПИН. Чаще всего это обусловлено рецидивирующими тромбоэмболиями мелких ветвей *a. pulmonalis* при трикуспидальной локализации микробных вегетаций [4–7]. Возможно также при остром течении ИЭ, вызванном высоковирулентной микробной флорой, развитие стафилококковой септической пневмонии [6]. У пациентов с правосторонним ИЭ в сочетании с ВИЧ/СПИДом поражение легких обусловлено развитием разнообразных оппортунистических инфекций [5,16]. По нашим наблюдениям, частота поражения легких при ИЭ у ПИН составила 93 % (у 41 из 44 пациентов). «Респираторные» симптомы (кашель, одышка, кровохарканье) различной выраженности отмечались в дебюте заболевания у 80 % пациентов основной группы. Данные физикального исследования, как правило, были скудными и не позволяли отчетливо локализовать изменения в легочной паренхиме. При рентгенографии у большинства ПИН (28; 64 %) выявлено двустороннее полисегментарное инфильтративное поражение. Диссеминированный и/или полисегментарный характер поражения легких выявлен у 13 (23,5 %) больных, в том числе у 3 пациентов с ВИЧ/СПИДом. Данных о туберкулезе ни у одного пациента не выявлено. В группе пациентов с диссеминированным поражением легких отмечена большая выраженность легочной гипертензии, чем у больных с инфильтративным легочным поражением (59,9 ± 7,1 и 43 ± 7,6 мм рт. ст., $p < 0,005$). Статистически значимым определено различие в значении СДЛА у пациентов с разными размерами вегетаций на трикуспидальном клапане: у больных с вегетациями более

1 см СДЛА составила 57,2 ± 8,1 мм рт. ст., а у пациентов с вегетациями менее 1 см – 45,5 ± 10,7 мм рт. ст., p < 0,05). Дыхательная недостаточность со снижением сатурации гемоглобина кислородом менее 95 % по данным пульсоксиметрии выявлена у 8 (18 %) пациентов – все они госпитализированы экстренно, с симптомами острой дыхательной недостаточности. Наличие и выраженность нарушений кислородного обеспечения оказались значимо выше у 23 пациентов со стафилококковым ИЭ ($SatO_2$ 90,38 ± 8,6 % и 96,17 ± 3,4 % у остальных пациентов, p < 0,01). У 4 больных с диссеминированным поражением проведена компьютерная томография легких высокого разрешения, выявившая не только множественные очаговые тени, но и деструктивные изменения с большей очевидностью, чем при плоскостной рентгенографии легких (рис. 1).

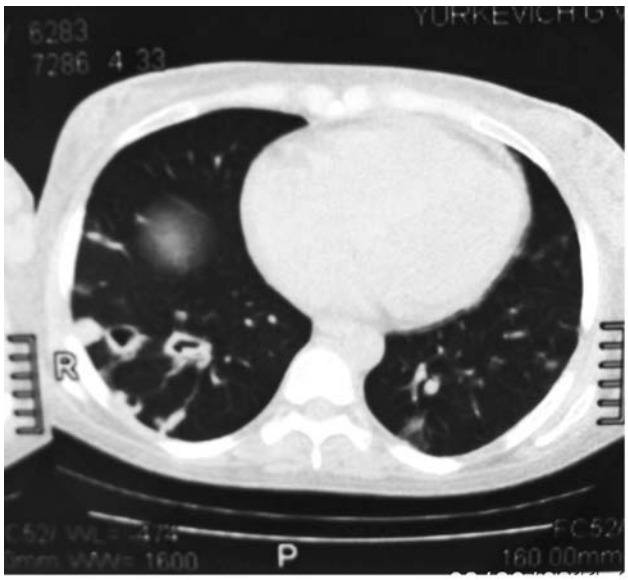


Рис. 1. Больная Ю., 16 лет, стаж героиновой наркомании 3 года. Острый инфекционный эндокардит трикуспидального клапана, вызванный золотистым стафилококком. КТ легких: множественные инфаркты, полости деструкции

Поражение почек отмечено у 39 (88,6 %) пациентов среди ПИН и 23 (53 %) – в группе сравнения (χ^2 = 13, p = 0,0003). При этом у 20 больных выявлен изолированный мочевой синдром (незначительная протеинурия, оцениваемая по суточной потере белка, микрогематурия) без клинических проявлений и азотемии. Следует отметить, что у пациентов основной группы и группы сравнения частота мочевого синдрома в целом несущественно отличается (p > 0,05), однако установлены отличия в его компонентах (рис. 2 и 3). У пациентов с ИЭ ПИН по сравнению с больными ИЭ, не употреблявшими наркотики, достоверно чаще выявлялись гематурия (68 и 35 % соответственно; χ^2 = 9,66; p = 0,0019) и протеинурия (88,6 % и 53 % соответственно; χ^2 = 13; p = 0,0003). Нефротический синдром (НС) (массивная протеинурия, гипоальбуминемия и гипопротеинемия, отеки) наблюдался у 10 больных ИЭ ПИН. Гиперхолестеринемия – один из обязательных атрибутов НС при гломерулонефритах – у больных ИЭ обеих групп не наблюдалась. Уровень холестерина у обследуемых пациентов основной группы составил 3,4 ± 0,77 ммоль/л, пациентов группы сравнения – 4,18 ± 0,6 ммоль/л (p < 0,001). Отмечена умеренная взаимосвязь между уровнем ЦИК и суточной протеинурией (r = 0,42; p = 0,04), что подтверждает роль иммунокомплексного повреждения почечных клубочков в генезе нефропатий при ИЭ [1, 10]. Снижение скорости клубочковой фильтрации (СКФ) отмечено в разгар заболевания у 18 (40 %) пациентов основной группы, из них у 7 (16 %) – значительное (менее 30 мл/мин). В большинстве случаев снижение СКФ носило обратимый характер и явилось результатом сочетанного действия нескольких факторов (гемодинамических нарушений вследствие системной гипотензии, собственно нефропатии, нефротоксичности применяемых в терапии антибактериальных препаратов – аминогликозидов, ванкомицина). Установлены значимые взаимосвязи между СКФ и выраженностью протеинурии (r = –0,59; p < 0,0001), гематурии (r = –0,44; p = 0,0062), что свидетельствует о ведущем вкладе нефропатии в развитие функциональных нарушений у больных ИЭ ПИН. Поражение почек с высокой частотой развивается при ИЭ любой локализации и варианта течения [1, 10]. Системное воспаление, индуцированное бактериальной инфекцией, является не единственной причиной поражения почек при ИЭ у ПИН. В генезе нефропатии у этих пациентов следует учесть также возможность развития гломерулонефрита, ассоциированного с HCV-гепатитом, героиновую нефропатию. Вероятно, это, наряду с высокой активностью бактериальной инфекции и системного воспаления, объясняет большую частоту поражения почек при ИЭ ПИН по сравнению с больными ИЭ, не употребляющими наркотики [10]. Полного восстановления СКФ к моменту выписки из стационара не произошло у 5 (11,4%) пациентов с благополучным исходом стационарного лечения.

Гепато- и спленомегалия встречались у всех больных основной группы, однако указанные изменения органов связаны не только с ИЭ, но и с хроническим вирусным гепатитом, диагностированным у всех обследованных нами инъекционных наркоманов.

Достоверно чаще среди ИЭ ПИН отмечен кожный геморрагический васкулит (ГВ) (p < 0,001), наличие которого при ИЭ характеризует интенсивность сосудистой воспалительной реакции, состояние проницаемости, а у внутривенных наркоманов ГВ может быть обусловлен токсическим и вирусным поражением печени.

Характеристика некоторых лабораторных показателей представлена в табл. 3. Значимые различия в уровне суточной протеинурии (p < 0,05) у больных основной группы и группы сравнения отражают большую выраженность поражения почек у пациентов с ИЭ ПИН. Более отчетливое снижение сывороточно-

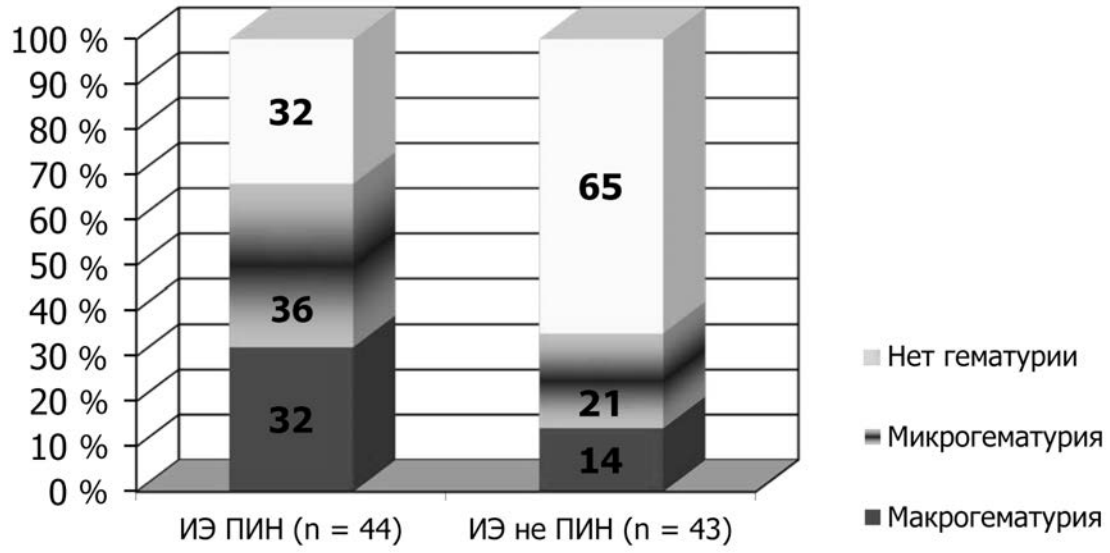


Рис. 2. Частота (%) и выраженность гематурии у больных инфекционным эндокардитом

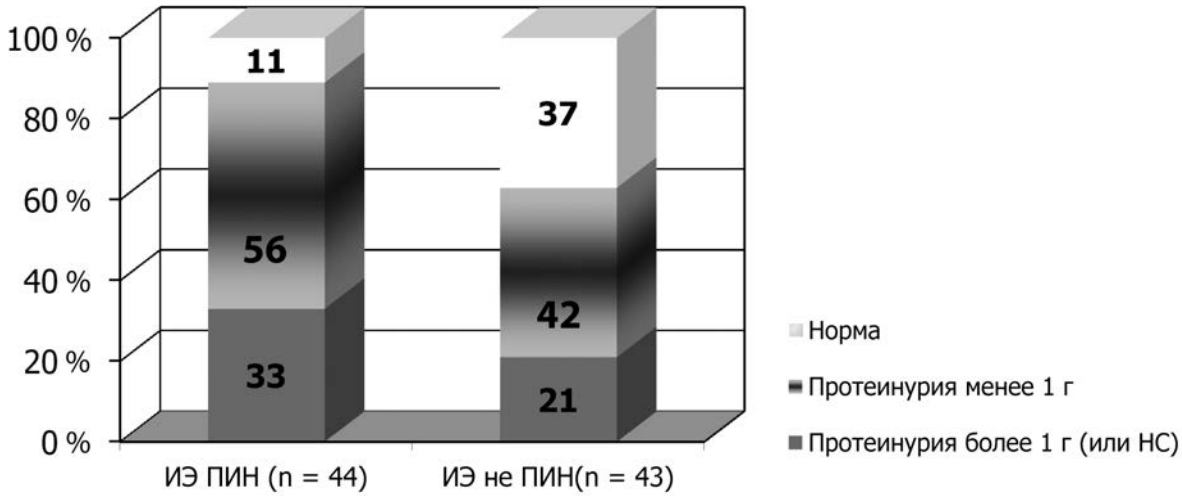


Рис. 3. Частота (%) и выраженность протеинурии у больных инфекционным эндокардитом

Таблица 3

Клинико-биохимические параметры у больных инфекционным эндокардитом внутривенных наркоманов и не употребляющих наркотики (результаты теста Манна-Уитни)

Параметр	ИЭ ПИН (n = 44), Med	ИЭ не ПИН (n = 43), Med	U	Z	p
Суточная протеинурия, г	**1,63**	**0,67**	**991,5**	**–3,02**	**0,0025**
Альбумин крови, г/л	**27,5**	**34**	**580**	**4,86**	**< 0,0001**
Холестерин крови, г/л	**3,4**	**4,18**	**379**	**3,96**	**< 0,0001**
Креатинин крови, мкг/л	136,3	125,8	1337	–0,9	0,36
С-реактивный протеин, мг/л (норма до 5 мг/л)	**82,5**	**51**	**781**	**–2,74**	**0,005**
Лейкоциты крови, тыс. в 1 мл	**11,3**	**9,9**	**1303**	**–2,2**	**0,031**
ЦИК крови, Ед	97,5	95	790,5	–0,12	0,89

го альбумина и холестерина у пациентов основной группы обусловлено поражением печени не только вследствие ИЭ, но, вероятно, и сопутствующего вирусного гепатита, присущего инъекционным наркоманам. В группе больных ИЭ ПИН сывороточный С-реактивный протеин оказался значимо выше, чем у пациентов группы сравнения ($p < 0,05$), что характеризует большую выраженность системного воспаления у этих больных. По данным литературы, уровень СРБ является надежным критерием степени активности инфекционного эндокардита [3].

Результаты стационарного лечения, исходы заболевания. Из 44 пациентов находятся под наблюдением не менее 2 лет 16, а 8 пациентов – свыше 5 лет. Полное излечение клапанной инфекции без заметных гемодинамических последствий и рецидивов констатировано у 3. Рецидивы ИЭ у ПИН за весь период наблюдения отмечены у 7 (16 %) лиц, из них у 4 – в течение года после первого эпизода клапанной инфекции.

Антибактериальная терапия проводилась всем пациентам в соответствии с принципами, сформулированными в рекомендациях Европейского кардиологического общества [14], в национальных руководствах по антибактериальной терапии ИЭ [2, 8]. Хирургическое лечение проведено 5 (11 %) пациентам с ИЭ ПИН, всем – в остром периоде и при наличии показаний: рецидивирующих эмболий легочной артерии, неэффективности антибактериальной терапии более 2 недель, некорригируемой недостаточности кровообращения. У 2 пациентов после операции протезирования аортального и трикуспидального клапана и последующей антибактериальной терапии наступило полное выздоровление (в настоящее время оба не употребляют наркотики, трудоспособны). У 2 других пациентов возникли ранние рецидивы ИЭ в течение первых 3 месяцев после операции. В одном случае рецидив ИЭ был спровоцирован повторным внутривенным ведением героина, из крови высеян золотистый стафилококк, чувствительный к оксациллину. Через месяц течение ИЭ протезированного клапана осложнилось отрывом механической части протеза, эмпиемой перикарда и летальным исходом (клиническое наблюдение опубликовано [4]). У другого пациента было выполнено клапансохраняющее оперативное вмешательство на трикуспидальном клапане; эпизод повторной клапанной инфекции излечен консервативно, однако дальнейший прогноз представляется сомнительным из-за сохраняющегося пристрастия к употреблению наркотиков. Еще у одного больного с левосторонней локализацией ИЭ и протезированием митрального и аортального клапанов через 3 года развился поздний ИЭ протезированных клапанов стафилококковой этиологии (MRSA) с неэффективностью антибактериальной терапии линезолидом. К сожалению, запланированного повторного кардиохирургического вмешательства выполнить не удалось: наступил летальный исход от эмболии сосудов мозга с развитием инсульта.

Среди обследованных пациентов с ИЭ ПИН отмечено 6 летальных исходов. Помимо указанных выше 2 летальных исходов пациентов, перенесших кардиохирургическое вмешательство, еще один больной 29 лет с острым течением ИЭ, вызванным *Staphylococcus aureus,* умер от прогрессирующей недостаточности кровообращения и рецидивирующей тромбоэмболии легочной артерии; запланированное кардиохирургическое вмешательство не осуществилось. Смерть четвертого пациента (ИЭ на фоне ВИЧ/СПИДа) наступила от острой дыхательной недостаточности и гипоксического отека мозга на фоне пневмоцистной пневмонии. В этом случае причиной смерти можно считать не ИЭ, а другую оппортунистическую инфекцию у больного с ВИЧ/СПИДом, так как бактериальное поражение трехстворчатого клапана не сыграло в танатогенезе решающего значения вследствие незначительного размера вегетаций, отсутствия рецидивирующих эмболий легочной артерии или прогрессирующей сердечной недостаточности [5]. Пятый летальный исход наступил у женщины 35 лет с 5-летним стажем внутривенной наркомании от острого первичного ИЭ клебсиеллезной этиологии с поражением трехстворчатого и аортального клапанов (деструкцией и перфорацией створок), развитием тяжелого сепсиса и множественных эмбологенных абсцессов в органах большого и малого кругов кровообращения (легкие, почки, головной мозг, селезенка). Причина смерти еще одного пациента неизвестна, произошла вне медицинского учреждения, не исключена передозировка наркотиков. Таким образом, если ближайшие летальные исходы ИЭ у ПИН обусловлены преимущественно тяжестью инфекционного процесса – высоковирулентной флорой, полиорганным поражением, клапанной деструкцией, формированием внутрисердечных и отдаленных абсцессов и т. п., то отдаленные неблагоприятные последствия (возникновение рецидивов) в большей степени определяются образом жизни и социальным поведением этих пациентов.

Заключение. Полученные нами данные подтверждают известные закономерности инфекционного эндокардита, развивающегося у потребителей инъекционных наркотиков: преимущественно правостороннюю локализацию, эмбологенное полисегментарное поражение легких, коморбидность (сочетание с вирусными гепатитами, ВИЧ). У больных ИЭ ПИН чаще отмечено острое течение заболевания, чем у пациентов, развитие ИЭ у которых не связано с употреблением наркотиков. ИЭ инъекционных наркоманов характеризуется умеренной дилатацией правого желудочка и предсердия. Изменение геометрии левого желудочка, соответствующее эксцентрической гипертрофии, выявлено только при левосторонней и билатеральной локализации клапанного поражения. Легочная гипертензия зафиксирована у всех больных ИЭ ПИН и обусловлена несколькими факторами: нарушением внутрисердечной гемодинамики, активностью системного воспаления, поражением легких. Пора-

жение почек также встречается с большей частотой и характеризуется большей выраженностью при ИЭ у этой категории пациентов, что объясняется высокой активностью инфекционного процесса и системного воспаления, сочетанным генезом нефропатии. Гипоальбуминемия и гипохолестеринемия более существенно выражены при инфекционном эндокардите наркоманов, чем при ИЭ, не связанном с употреблением наркотиков, что объясняется не только активностью бактериальной инфекции, но и коморбидным поражением печени вследствие хронических вирусных гепатитов. Госпитальная летальность у больных ИЭ ПИН обусловлена тяжестью инфекционного процесса (острое течение, стафилококковая этиология, лево- и правосторонняя локализация, множественные эмболии), в более отдаленные сроки неблагоприятный исход связан с рецидивами клапанной инфекции вследствие сохраняющейся приверженности к наркотикам, а также во многом обусловлен коморбидными состояниями и социальной дезадаптацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андросова Т.В. Клиническое значение поражения почек среди системных проявлений инфекционного эндокардита // Тер. архив. 2008; 11: 36–40.

2. Демин А.А. Профилактика и лечение инфекционного эндокардита с позиции доказательной медицины в свете рекомендаций Европейского общества кардиологов // Кардиоваск. терапия и профилактика. 2005; 4: 60–65.

3. Кабанова Т.Г., Гуревич М.А., Тазина С.Я. Значение определения С-реактивного белка при первичном инфекционном эндокардите // Клин. мед. 2006; 4: 38–40.

4. Пономарева Е.Ю., Ребров А.П. Инфекционный эндокардит у пациента, употребляющего наркотики внутривенно // Клиницист. 2011; 3: 83–86.

5. Пономарева Е.Ю., Рощина А.А., Ребров А.П. Особенности течения инфекционного эндокардита на фоне ВИЧ/СПИДа у инъекционных наркоманов // Клиницист. 2011; 3: 19–23.

6. Инфекционный эндокардит наркоманов – новое лицо известной болезни / И.И. Резник [и др.] // Рос. кардиолог. журн. 2002; 4: 12–19.

7. Инфекционный эндокардит у детей и подростков – инъекционных наркоманов / М.К. Соболева [и др.] // Педиатрия. 2003; 6: 1–9.

8. Современные клинические рекомендации по антимикробной терапии. Вып. 1 / под ред. Л.С. Страчунского, А.В. Дехнича. Смоленск: МАКМАХ, 2004. 384 с.

9. Филипенко П.С., Драгоман Е.А. Особенности поражения легких и сердца на фоне парентеральной наркомании // Вопросы наркологии. 2008; 5: 38–47.

10. Поражение почек при инфекционном эндокардите / Н.С. Чипигина [и др.] // Клиницист. 2008; 4: 16–23.

11. The Task Force on Diagnosis and Treatment of Pulmonary Arterial Hypertension of the European Society of Cardiology. Guidelines on diagnosis and treatment of pulmonary arterial hypertension / N. Galie [et al.] // Eur. Heart J. 2004; 25: 2243–2278.

12. Patterns of left ventricular hypertrophy and geometric remodeling in essential hypertension / A. Ganau [et al.] // J. Am. Coll. Cardiol. 1992; 19:1550–1558.

13. Gehan E., George S.L. Estimation of human body surface area from height and weight // Cancer Chemother. Rep. Part I. 1970; 54: 225–235.

14. Guidelines on the prevention, diagnosis, and treatment of infective endocarditis (new version 2009) // Eur. Heart J. 2009; 30 (19): 2369–2413.

15. Echocardiographic assessment of left ventricular hypertrophy: comparison to necropsy findings / R. Devereux [et al.] // Am. J. Cardiol. 1986; 57: 450–458.

16. Infective endocarditis in intravenous drug users from Italy: the increasing importance in HIV-infected patients / F.G. De Rosa [et al.] // Infection. 2007; 35: 154–160.

17. Clinical features, site of involvement, bacteriologic findings, and outcome of infective endocarditis in intravenous drug users / J. Mathew [et al.] // Arch. Intern. Med. 1995; 155: 1641–1648.

18. Comparison of clinical and morphological characteristics of Staphylococcus aureus endocarditis with endocarditis caused by other pathogens / G. Nadji [et al.] // Heart. 2005; 91: 932–937.

19. Philippe Moreillon, Yok-Ai Que. Infective endocarditis // Lancet. 2004: 363: 139–149

20. Problems in echocardiographic volume determinations: echocardiographic-angiographic correlations in the presence or absence of asynergy / L.E. Teicholz [et al.] // Am. J. Cardiol. 1976; 37: 7–11.

Поступила 22.08.2013

КАРБОНОВЫЕ КИСЛОТЫ ЦИКЛА КРЕБСА, АМИНОКИСЛОТЫ И ИХ КОМБИНАЦИИ В КАЧЕСТВЕ ПРОТЕКТОРОВ В УСЛОВИЯХ ТОКСИЧЕСКОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ МИОКАРДА КРЫС

О.В. Алексеенко, В.В. Шилов, В.Ю. Афонин, Е.В. Шафрановская

Институт биоорганической химии Национальной академии наук Беларуси, Минск

Сравнительная оценка защитного действия аминокислот (глицина, глутаминовой и аспарагиновой кислоты) и карбоновых кислот цикла Кребса (янтарной и а-кетоглутаровой) в условиях токсического повреждения миокарда показала, что наиболее выраженными кардиопротекторными свойствами обладают глицин и янтарная кислота в дозах 30 мг/кг и их комбинация в меньших дозировках по 15 мг/кг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5-фторурацил,
токсическое
повреждение миокарда,
глицин,
янтарная кислота

KEY WORDS

5-fluorouracil,
toxic damage of myocardium,
glycine,
succinic acid

Comparative evaluation of protective action of amino acids (glycine, glutamic and aspartic acid), and Krebs cycle carboxylic acids (succinic and a-ketoglutaric) in toxic damage to the myocardium showed the most pronounced cardioprotective properties are glycine and succinic acid at doses of 30 mg/kg combination in lesser dosages from 15 mg/kg.

Конечный результат действия всех онкопрепаратов – ингибирование клеточной пролиферации и гибель опухолевых клеток (регрессия опухоли). Все противоопухолевые средства не строго специфичны, они действуют не только на опухолевые клетки, но и затрагивают здоровые. Этим определяется наличие практически у всех онкопрепаратов данного класса токсических эффектов. Агрессивная и длительная цитостатическая терапия увеличивает риск осложнений, среди которых одним из наиболее опасных является токсическое поражение сердечно-сосудистой системы. В качестве одного из важнейших механизмов кардиотоксичности противоопухолевых средств в настоящее время рассматривается оксидативный стресс [1, 4]. В связи с этим перспективное направление фармакологической коррекции кардиотоксичности – использование препаратов, обладающих антиоксидантными свойствами. Однако применение антиоксидантов при онкологических заболеваниях затрудняет тот факт, что опухолевый процесс проходит в основном на повышенном уровне антиоксидантов, и последние проявляют свое противоопухолевое действие в высоких дозах, когда выступают в роли прооксидантов [16].

Хорошо изученной является кардиомиопатия, вызываемая антрациклинами и близкими к ним антраценонами. В основе их негативного воздействия на миокард лежит прямое повреждение кардиомиоцитов [7]. Поэтому преодоление кардиотоксичности разрабатывается в основном для данных онкопрепаратов и состоит в использовании их в дозах, не превышающих кумулятивные, и в использовании кардиопротекторов (дексразоксан) [10]. В последние годы активно разрабатывается еще одно направление по преодолению антрациклиновой кардиотоксичности – создание новых препаратов из этой группы со значительно меньшей кардиотоксичностью. Представителем этих препаратов является Келикс® – пегилированная липосомальная форма доксорубицина гидрохлорида (компания «Шеринг-Плау»). Келикс® имеет значительно больший период полувыведения по сравнению с традиционным доксорубицином (52–55 ч и менее 10 мин соответственно) [5].

5-фторурацил (5-ФУ) является противоопухолевым антиметаболитом урацила. Активность препарата обусловлена его биотрансформацией в тканях в активные формы. 5-ФУ обладает различными побочными действиями. К одному из самых неблагоприятных его клинических эффектов относится кардиотоксичность, встречающаяся в 1,5–18 % случаев и приводящая в 2,2–13 % к смертельному исходу [13]. Данный эффект является дозо- и режимозависимым [9, 12]. Клинические проявления фторурациловой кардиотоксичности включают кардиогенный шок (в частности, необратимый), ишемию миокарда с дисфункцией левого желудочка, гипо- и гипертензии, кардиоваскулярные коллапсы (в том числе необратимые), устойчивую стенокардию и инфаркт миокарда, острую сердечную недостаточность с отеком легких [2, 6, 8, 14, 15]. Механизм токсичности 5-ФУ до конца неясен, а стандартные рекомендации по коррекции кардиологических осложнений фторпиримидинов не разработаны [17]. Негативные проявления действия 5-ФУ в настоящем эксперименте взяты за основу создания модели повреждения миокарда.

Материал и методы. В качестве объекта исследования использовались крысы-самцы линии Wistar в возрасте 2–4 месяцев массой 250–350 г (n = 200). Животных брали из питомника при виварии ИБОХ НАН Беларуси, содержали в помещении полубарьерного типа в клетках КБК-1 (по 8–10 особей), кормили

стандартным комбикормом КК-92 (производитель ОАО «Пуховичский комбинат хлебопродуктов»).

Повреждения миокарда индуцировались внутрибрюшинным введением 5-фторурацила в дозе 25 мг/кг в течение 7 дней. Глицин, глутаминовая кислота, аспарагиновая кислота, янтарная и α-кетоглутаровая кислоты, а также их комбинации вводились экспериментальным животным интрагастрально в течение 5 дней до введения 5-фторурацила.

Для оценки функционального состояния сердца на физиологическом полианализаторе Biopac MP150 (Biopac Systems, USA) регистрировались электрокардиограмма до введения 5-фторурацила, после введения и через 7 суток от начала эксперимента. Оценивались амплитудные (амплитуда зубцов P, R, Q, S и T) и временные (длительность аритмии, интервала PQ и комплекса QRS) параметры.

На биохимическом анализаторе Hitachi 902 (Швейцария) определяли активность креатинфосфокиназы (КФК), лактатегидрогеназы (ЛДГ), фракции МВ креатинфосфокиназы (КФК-МВ) стандартизированным методом DGKC. [3,11]. Для получения образцов цельной крови животных декапитировали с последующей экссангвинацией. Сыворотку отделяли путем центрифугирования цельной крови в течение 15 мин при 1500 об/мин и температуре 22 °С.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием однофакторного анализа ANOVA пакета программ Statistica 6.0 (Statistica Inc., США).

Результаты и обсуждение. Введение 5-фторурацила моделировало токсическое повреждение миокарда, о чем свидетельствует развитие ишемии миокарда у экспериментальных животных. На 5-е сутки введения препарата отмечалось статистически значимое снижение R-зубца электрокардиограммы (60,1 ± 43,3 мВ) по сравнению с исходным значением (91,5 ± 30,3 мВ) на 34,3 % ($p < 0,05$) и увеличение амплитуды зубца Q на 49,4 % ($p < 0,05$) от 32,6 ± 8,5 до 48,6 ± 12,7 мВ исходно и на 5-е сутки введения препарата. При оценке маркеров повреждения миокарда выявлено значительное повышение КФК, КФК МВ и ЛДГ по сравнению с исходными данными (табл. 1). При этом

Таблица 1

Биохимические показатели крыс-самцов линии Wistar при многократном внутрибрюшинном введении 5-фторурацила (7 дней) в дозе 25 мг/кг (MS ± SD)

Биохимические показатели, Ед/л	Исходные данные	После введения 5-фторурацила
КФК	305,71 ± 9,2	2549,8 ± 1759,7*
КФК МВ	695,8 ± 40,7	4390,6 ± 2967,2*
ЛДГ	574,43 ± 13,2	2262,6 ± 1377,3*

*Различия статистически достоверны по сравнению с исходными данными ($p < 0,05$).

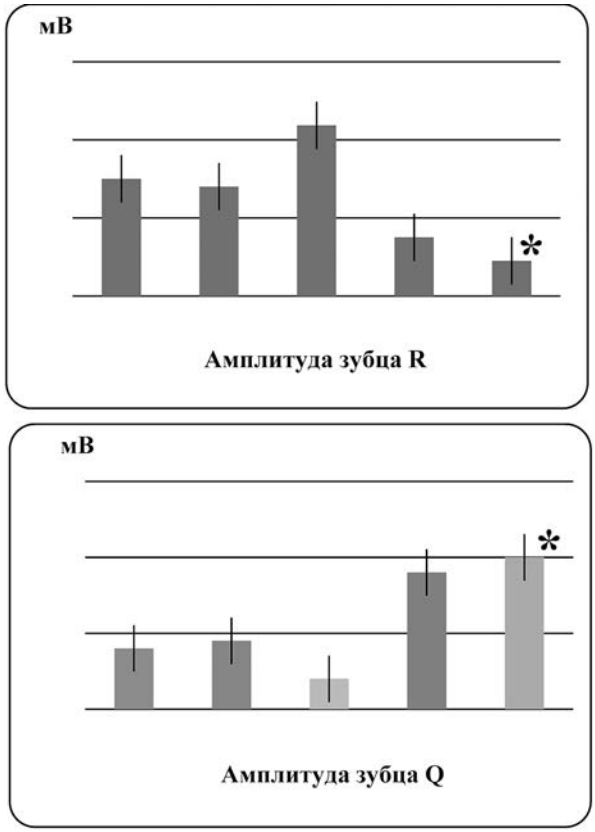


Рисунок. Показатели электрокардиограммы крыс-самцов линии Wistar при предварительном внутрижелудочном введении аминокислот на модели токсического повреждения миокарда 5-фторурацилом

установлено, что повышенный уровень данных маркеров сохраняется в течение длительного времени.

Предварительное внутрижелудочное введение глицина (Гли) и аспарагиновой кислоты (Асп) в дозах 30 и 100 мг/кг способствовало сохранению показателей электрокардиограммы и активности ферментов сыворотки крови на уровне биологического контроля, однако наиболее эффективным кардиопротекторным действием обладал глицин в дозе 30 мг/кг (рисунок). Глутаминовая кислота (Глу) таким эффектом не обладала.

Исследование защитного действия янтарной кислоты (ЯК) и альфа-кетоглутаровой кислоты (α-кето) показало, что при предварительном внутрижелудочном введении этих кислот достоверных различий в активности изучаемых ферментов в сыворотке крови животных между опытными группами и контролем не обнаружено (табл. 2).

Однако было зафиксировано значительное снижение (44,3 %, $p < 0,05$) активности КФК МВ в гомогенате сердца животных, получавших янтарную кислоту, по сравнению с 5-фторурациловым контролем (1499,1 ± ± 185,3 Ед/л и 2691,8 ± 105,6 Ед/л соответственно).

Использование комбинации глицина и янтарной кислоты в различных дозировках предотвращало в той или иной степени токсическое действие 5-фторурацила (табл. 3 и 4).

Таблица 2

Биохимические показатели сыворотки крови крыс-самцов линии Wistar при воздействии кислот цикла Кребса на фоне введения 5-фторурацила и у интактных животных (MS ± SD)

Группа животных	Биохимические показатели, Ед/л		
	ЛДГ	КФК	КФК МВ
Биологический контроль	654,4 ± 70,1	939,3 ± 413,5	460,1 ± 175,0
Янтарная кислота	533,7 ± 107,8	916,5 ± 373,4	463,9 ± 146,7
α-кетоглутаровая кислота	438,8 ± 12,9	941,2 ± 230,0	467,1 ± 99,0
5-фторурацил	540,4 ± 142,8	785,3 ± 248,6	400,1 ± 119,2

Таблица 3

Биохимические показатели сыворотки крови крыс-самцов линии Wistar при воздействии кислот цикла Кребса на фоне введения 5-фторурацила и у интактных животных (MS ± SD)

Группа животных	Показатели электрокардиограммы, мВ		
	Амплитуда Q	Амплитуда S	Амплитуда Т
Биологический контроль	11,0 ± 3,0	23,0 ± 15,0	87 ± 1,0
5-фторурацил	24,0 ± 4,0*	61,0 ± 40,0*	128,0 ± 23,0*
Глицин + янтарная кислота (30 мг/кг + 30 мг/кг)	17,0 ± 5,0	13,0 ± 2,0	83,0 ± 5,0
Глицин + янтарная кислота (15 мг/кг + 15 мг/кг)	11,0 ± 6,0	22,0 ± 17,0	83,0 ± 1,0
Глицин + янтарная кислота (30 мг/кг + 15 мг/кг)	16,0 ± 2,0	26,0 ± 2,0	83,0 ± 13,0
Глицин + янтарная кислота (15 мг/кг + 30 мг/кг)	13,0±2,0	21,0 ± 17,0	80,0 ± 8,0

* Различия статистически достоверны по сравнению с биологическим контролем (p < 0,05).

Таблица 4

Биохимические показатели сыворотки крови крыс-самцов линии Wistar при воздействии комбинации глицина и янтарной кислоты на фоне введения 5-фторурацила (MS ± SD)

Группа животных	Биохимические показатели, Ед/л			
	АСТ	АЛТ	ЛДГ	КФК
Биологический контроль	145,9 ± 5,2	65,7 ± 2,3	525,4 ± 25,9	949,4 ± 158,9
5-фторурацил	187,3 ± 2,3*	82,8 ± 29,8	749,1 ± 14,2	2206,5 ± 471,3*
Глицин + янтарная кислота (30 мг/кг +30 мг/кг)	130,1 ± 41,9**	55,7 ± 19,0**	642,5 ± 85,3	975,4 ± 182,4 **
Глицин + янтарная кислота (15 мг/кг +15 мг/кг)	121,8 ± 8,2**	54,0 ± 19,4**	440,2 ± 89,8**	781,5 ± 274,9**
Глицин + янтарная кислота (30 мг/кг +15 мг/кг)	123,6 ± 12,8**	46,9 ± 8,4**	421,5 ± 146,1**	736,4 ± 218,6**
Глицин + янтарная кислота (15 мг/кг +30 мг/кг)	123,0 ± 5,2**	49,6 ± 9,1**	359,5 ± 79,3**	782,0 ± 294,8**

*Различия статистически достоверны по сравнению с биологическим контролем (p < 0,05).
**Различия статистически достоверны по сравнению с 5-фторурацилом (p < 0,05).

Однако оптимальным соотношением глицина и янтарной кислоты является соотношение 1:1 в дозах 15 мг/кг. При использовании данной комбинации не наблюдалось значительных различий в показателях электрокардиограммы при сравнении с биологическим контролем.

Заключение. Разработан способ моделирования очагового ишемического повреждения миокарда путем многократного (в течение 5 дней) внутрибрюшинного введения противоопухолевого препарата 5-фторурацила в дозе 25 мг/кг. Сравнительная оценка защитного действия аминокислот (глицина, глу-

таминовой и аспарагиновой кислоты) и карбоновых кислот цикла Кребса (янтарной и α-кетоглутаровой кислот) на разработанной модели токсического повреждения миокарда показала, что более выраженными кардиопротекторными свойствами обладают глицин и янтарная кислота в дозах 30 мг/кг. Аналогичные результаты имели место и при комбинированном применении глицина и янтарной кислоты в меньшей дозировке по 15 мг/кг.

Таким образом, результаты проведенных исследований кардиопротекторных свойств глицина и янтарной кислоты могут стать основой для разработки нового комбинированного лекарственного средства, защищающего миокард от токсического действия 5-фторурацила.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cardiotoxicity of anticancer drugs: the need for cardio-oncology and cardio-oncological prevention / A. Albini [et al.] // J. Natl. Cancer Inst. 2010; 102: 14–25.

2. Reversible cardiogenic shock under 5-fuorouracil treatment / B. Bakouboula [et al.] // Ann. Cardiol. Angeiol. (Paris). 2005; 54 (4): 216–229.

3. Journal of Clinical Chemistry & Clinical Biochemistry. 1977; 15: 249–254.

4. Conklin K.A. Dietary antioxidants during cancer chemotherapy: impact on chemotherapeutic effectiveness and development of side effects // Nutr. Cancer. 2000; 37 (1): 1–18.

5. Identifying patients at high risk for neutropenic complications during chemotherapy for metastatic breast cancer with doxorubicin or pegylated liposomal doxorubicin: the development of a prediction model / G. Dranitsaris [et al.] // Am. J. Clin. Oncol. 2008; 4 (31): 369–374.

6. Acute heart failure after treatment with 5-fuorouracil / S. Georgieva [et al.] // J. BUON. 2007; 12 (1): 113–116.

7. Giuseppe Distefano. Molecular pathogenetic mechanisms and new therapeutic perspectives in anthracycline-induced cardiomyopathy // Ital. J. Pediatrics. 2009; 35: 37.

8. Severe ventricular dysrhythmias and silent ischemia during infusion of the antimetabolite 5-fuorouracil and cisplatin / E. Hrovatin [et al.] // J. Cardiovasc. Med. 2006; 7: 637–640.

9. Cardiotoxicity of fuoropyrimidinrs in different schedules of administration: a prospective study / C. Kosmas [et al.] // J. Cancer Res. Clin. Oncol. 2008; 134 (1): 75–82.

10. Assessment of dexrazoxane as a cardioprotectant in doxorubicin-treated children with high-risk acute lymphoblastic leukaemia: long-term follow-up of a prospective, randomised, multicentre trial / S.E. Lipshultz [et al.] // Lancet Oncol. 2010; 11: 950–961.

11. Lott J.A., Stand J.M. Clinical Chemistry. 1980; 26 (9): 1241–1250.

12. Cardiotoxicity of de Gramont's regimen: incidence, clinical characteristics and long-term follow-up / N. Meydan [et al.] // Jpn. J. Clin. Oncol. 2005; 35 (5): 265–270.

13. 5-fluorouracil induced cardiotoxicity / F. Michael Sorrentino [et al.] // Review of the literature Cardiol. J. 2012; 19 (5): 453–458.

14. 5-fluorouracil-induced vasospastic angina / Orhan Ayyildiz [et al.] // Ann. Saudi Med. 2005; 25: 263–265.

15. Transient asymptomatic bradycardia in patients on infusional 5-fuorouracil / K. Talapatra [et al.] // J. Cancer Res. Ther. 2007; 3: 169–171.

16. Бурлакова Е.Б., Пальмина Н.П. Антиоксиданты в химиотерапии опухолей // Вопросы онкологии. 1990; 10: 1155–1161.

17. Семенова А.И. Кардио- и нейротоксичность противоопухолевых препаратов (патогенез, клиника, профилактика, лечение) // Практ. онкология. 2009; 10 (3): 168–176.

Поступила 11.09.2013

ДИЕТОТЕРАПИЯ И ПРОФИЛАКТИКА МЕТАБОЛИЧЕСКОГО СИНДРОМА Х

И.Н. Броновец

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

Описаны наследственные предпосылки и клинические критерии метаболического синдрома. Приведены доказательства, что диетотерапия и дозированные физические нагрузки имеют самостоятельное значение на первом этапе лечения метаболического синдрома и являются обязательным фоном при приеме лекарственных средств на втором этапе терапии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

метаболический синдром,
диагностика,
диетотерапия,
профилактика

KEY WORDS

metabolic syndrome,
diagnosis,
diet,
prevention

The genetic background and clinical criteria for the metabolic syndrome are described. Presented evidence that diet therapy and exercise stress have independent value in the first stage of treatment of the metabolic syndrome and the background are a must when taking drugs in the second stage of therapy.

Метаболический синдром Х (МС) – это не заболевание и не диагноз, а симптомокомплекс взаимосвязанных патологических состояний. Термин «метаболический синдром Х» характеризует качественно новое патологическое состояние, которое считают расплатой человека за пренебрежение здоровым образом жизни, избыточное употребление пищи, богатой легкоусвояемыми углеводами, переедание, постоянные стрессы и нервно-психическое перенапряжение.

Впервые Y. Reaven (1988) на основании собственных наблюдений и обобщения исследований многих других авторов выдвинул гипотезу, в соответствии с которой резистентность к инсулину, абдоминальное ожирение (АО), артериальная гипертензия (АГ), атерогенная дислипидемия и ишемическая болезнь сердца (ИБС) служат проявлением патологического состояния, которое он предложил назвать «синдром Х» [3]. В русскоязычной литературе данный синдром стали называть «метаболический синдром Х». Установлено, что метаболические нарушения у этих больных обусловлены инсулинорезистентностью (ИР) тканей (в частности, мышечной и жировой) и гиперинсулинемией. Эта проблема подробно обсуждалась на научно-практической конференции с международным участием в Минске (2012) «Артериальная гипертензия и дислипидемия – ведущие факторы риска кардиоваскулярных катастроф» [4, 5].

Метаболический синдром Х – одна из наиболее актуальных проблем современной медицины, связанная с нездоровым образом жизни. Понятие «здоровый образ жизни» включает сбалансированное питание, поддержание нормальной массы тела, регулярную и соответствующую возрасту физическую активность, разумное употребление алкоголя и отказ от табакокурения.

Сегодня МС распространен среди населения развитых стран так же широко, как дисбактериоз или сезонная простуда. По прогнозам ученых, в ближайшем будущем МС станет основной причиной развития сердечно-сосудистых заболеваний, обогнав при этом табакокурение.

Согласно данным ВОЗ, число больных с инсулинорезистентным синдромом, имеющих высокий риск развития сахарного диабета 2 типа, составляет в Европе 40–60 млн человек. В индустриально развитых странах МС среди лиц старше 30 лет встречается в 10–20 % случаев, США – в 25 %. Считалось, что МС – болезнь людей среднего возраста. Однако обследование, проведенное под эгидой Американской ассоциации диабета, свидетельствует о росте этого синдрома среди подростков и молодежи: с 1994 по 2000 г. частота метаболического синдрома Х среди подростков возросла с 4,2 до 6,4 %.

К группе риска МС относятся лица с наследственными признаками АГ, сахарного диабета 2 типа, избыточной массой тела и генерализованным ожирением с повышенной секрецией свободных жирных кислот (СЖК) в портальную вену, ишемической болезнью сердца (ИБС), цереброваскулярными заболеваниями, связанными с атеросклерозом, прямые родственники пациентов с гиперлипидемией и/или ожирением, и/или сахарным диабетом, и/или ИБС, ведущие малоподвижный образ жизни, страдающие поликистозом яичников, а также женщины в постменопаузальный период, при нарушении обмена мочевой кислоты.

Клиническими признаками МС являются: повышение индекса массы тела (индекса Кетле), особенно андроидный тип ожирения (избыточное отложение жира на животе и увеличение висцерального (внутреннего) жира). Такое ожирение называют также

абдоминальным: окружность талии у женщин более 80 см, а у мужчин – более 94 см (для европеоидов). У лиц с превышением идеальной массы тела на 40 % утилизация глюкозы снижается на 30–40 %.

Андроидный тип ожирения – главный фактор риска развития артериальной гипертензии, атеросклероза и сахарного диабета 2 типа. При этом типе ожирения в кровоток через систему воротной вены поступает избыточное количество СЖК. В результате печень подвергается мощному и постоянному воздействию СЖК, что приводит к ряду метаболических нарушений: гипергликемии, увеличению липопротеидов низкой плотности (ЛПНП), обогащенных триглицеридами, инсулинорезистентности, гиперинсулинемии.

К дополнительным критериям развития метаболического синдрома Х относятся:

АГ (артериальное давление больше 140/90 мм рт. ст.);

повышение уровня триглицеридов (ТГ) > 1,7 ммоль/л;

снижение уровня холестерина ЛПВП < 1,0 ммоль/л у мужчин, < 1,2 ммоль/л у женщин;

повышение уровня холестерина ЛПНП > 3,0 ммоль/л;

гипергликемия натощак (глюкоза в плазме крови натощак > 6,1 ммоль/л);

нарушение толерантности к глюкозе – глюкоза в плазме крови через 2 ч после теста толерантности к глюкозе в пределах > 7,8 и < 11,1 ммоль/л.

Один основной и 2 дополнительных критерия подтверждают наличие метаболического синдрома Х.

Диагноз «метаболический синдром Х» в МКБ-10 отсутствует. Рубрицированы лишь артериальная гипертензия (код 110) и ожирение (код Е66.9). В зависимости от превалирования код превалирующего заболевания ставится на первое место.

Для профилактики и лечения метаболического синдрома Х, наряду с отказом от курения, употребления алкоголя и повышением физической активности, большое значение имеет рационально и правильно сбалансированное питание. Оно является одним из основных методов профилактики и лечения метаболических нарушений. Однако диета для коррекции МС существенно отличается от обычных диет для похудения.

Диета при МС – это не временное исключение из пищи каких-либо продуктов, а пересмотр самого подхода к питанию, которое, в свою очередь, включает правильный подбор предпочтительных продуктов, способов приготовления блюд, режима питания и поведения пациента во время приема пищи.

Уменьшение массы тела должно быть постепенным. Быстрый и резкий «сброс» веса на 10–15 кг приводит к изменению содержания гормона лептина (образуется в жировой ткани). Это приводит к компенсаторному, трудно преодолимому чувству голода и увеличению потребления пищи и накоплению лишних килограммов, порой даже больше, чем до разгрузочной диеты.

Минимальное (не оптимальное!) требование к физической нагрузке – 30 мин ежедневной ходьбы в быстром темпе на свежем воздухе или ежедневная ходьба в течение 1 ч 20 мин и в дополнение тренировка мышцы брюшного пресса.

Эмпирическим путем разработана формула аэробных упражнений. Каждый может рассчитать для себя оптимальный режим нагрузки по частоте сердечных сокращений (ЧСС):

ЧСС = (220 – возраст человека) × 0,6 или 0,8.

Так, если человеку 55 лет, то оптимальный режим для тренировки может быть обеспечен при ЧСС от 99 до 132 ударов в минуту. При наличии болезней сердечно-сосудистой системы и других серьезных заболеваний для выполнения физической нагрузки необходима консультация лечащего врача. Значение физических нагрузок возрастает в связи с их положительным влиянием почти на все компоненты МС. Они должны быть регулярными и дозированными.

Кроме оптимального варианта физической нагрузки, существенное корригирующее влияние на метаболический синдром Х может оказать правильно сбалансированное питание [6]. В профилактике и лечении этого синдрома важное значение имеет ограничение в рационе питания углеводов, особенно моносахаридов, поваренной соли (натрия).

Главный тезис здорового питания в конце XX в. – употреблять в пищу как можно меньше жиров – не оправдал себя. В этом можно убедиться, проанализировав особенности питания французов и американцев, а также распространенность сердечно-сосудистых заболеваний в этих странах. Французы употребляют жиров гораздо больше американцев, а болеют сердечно-сосудистыми заболеваниями гораздо меньше. Потребность в жировых компонентах пищи должна определяться в соответствии с принципами сбалансированного питания [6].

Выбор углеводов для включения их в рацион питания вообще и особенно в меню пациентов, страдающих метаболическим синдромом Х, должен производиться с учетом гипергликемического потенциала, который определяется гликемическим индексом (ГИ). ГИ – это способность углеводов вызывать повышение уровня сахара в крови (гипергликемию). ГИ будет тем выше, чем выше гипергликемия после расщепления углеводов.

Кулинарная и промышленная обработка может привести к увеличению ГИ. Так, ГИ картофельного пюре быстрого приготовления равен 90, а вареного картофеля – 70. Заметно снижают ГИ пищевые волокна (клетчатка). Например, сдобная булочка из муки твердых сортов пшеницы имеет гликемический индекс 95, белый батон – 70, хлеб из муки грубого помола – 50, отрубной хлеб – 35.

С учетом гликемического индекса углеводы можно разделить на 2 группы: полезные («хорошие») и неполезные («плохие»). К группе неполезных углеводов относятся все углеводистые продукты с ГИ более 50 (рафинированный сахар и все пищевые продукты, со-

держащие его в значительном количестве: конфеты, пирожное, варенье, промышленно обработанные продукты, хлеб из белой муки, белый рис, картофель, кукуруза и т. д.). В отличие от «неполезных», «полезные» углеводы не вызывают значительного повышения сахара в крови. Они медленно всасываются. Это прежде всего грубого помола зерновые, бобы, чечевица, большинство фруктов и овощей (зеленая фасоль, салат, лук-порей и т. д.), которые содержат мало глюкозы и много клетчатки.

Нежелательным продуктом для людей группы риска является сахар. Этот продукт особенно опасен при приеме в больших количествах – более 50 г в сутки и при употреблении суточной дозы в один прием. Сахар желательно частично или полностью заменить фруктозой. Она слаще глюкозы на 73 %, а ГИ равен 20.

Хлеб из рафинированной муки лишен биологически активных компонентов, необходимых для нормального обмена веществ. Предпочтение следует отдавать другим сортам хлеба – хлебу из муки грубого помола. Белый хлеб лучше исключить из обеда и ужина. На завтрак можно оставить.

Картофель богат микроэлементами, которые содержаться в основном в кожуре и удаляются при его чистке. Картофель содержит много углеводов. ГИ картофеля зависит от способа приготовления. Например, ГИ вареного картофеля составляет 70, а запеченного в духовке – 95. Гарнир из картофеля не сочетается с мясными блюдами. Его следует заменить баклажанами, цветной капустой, бобами (богаты магнием), помидорами или зеленым салатом.

ГИ некоторых овощей существенно повышается после термической обработки. ГИ свежей моркови намного ниже (равен 35), чем вареной. То же самое относится и к свекле. Свекольный сок снижает артериальную гипертензию. Рекомендуются салаты из свежих овощей.

В рацион питания лиц, страдающих метаболическим синдромом Х, следует включать фрукты в достаточном количестве. Они содержат не только глюкозу, сахарозу, но и большое количество фруктозы, а также клетчатку, которая снижает ГИ и усвояемость сахара. Груши и яблоки богаты пектином, который не только препятствует росту гликемии, но и является сорбентом [7]. В сочетании с некоторыми продуктами фрукты могут нарушать работу пищеварительного тракта и переваривание пищи. Поэтому не рекомендуется их есть сразу после обеда или ужина. Нутрициологи (специалисты по питанию) рекомендуют употреблять фрукты спустя 1,5–2 ч после приема пищи. Весьма полезны разгрузочные диеты.

Чрезвычайно важное значение имеют химический состав и частота приемов пищи. Люди, употребляющие богатую белком пищу, менее склонны к ожирению, так как затрачивают много энергии на утилизацию белковой пищи. К ожирению приводят регулярный прием алкоголя, сладкие безалкогольные напитки, неритмичность питания и редкие приемы пищи. Следует принимать пищу 4 раза в день. Даже если не потреблять «лишних» калорий, но принимать пищу 2 или 1 раз в день, особенно во второй половине дня, вес будет неуклонно возрастать.

Заслуживают внимания низкоуглеводные диеты, предложенные Р. Аткинсом [1]. За 2 недели строгого ограничения углеводов большинство людей теряет более 4 кг веса. Низкоуглеводная диета с повышенным содержанием белков и правильным сочетанием растительных и животных жиров способствует нормализации липидного спектра крови. У некоторых людей может наблюдаться повышенная чувствительность к жирам. В этом случае низкоуглеводная диета должна быть представлена в низкожировом белковом варианте: постное мясо, нежирные птица, рыба, творог.

Основу рациона должны составлять злаки, макаронные изделия из твердых сортов пшеницы, хлеб из муки грубого помола, овощи и фрукты, нежирный творог и кисломолочные продукты. Легкоусвояемые углеводы, как и животные жиры, необходимо существенно ограничить или исключить из рациона. Суточное потребление сахара не должно быть больше 20 г.

Следует избегать жареной пищи. Этот способ кулинарной обработки вполне можно заменить запеканием на гриле без дополнительного жира. Идеальное блюдо при МС – запеченные овощи.

Питание при МС предусматривает и существенное ограничение употребления поваренной соли. Целесообразно избегать употребления полуфабрикатов и консервантов, содержащих соль. Блюда при приготовлении лучше не солить, а подсолить при подаче к столу. При этом нужно помнить, что использование заправок из лимонного сока с пряностями придает продуктам более острый вкус, что помогает существенно снизить количество потребляемой соли.

При метаболическом синдроме Х пищу необходимо принимать малыми дозами – не менее 6 раз в день, разделив суточный рацион на 4 основных приема и несколько перекусов, состоящих из свежих фруктов и овощей, – это поможет избежать чувства голода.

Многие, страдающие МС, едят слишком быстро. При поспешной еде питательные вещества не успевают в достаточном количестве всосаться в кровь, из-за чего чувство сытости возникает лишь при переполнении желудка. Нужно постараться приучить себя есть медленно.

Нередко пациенты при переходе на диетическое питание отмечают метеоризм (вздутие) и диарею (понос), что обусловлено увеличением в рационе клетчатки. Эти побочные эффекты диеты при метаболическом синдроме не представляют опасности для здоровья и пройдут через несколько недель соблюдения диеты. Чтобы предупредить появление неприятных ощущений в первые несколько недель, можно принимать пищевые ферментные препараты.

После нормализации массы тела необходима ее стабилизация на приемлемом уровне. Это обязательное правило лечебного питания при метаболическом синдроме Х.

Для сохранения нормального веса требуется соблюдать следующие правила:

1. Энергоценность рациона – на нижней границе физиологических потребностей из расчета не более 30 ккал на 1 кг нормальной массы тела, что для мужчин со стандартной массой тела 70 кг, занятых физическим трудом, и женщин со стандартной массой тела 60 кг составляет соответственно 2100 и 1800 ккал в сутки.

2. Потребление белков несколько увеличивают, что составляет 1,2–1,3 г на 1 кг нормальной массы тела или 85–90 г/сутки для мужчин и 70–80 г/сутки для женщин.

3. Потребление жиров не должно превышать 0,8–0,9 г на 1 кг нормальной массы тела пациента. При этом резко ограничивают жиры, богатые насыщенными жирными кислотами (жирные сорта мяса и мясных продуктов, а также жирное молоко и молочные продукты с высокой жирностью, твердые маргарины, кулинарные и кондитерские жиры), разрешается употребление умеренно жирной рыбы (особенно морской), растительных масел, мягких маргаринов, нежирных сортов мяса, молока и молочных продуктов. Жиросодержащую пищу следует употреблять равномерно в течение дня.

4. Потребление углеводов должно составлять 4 г на 1 кг нормальной массы тела пациента, что для мужчин и женщин соответственно 280 и 240 г в сутки. При этом резко ограничивают или полностью исключают сахар, кондитерские изделия, сладкие безалкогольные напитки и вина, соки промышленного производства, высокорафинированные зерновые продукты – хлеб из муки высшего сорта, манную крупу и др. Источниками углеводов должны быть продукты с низким и средним гликемическим индексом и богатые пищевыми волокнами. Это цельнозерновые и близкие к ним продукты, особенно из ячменя, овса и ржи, содержащие растворимые пищевые волокна (нормализуют липидный обмен). Желательно употреблять хлеб из муки грубого помола с добавлением дробленого зерна или отрубей. Разнообразные овощи следует употреблять не менее 3–4 раза в день, фрукты и ягоды – не менее 3 раз в день. Часть овощей целесообразно употреблять в сыром виде.

5. При артериальной гипертензии потребление поваренной соли не должно превышать 5 г в день прежде всего за счет исключения богатых солью продуктов – колбасных изделий, копченостей, соленой рыбы, сыров, закусочных консервов и др. При нормальном артериальном давлении потребление поваренной соли не должно превышать 7–8 г в день.

Таковы главные принципы питания при МС после диетотерапии ожирения для удержания нормальной массы тела.

Однако многообразие МС может вносить изменения и дополнения в питание. Так, наличие в крови повышенного содержания мочевой кислоты (гиперурикемия) и/или проявление подагры требует сокращения потребления мяса, рыбы и изделий из них, а также бобовых. Уменьшение потребления животного белка можно компенсировать за счет нежирных молочных продуктов и яиц, а растительного – за счет цельнозерновых продуктов. Из рациона питания также исключают мясные субпродукты (почки, печень, мозги), крепкие мясные и рыбные бульоны.

Большую роль в регуляции обменных процессов играют эйкозапентаеновая и докозагексаеновая кислоты, содержащиеся в рыбьем жире. Они входят в состав клеточных мембран и регулируют процессы тромбообразования и воспаления путем образования соответствующих микромолекулярных регуляторов – простагландинов. Доказано, что прием только омега-3 способен снизить триглицериды в крови на 25–35 %. Кроме того, омега-3 улучшает переносимость глюкозы у практически здоровых людей, т. е. может использоваться для профилактики и лечения метаболического синдрома Х.

Наиболее важным продуктом, содержащим омега-3, является рыбий жир, полученный из рыб, обитающих в холодных морях (скумбрия, сардины, лосось, тунец и др.), а также льняное масло. Оно является важным источником гамма-линолевой кислоты – ПНЖК класса омега-6. Суточная доза – 1–6 г.

Для коррекции нарушенных показателей холестеринового обмена важную роль играет оптимальное соотношение омега-3 и омега-6 (1:4). Главным источником гамма-линоленовой кислоты является льняное масло, козье молоко и кумыс.

Активным профилактическим и гипогликемическим действием обладает чеснок. Он способен значительно снижать уровень триглицеридов и атерогенных функций липопротеидов, одновременно повышая содержание ЛПВП.

Следовательно, природные факторы представляют большие возможности для коррекции метаболического синдрома Х.

Для нормализации метаболических нарушений используются и лекарственные средства. Несколько повышают чувствительность тканей к инсулину препараты сульфонилмочевины. Гипогликемический эффект их достигается и усилением секреции инсулина. Однако их эффективность в преодолении инсулинорезистентности вызывает сомнение [8].

Длительное лечение метформином улучшает метаболизм глюкозы как в базальном состоянии, так и при стимуляции инсулином [11]. Подавление окисления неэстерифицированных жирных кислот (НЭЖК) и снижение их концентрации в плазме крови – главный механизм, посредством которого этот препарат улучшает метаболизм глюкозы в печени и во всем организме.

Снижают абсорбцию простых сахаров ингибиторы α-глюкозидазы (акарбоза, миглитол). Они подавляют в клетках кишечника активность ферментов, которые расщепляют олиго- и дисахариды до моносахаридов и таким образом снижают гипергликемию и гипертриглицеридемию после пищевых нагрузок у пациентов с ИНСД [9]. Подавляет липолиз, снижает уровень НЭЖК и улучшает утилизацию глюкозы аципимокс – аналог никотиновой кислоты [10].

Пиоглитазон и розиглитазон повышают чувствительность мышечной и жировой ткани к инсулину. В целях улучшения уровня глюкозы в крови эти лекарства можно сочетать с препаратами метформина.

Итак, немедикаментозные методы лечения – диетотерапия и физические нагрузки (повышение физической активности) – имеют самостоятельное значение на первом этапе лечения метаболического синдрома Х и являются обязательным фоном при приеме лекарственных средств на втором этапе лечения.

Диета при метаболическом синдроме Х – это не временное исключение из пищи каких-либо продуктов, а пересмотр самого подхода к питанию, который, в свою очередь, включает правильный подбор предпочтительных продуктов, способов приготовления блюд, режима питания и поведения во время приема пищи. Диету нужно соблюдать всю жизнь. Поэтому ее необходимо составлять так, чтобы она не вызывала чувства голода или каких-либо других неудобств.

Мы сочли целесообразным дать хотя бы краткое описание нового в медицине понятия «метаболический синдром Х», чтобы привлечь внимание пациентов к необходимости безотлагательного и интенсивного немедикаментозного лечения всех взаимосвязанных проявлений данного синдрома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аткине Р. Новая революция в диете. М.,1999. 396 с.

2. Гелия Л.Г. Современные аспекты цереброваскулярной патологии – инфаркта мозга // Артериальная гипертензия и дислипидемия – ведущие факторы риска кардиоваскулярных катастроф: материалы Междунар. конф. Минск, 2012.

3. Зимиго Ю.В. Происхождение, диагностическая концепция и клиническое значение синдрома инсулинорезистентности или метаболического синдрома Х // Кардиология. 1998; 6: 71–81.

4. Митьковская Н.П. Артериальная гипертензия и дислипидемия // Артериальная гипертензия и дислипидемия – ведущие факторы риска кардиоваскулярных катастроф: материалы Междунар. конф. Минск, 2012.

5. Пристром А.М. Артериальная гипертензия у пациентов высокого риска (сахарный диабет, заболевания почек) // Артериальная гипертензия и дислипидемия – ведущие факторы риска кардиоваскулярных катастроф: материалы Междунар. конф. Минск, 2012.

6. Тутелян В.А., Самсонов М.А. Справочник по диетологии. М., 2002.

7. Caro J.F. Insulini resisfans in obese and nonobese men // J. Clin Endocrinol. Metab. 1991; 73: 691–695.

8. Wroop Z.C. Sulphonylureas in NIDDM // Diabetes Care. 1992; 15: 787–795.

9. Jherapeutie potentials of acarbose as first-line druq in NWDDM insufficienty treated with diet alone / M. Hanefeld [et al.] // Diabetes Care. 1991; 14: 732–727.

10. Improvement in glucose tolerance and insulin resistance in obese subjects treated with troglitazone /J. Notan [et al.] // N. Engl. J. Med. 1994; 331: 1188–1193.

11. Nosadini E., Avogaro A., Jrevisan R. Effect of metgozmin on insulinstimulated glucose turnover and insulin binding to receptors in type II diabetes // Diabetes Care. 1987; 10: 62–67.

Поступила 09.09.2013

БЕЗОАРЫ ЖЕЛУДКА

М.С. Хруцкая[1], Е.А. Храмков[2], С.В. Семеняко[2], А.В. Пилипенко[2]

[1]Белорусский государственный медицинский университет, Минск
[2]2-я городская клиническая больница г. Минска

Представлены классификация, клиника, диагностика, осложнения безоаров желудка и профилактика их формирования. Рассмотрен клинический случай: безоар желудка в сочетании с язвой желудка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

безоар, язва

KEY WORDS

bezoar, ulcer

The classification, clinical picture, diagnostics, complications and prevention of stomach bezoars are presented. There is a clinical case: stomach bezoar combined with gastric ulcer.

Безоары – это инородные тела, образующиеся в желудке вследствие попадания в него с пищей таких компонентов, которые не перевариваются, а накапливаются и формируют инородное тело. Существует несколько вариантов происхождения слова «безоар». Большинство считает, что безоарные камни названы по имени горных козлов безоаров, в желудке которых их нередко находят. На арабском языке таинственное название камня обозначает «поглощающий яды», «противоядие». Было доказано, что безоар впитывает мышьяк.

В мировой литературе описано около 500 случаев безоаров. Безоары могут достигать 20 см в диаметре и весить до 1 кг, увеличиваются они постепенно, вплоть до образования полного слепка желудка. Скорость их образования зависит от органической природы и составляет от 1–5 дней до 10–16 лет. В зависимости от длительности существования безоары могут иметь консистенцию от мягкой до каменистой плотности, быть единичными или множественными. Безоары чаще образуются в желудке, но могут сформироваться и в дивертикуле двенадцатиперстной кишки или пищевода. Безоары бывают разного состава: фито-, трихо-, шеллако-, пиксо-, собо-(стибо-), псевдо-, полибезоары, антрако-, медикаментозные. Чаще всего встречаются фитобезоары (70–75 % всех безоаров). Формируются они из растительной клетчатки, преимущественно из волокон хурмы, косточек винограда, фиников, черемухи, семян подсолнечника, инжира и встречаются чаще в тех местностях, где овощи и фрукты являются одним из главных продуктов питания. Безоары могут образовываться вследствие размножения в желудке грибов рода *Candida*.

Факторы, предрасполагающие к образованию фитобезоаров в желудке: плохое пережевывание пищи, нарушение эвакуации содержимого из желудка, спаечная болезнь брюшной полости, снижение секреторной функции желудка, оперативные вмешательства: селективная ваготомия, резекция части желудка.

Трихобезоары образуются при заглатывании волос и встречаются чаще всего у лиц с нарушенной психикой, страдающих непреодолимым желанием кусать волосы; у парикмахеров; детей, страдающих шизофренией. Трихобезоары образуются чаще у женщин молодого возраста (до 30 лет), в отличие от них фитобезоары – преимущественно у мужчин в возрасте от 30 до 60 лет.

Шеллакобезоары образуются в результате систематического употребления спиртового лака, нитролака и политуры у лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками. Шеллакобезоары плавают на поверхности содержимого желудка, окрашены в буровато-белый цвет, на разрезе имеют черно-коричневый цвет, слоистое строение. Масса их достигает 500 г и более.

Пиксобезоары – плотные образования из смолистых веществ, обнаруживаемые у лиц, употребляющих суррогаты алкоголя, клей БФ, смолу, вар.

Себо-(стибо-)безоары – жировые камни, образующиеся в результате кристаллизации триглицеридов.

Антракобезоары – камни из угля.

Гемобезоары образуются при длительном заглатывании крови, например при повторяющихся носовых кровотечениях.

Лактобезоары формируются у недоношенных детей при употреблении высококалорийных детских смесей с казеином.

Медикаментозные безоары: введение гастропротектора сукральфата через назогастральный зонд может приводить к образованию безоара с другими лекарственными средствами или растворами для энтерального питания, так как сукральфат может связывать белок.

Клиника: специфических клинических симптомов нет. По мере роста безоара периодически появляются боли в эпигастральной области, чувство тяжести, быстрого насыщения, распирания в эпигастрии, тошнота, отрыжка тухлым, рвота. Боли чаще тупые, но могут быть схваткообразными. Возможна потеря массы тела.

Диагностика: основные методы диагностики – рентгенография желудка и фиброгастродуоденоскопия. Скрининг-методом является ультразвуковое исследование.

Осложнения: кишечная непроходимость, язвы желудка вследствие пролежня стенки, множественные эрозии желудка, перфорация стенки желудка с развитием перитонита, малигнизация «безоарной» язвы, аллергические реакции – распространенный дерматит, отек Квинке.

Профилактика: тщательное пережевывание пищи в полости рта – до 30 раз каждый кусочек, дробный прием пищи – 4–6 раз в день, уменьшение употребления продуктов, богатых растительной клетчаткой лицами, перенесшими оперативное вмешательство: резекцию части желудка или селективную ваготомию.

Рассмотрим клинический случай. Пациент М., 61 год, поступил с жалобами на боль в эпигастральной области после еды, ощущение быстрого насыщения, тошноту, отрыжку кислым, снижение аппетита, снижение массы тела. Вышеуказанные жалобы появились 6 месяцев назад. Из анамнеза известно, что в 1984 г. в связи с перфорацией дуоденальной язвы оперирован: проведено ушивание язвы, выполнена селективная проксимальная ваготомия. После операции имели место «сезонные» обострения дуоденальной язвы до 2006 г.

Объективно: общее состояние средней степени тяжести. Язык не обложен, влажный. ЧД – 16 в минуту. Дыхание везикулярное. Тоны сердца глухие, ритмичные. ЧСС – 76 в минуту. АД – 125/80 мм рт. ст. Живот мягкий, болезненный в эпигастральной области. Нижний край печени на 2 см выступает из-под края реберной дуги. Стул 3–4 раза в сутки, кашицеобразной консистенции, без патологических примесей.

Общий анализ крови, общий анализ мочи, биохимический анализ крови – без отклонений от нормы.

Рентгенография желудка с двойным контрастированием представлена на рис. 1.

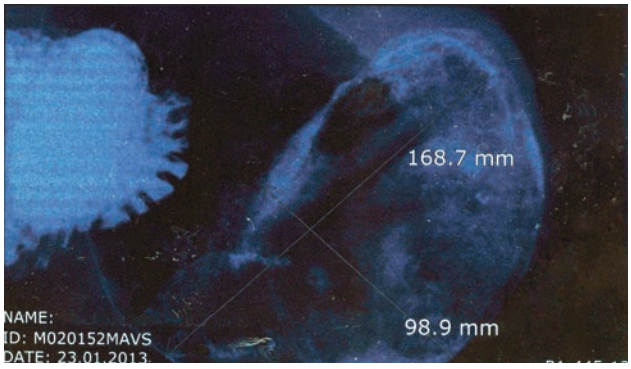


Рис. 1. Рентгенография желудка с двойным контрастированием

Акт глотания не нарушен. Пищевод свободно проходим. Тонус пищевода не изменен. Перистальтика прослеживается. Стенки пищевода эластичные. Складки слизистой не изменены. Кардия смыкается полностью. Желудок в виде крючка. Газовый пузырь желудка обычных размеров, без контурных изменений. Натощак в желудке имеется инородное тело неправильно-овальной формы, подвижное, меняет место расположения при изменении положения пациента, размером до 170×99 мм с нечеткими, неровными контурами – безоар. Стенки желудка в средней и нижней трети тела желудка, а также в антральном и выходном отделе ригидные, неровные, не изменяются в процессе исследования, перистальтика в этих отделах не прослеживается, с наличием неправильной формы с неровными контурами депо бариевой взвеси – изъязвление, в остальных отделах стенка желудка эластичная, расправляется воздухом и перистальтика прослеживается. Рельеф слизистой не прослеживается. Привратник проходим. Эвакуация своевременная, неравномерная и неритмичная. Луковица двенадцатиперстной кишки деформирована, воздухом расправляется плохо, контрастируется неравномерно. Заброс контраста из луковицы двенадцатиперстной кишки имеется постоянно. Пробег по петле двенадцатиперстной кишки обычный. Контуры ее ровные. Рельеф слизистой петли двенадцатиперстной кишки нормальный.

В связи с особенностями рентгенографии желудка возникла необходимость в дифференциальной диагностике между язвой желудка и язвой-раком, что было выполнено при проведении эндоскопических и гистологического исследований биоптатов желудка.

Фиброгастродуоденоскопия, выполненная амбулаторно за 2 недели до поступления пациента в стационар: пищевод проходим, просвет достаточный, слизистая бледно-розовая. Зубчатая линия не изменена. Кардия смыкается. В просвете желудка безоар больших размеров 20×25 см, при пальпации рыхлый, окрашен желчью, легко смещается. Складки желудка воздухом расправились. Просвет достаточный. Складки низкие. Слизистая оболочка желудка диффузно во всех отделах ярко гиперемирована, рыхлая, гиперплазирована диффузно в виде бугорков до 0,2 см множественных, замазана желчью. Перистальтика вялая. В антральном отделе по малой кривизне в верхней трети определяется язва – края плоские, нечеткие, окружающая слизистая инфильтрирована, контактно кровоточива, дно фибринозное и некротическое, максимальный размер до 1,0×5,0 см, форма неправильная. Луковица двенадцатиперстной кишки воздухом расправляется, деформирована за счет постъязвенных рубцов, просвет достаточный. Слизистая оболочка луковицы двенадцатиперстной кишки диффузно ярко гиперемирована, слабо отечна.

Биопсия слизистой оболочки желудка: хронический антральный гастрит, лимфоидная инфильтрация ++, активность ++, кишечная метаплазия очаговая полная. Внутрислизистые геморрагии, гиперплазия лимфоидных фолликулов. Очаговая слабая фовеолярная гиперплазия.

Фиброгастродуоденоскопия при поступлении пациента в стационар предсталена на рис. 2. В просвете желудка 2 больших размеров шаровидных безоара диаметром 10 и 6 см. Язва в области угла 1,0×2,0 см под фибрином.

Было принято решение эндоскопического дробления безоаров и их удаления. Последовательность дробления безоаров представлена на рис. 3–6.

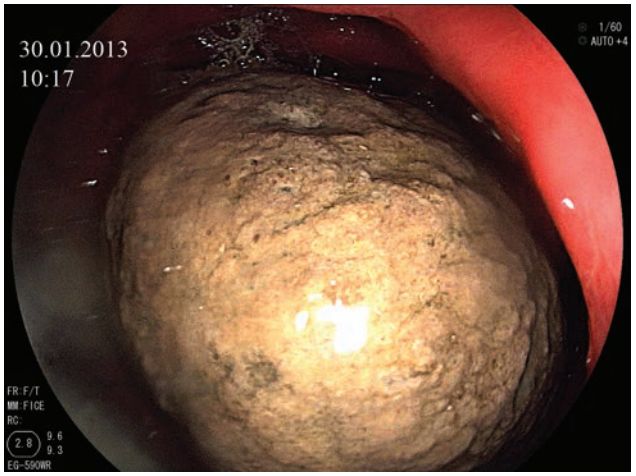


Рис. 2. Фиброгастродуоденоскопия при поступлении пациента в стационар

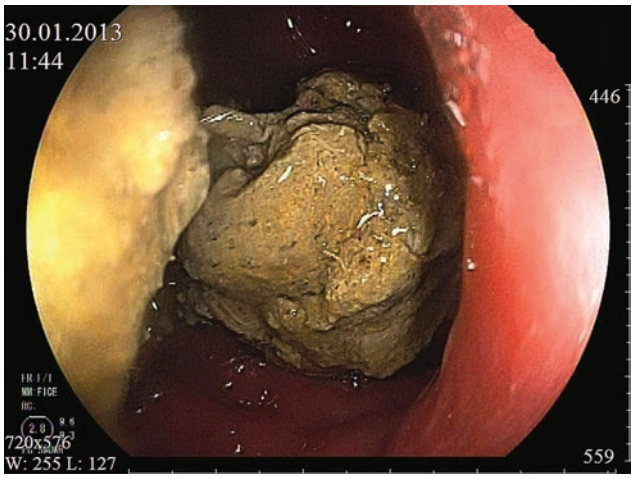


Рис. 3. Безоары фрагментированы и измельчены – меньший полностью, больший – частично (30.01.2013 11:44)

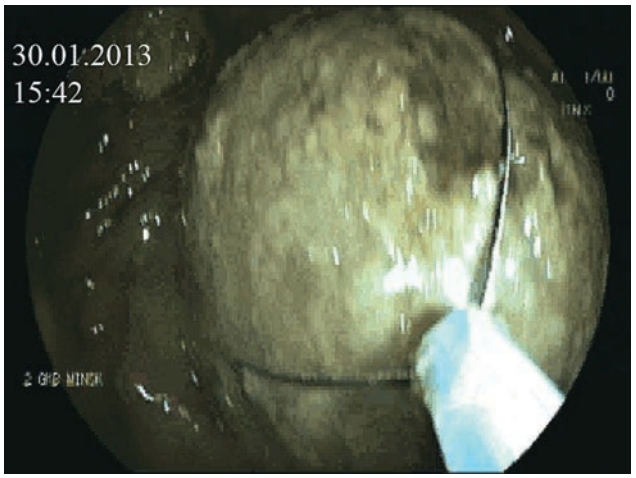


Рис. 4. Безоар фрагментирован

Пищевод – просвет не изменен, стенка эластичная, перистальтика нормальная, слизистая розовая, гладкая. Z-линия на 38 см от резцов, отчетливо выражена.

Рис. 5. Безоар около 8 см в диаметре полностью разрушен. Большие фрагменты извлечены

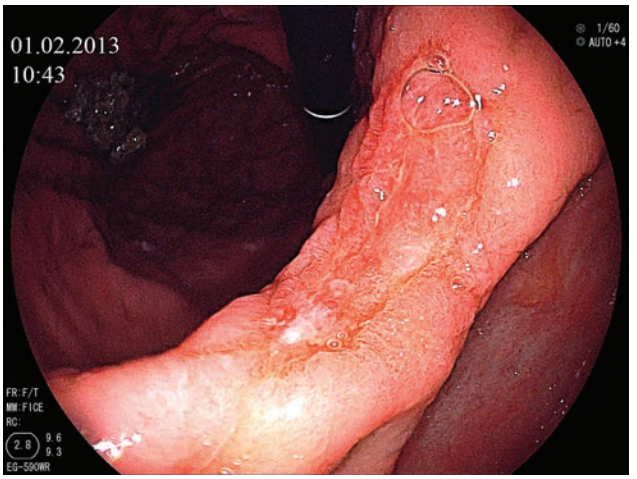


Рис. 6. Контрольная фиброгастродуоденоскопия

Кардия смыкается. В желудке слизь, инородных тел нет, слизистая гладкая, умеренно диффузно гиперемирована, складки и просвет обычные, перистальтика активная. В области угла – язва 1,0×2,0 см с чистым гранулирующим дном, по краю – краевая эпителизация.

07.02.2013 10:30. Размеры язвы уменьшились до 0,6×1,4 см.

УЗИ ОБП: печень: КВР – 134 мм, контуры ровные, эхогенность повышена, проницаемость ультразвука сохранена, эхоструктура однородная; ЖП: 84×27 мм, стенка 2 мм, в просвете группа конкрементов до 8 мм с тенью; холедох – 3 мм, воротная вена – 11 мм; поджелудочная железа: головка – 23 мм, тело – 14 мм, хвост – 25 мм, контуры ровные, эхогенность повышена, структура однородная; селезенка: 100×36 мм, однородная, селезеночная вена в воротах селезенки 6 мм.

ЭКГ: ритм синусовый, ЧСС – 64 в минуту, горизонтальное положение электрической оси сердца; неполная блокада ПНПГ.

Клинический диагноз: язва желудка (1,0×5,0 см в диаметре); безоар желудка больших размеров; рубцово-язвенная деформация луковицы двенадцатиперстной кишки; желчно-каменная болезнь; ИБС: неполная блокада ПНПГ, атеросклероз коронарных артерий Н1.

В результате проведенного лечения – эрадикации *Helicobacter pylori*, антисекреторной терапии блокаторами протонной помпы, использования ангиопротекторов, коррекции моторно-эвакуаторных нарушений – состояние пациента значительно улучшилось: прекратились боли, исчезли отрыжка и ощущение раннего насыщения. Размеры язвы уменьшились с 1,0×5,0 см до 0,6×1,4 см. Фитобезоар эндоскопически был разделен на более мелкие фрагменты, которые были успешно удалены. Пациент выписан домой в удовлетворительном состоянии для продолжения лечения язвы амбулаторно.

Лечение плотных и осложненных безоаров – хирургическое. Операция заключается в удалении безоара путем гастротомии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков С.В. Безоары желудка // Диагностика и лечение болезней оперированного желудка / под ред. Н.Н. Малиновского и В.Е.Волкова. Чебоксары: ИП Л.А.Наумов, 2008. С.166.

2. Ladas S.D., Kamberoglou D., Karamanolis G. et al. Systematic review; Coca-Cola can effectively dissolve gastric phytobezoars as a first-line treatment // Aliment. Pharmacol. Ther. 2013; 37 (2): 169–173.

3. Лукашонок С.И. Успешное удаление инородных тел из желудка // Здравоохранение Белоруссии. 1989; 11: 66–67.

4. Мамчич В.И., Сороколат А.И., Сиряченко В.Г. Фитобезоары и кровоточащая язва желудка как редкое сочетание отдаленных осложнений селективной проксимальной ваготомии // Хирургия. 1990; 12: 133–134.

5. Овсяник Н.И. Фитобезоар желудка у больного с каллезной язвой // Здравоохранение Белоруссии. 1987; 9: 68–69.

6. Щербинина М.В. К вопросу об инородных телах желудка у человека // Сучасна гастроэнтерология. 2003; 4.

Поступила 02.06.2013

НОЛИПРЕЛ: ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ*

СОСТАВ: таблетка Нолипрела А содержит 2,5 мг периндоприла аргинина и 0,625 мг индапамида; таблетка Нолипрела форте А содержит 5 мг периндоприла аргинина и 1,25 мг индапамида; таблетка Нолипрела Би-форте содержит 10 мг периндоприла аргинина и 2,5 мг индапамида. Содержит лактозу как вспомогательный компонент.

ПОКАЗАНИЯ: Нолипрел А: эссенциальная гипертензия. Нолипрел форте А: эссенциальная гипертензия у пациентов, у которых артериальное давление не достаточно контролируется с помощью монотерапии периндоприлом. Нолипрел Би-форте: заместительная терапия для лечения первичной артериальной гипертензии у пациентов, контроль давления у которых производится посредством комбинированной терапии с применением периндоприла и индапамида в тех же дозах.

ДОЗИРОВКА И СПОСОБ ПРИМЕНЕНИЯ: 1 таблетка в день, желательно утром перед едой. *Пожилые:* 1 таблетка в сутки, Нолипрел форте А и Нолипрел Би-форте: могут назначаться, если почечная функция находится в норме и после оценки реакции артериального давления. Нолипрел Би-форте: креатинин плазмы должен корректироваться с учетом возраста, веса и пола. *Почечная недостаточность:* требуется проведение частого мониторинга уровня креатинина и калия. Клиренс креатинина ≥ 60 мл/мин: не требуется изменения дозировки; 30–60 мл/мин: максимальная доза – 1 таблетка Нолипрела форте А максимально; клиренс креатинина < 30 мл/мин – прием препарата противопоказан.

ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ: повышенная чувствительность к периндоприлу или любому другому ингибитору АПФ, к индапамиду или любому другому препарату из группы сульфаниламидов, к любому из вспомогательных веществ. В анамнезе ангионевротический отек (отек Квинке), связанный с приемом ингибитора АПФ. Наследственный или идиопатический ангионевротический отек. Гипокалиемия. Тяжелая почечная недостаточность (клиренс креатинина < 30 мл/мин) для Нолипрела форте А и Нолипрела Би-форте. Тяжелая или умеренная почечная недостаточность (клиренс креатинина < 60 мл/мин) для Нолипрела Би-форте. Печеночная энцефалопатия. Нарушение функции печени. Сочетание с неантиаритмическими средствами, вызывающими пароксизмальную желудочковую тахикардию типа «пируэт» (см. раздел взаимодействия). Второй и третий триместр беременности или период лактации (см. раздел фертильность, беременность и кормление грудью). В связи с недостаточностью терапевтического опыта не следует применять у пациентов на диализе и у пациентов с нелеченой декомпенсированной сердечной недостаточностью.

ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ: *особые предупреждения:* комбинация с литием, калийсберегающими диуретиками или калиевыми солями не рекомендуется. Нейтропения/агранулоцитоз, тромбоцитопения и анемия: с особой осторожностью применение у пациентов с сосудистым коллагенозным заболеванием, иммуносупрессивной терапией, у пациентов, проходящих лечение аллопуринолом или прокаинамидом, – рекомендован периодический мониторинг количества лейкоцитов. Гиперчувствительность/ангионевротический отек, ангионевротический отек кишечника: прекратить лечение и установить контроль над состоянием пациента до полного исчезновения симптомов. Анафилактические реакции при десенситизации: использовать с осторожностью у пациентов с аллергией, проходящих курс десенситизации, избегать назначения пациентам, проходящим иммунотерапию аллергенами из яда насекомых. Анафилактических реакций при проведении ЛПНП афереза можно избежать путем временного прекращения приема ингибиторов АПФ перед каждой процедурой афереза и/или гемодиализа с высокопоточными мембранами. Беременность: прекратить лечение и начать более приемлемое альтернативное лечение. Печеночная энцефалопатия: прекратить лечение. Фоточувствительность: прекратить лечение. *Предосторожности при приеме:* нарушение функции печени – прекратить лечение у пациентов, у которых развивается желтуха или заметно повышается уровень ферментов печени. Функциональная почечная недостаточность: прекратить лечение с возможным возобновлением в более низкой дозировке либо только с одним из компонентов; частый мониторинг уровня калия и креатинина. Вазоренальная гипертензия: лечение начинать в стационаре при постоянном мониторинге почечной функции и содержания калия. Риск артериальной гипотензии и/или почечной недостаточности в случае дефицита воды и электролитов у пациентов с низким артериальным давлением, стенозе почечной артерии, застойной сердечной недостаточности или циррозе печени, с отеками и асцитом: лечение возобновить с более низкой дозы, постепенно ее увеличивая. При пониженном содержании натрия, особенно у пациентов со стенозом почечной артерии, существует риск внезапного падения артериального давления: после восстановления удовлетворительного объема крови и артериального давления лечение может быть возобновлено либо с более низкой дозой препарата, либо только с одним из его компонентов. Тяжелая сердечная недостаточность (IV степени) и у пациентов с 1 типом диабета: начинать лечение с низких доз и проводить под постоянным контролем врача. Стеноз аорты или митрального клапана / гипертрофическая кардиомиопатия: принимать с осторожностью у пациентов с обструкцией выходного тракта левого желудочка. Атеросклероз: начинать лечение с низкой дозы

у пациентов с ИБС или с недостаточностью мозгового кровообращения. Сухой кашель. Содержание натрия: регулярный контроль. Гиперкалиемия: частый мониторинг калия в сыворотке крови при почечной недостаточности, нарушенной функции почек, возрасте (>70 лет), сахарном диабете, обезвоживании, острой сердечной декомпенсации, метаболическом ацидозе, и одновременном использовании калийсберегающих диуретиков и препаратов калия. Гипокалиемия: повышенный риск у пожилых и/или пациентов с нарушенным или недостаточным питанием, пациентов с циррозом печени с отеками и асцитом, пациентов с ИБС, сердечной недостаточностью, пациентов с удлиненным интервалом QT.

Во всех случаях необходим более частый мониторинг. Содержание натрия: до начала лечения оценка содержания натрия, у пожилых пациентов и пациентов с циррозом печени контроль должен проводиться еще чаще. Гиперкальциемия: прекратить лечение до тех пор, пока не будет исследована функция паращитовидных желез. Гипреурикемия: предрасположенность к развитию подагры. Анестезия: рекомендуется прекратить прием за один день до хирургической операции. Наследственная непереносимость лактозы, дефицит лактазы Лаппа или плохая абсорбция глюкозы-галактозы: не следует назначать.

Пациенты с диабетом: контроль гликемии в случае гипокалиемии. Чернокожие пациенты: более широкая распространенность ангионевротического отека и, очевидно, менее эффективен в снижении давления по сравнению с нечернокожими пациентами. Дети и подростки: эффективность и переносимость не установлены. Спортсмены: может дать положительную реакцию при допинг-контроле.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: *не рекомендуются:* литий, калийсберегающие диуретики, калий (соли); *с особой осторожностью:* баклофен, нестероидные противовоспалительные препараты (включая высокие дозы ацетилсалициловой кислоты), противодиабетические средства, препараты, способные вызвать пароксизмальную желудочковую тахикардию типа «пируэт», калийсберегающие препараты, сердечные гликозиды; *с осторожностью:* имипрамино-подобные антидепрессанты (трициклические), нейролептики, кортикостероиды, тетракозактид, другие гипотензивные препараты, аллопуринол, цитостатические или иммунодепрессивные вещества, системные кортикостероиды или прокаинамид, анестезирующие препараты, диуретики, йодосодержащая контрастная среда, кальций (соли), циклоспорин.

ФЕРТИЛЬНОСТЬ. БЕРЕМЕННОСТЬ И КОРМЛЕНИЕ ГРУДЬЮ: не рекомендуется во время первого триместра беременности. Противопоказан во время второго и третьего триместра беременности и в период лактации.

ВОЖДЕНИЕ АВТОТРАНСПОРТА И УПРАВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМАМИ: может быть нарушено из-за снижения артериального давления, которое может произойти у некоторый пациентов.

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ: *распространенные:* гипокалиемия, парестезия, головная боль, астения, головокружение, вертиго, нарушения зрения, шум в ушах, ортостатическая или неортостатическая гипотензия, сухой кашель, диспноэ, запор, сухость во рту, тошнота, рвота, боли в животе, анорексия, дисгевзия, диспепсия, диарея, сыпь, зуд, макулопапулезные высыпания, судороги; *нераспространенные:* расстройства настроения и сна, бронхоспазм, ангионевротический отек лица, конечностей, губ, слизистых оболочек, языка, голосовой щели и/или гортани, крапивница, реакции гиперчувствительности в основном дерматологического характера (у пациентов с предрасположенностью к аллергическим и астматическим реакциям), пурпура, возможное ухудшение существующей острой диссеминированной красной волчанки, почечная недостаточность, импотенция, повышенное потоотделение; *редкие:* гиперкальциемия; *очень редкие:* тромбоцитопения, лейкопения/нейтропения, агранулоцитоз, апластическая анемия, гемолитическая анемия, анемия (у пациентов, перенесших пересадку почки, у пациентов на гемодиализе), спутанность сознания, аритмия, включая брадикардию, желудочковая тахикардия, фибрилляция предсердий, стенокардия и инфаркт миокарда (вторичный из-за чрезмерной гипотензии у пациентов с высоким уровнем риска), эозинофильная пневмония, ринит, панкреатит, цитолитический или холестатический гепатит, мультиформная эритема, токсический эпидермальный некролиз, синдром Стивенса-Джонсона, фоточувствительность, острая почечная недостаточность; *неизвестно:* обморок, трепетание-мерцание (потенциально смертельное), печеночная энцефалопатия (в случае печеночной недостаточности), удлинение QT-интервала на ЭКГ, увеличение содержания глюкозы и мочевой кислоты в крови во время лечения, повышение уровня печеночных ферментов, небольшое увеличение содержания мочевины и креатинина в плазме (обратимое при остановке лечения), уменьшение уровня калия с гипокалиемией, особенно в популяциях с высоким риском, повышение уровня калия, обычно транзиторное, гипонатриемия с гиповолемией, содействующие обезвоживанию и ортостатической гипотензии.

ПЕРЕДОЗИРОВКА. ДЕЙСТВИЕ: Нолипрел А, Нолипрел форте А, Нолипрел Би-форте – это комбинация аргининовой соли периндоприла, ингибитора ангиотензин-преобразующего фермента, и индапамида, хлорсульфамоилового диуретика, фармакологически связанного с тиазидной группой диуретиков. Обеспечивает дозозависимое снижение диастолического и систолического артериального давления как в положении лежа, так и стоя.

ФОРМА ВЫПУСКА: Нолипрел А и Нолипрел форте А: 14 или 30 таблеток с пленочным покрытием

в упаковке, Нолипрел Би-форте: 14, 20, 28, 30 или 50 таблеток с пленочным покрытием в упаковке.

LES LABORATOIRES SERVIER, 50 rue Carnot, 92284 Suresnes cedex France. **www.servier.com**

**Полную информацию, включающую особые указания и предосторожности при приеме, можно найти в сводных характеристиках препарата.*

ПРЕСТАНС: ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ*

СОСТАВ: Престанс 5 мг/5 мг, 5 мг/10 мг, 10 мг/5 мг, 10 мг/10 мг: одна таблетка содержит 5 мг периндоприла аргинина/5 мг амлодипина, 5 мг периндоприла, 10 мг амлодипина, 10 мг периндоприла периндоприла аргинина, и 5 мг амлодипина, 10 мг периндоприла аргинина, и 10 мг амлодипина. Содержит лактозу как эксципиент.

ПОКАЗАНИЯ: лечение пациентов с эссенциальной гипертензией и/или стабильной болезнью коронарных артерий, которым требуется лечение периндоприлом и амлодипином.

РЕЖИМ ДОЗИРОВАНИЯ И СПОСОБ ПРИЕМА: пероральный прием. Принимать по одной таблетке в день, утром перед едой. При необходимости доза Престанса может быть изменена или назначена свободная комбинация компонентов. Пожилые и пациенты с почечной недостаточностью: необходим мониторинг содержания креатинина и калия. Не подходит пациентам с Clcr < 60 мл/мин. Тяжелая печеночная недостаточность: назначать с самых низких доз и медленно титровать. Дети и подростки: не должен применяться.

ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ: повышенная чувствительность к периндоприлу или любому другому ингибитору АПФ; в анамнезе ангионевротический отек, связанный с предыдущим лечением ингибиторами АПФ; наследственный или идиопатический ангионевротический отек; второй или третий триместр беременности; тяжелая гипотензия; повышенная чувствительность к амлодипину или любому другому дигидропиридину; шок, включая кардиогенный шок; обструкция выходного тракта левого желудочка (например, тяжелый стеноз аорты); гемодинамически нестабильная сердечная недостаточность после острого инфаркта миокарда.

ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ И ОСОБЫЕ УКАЗАНИЯ: *особые указания: повышенная чувствительность/ ангионевротический отек:* прекратить лечение, наблюдение до полного исчезновения симптомов. *Анафилактоидные реакции при проведении процедур афереза липопротеина низкой плотности:* возможно избежать путем временной отмены ингибитора АПФ каждый раз перед проведением афереза. *Нейтропения /агранулоцитоз /тромбоцитопения /анемия:* соблюдать крайнюю осторожность пациентам с коллагенозно-сосудистыми заболеваниями, пациентам, проходящим иммунодепрессантную терапию, лечение аллопуринолом или прокаинамидом; периодический мониторинг подсчета лейкоцитов. *Беременность:* прекратить лечение. При необходимости перейти на альтернативную терапию. *Предосторожности: гипотензия:* тщательный мониторинг артериального давления, почечной функции и уровня калия в сыворотке пациентов с повышенным риском наступления гипотензии (со сниженным ОЦК или с тяжелой ренин-зависимой гипертензией); преходящая гипотензия не является противопоказанием для дальнейшего приема препарата, который обычно можно продолжать после того, как артериальное давление снова повысилось вследствие увеличения ОЦК. *Стеноз аорты и митрального клапана /гипертрофическая кардиомиопатия:* использовать с осторожностью. *Пациенты с сердечной недостаточностью:* использовать с осторожностью. *Почечная недостаточность:* при почечной недостаточности (клиренс креатинина < 60 мл/мин) рекомендуется индивидуальное титрование дозы отдельных компонентов; необходим мониторинг уровня калия и креатинина; у пациентов со стенозом почечных артерий может повышаться уровень креатинина и мочевины; при реноваскулярной гипертензии существует повышенный риск тяжелой гипотензии и почечной недостаточности; амлодипин не выводится диализом. *Печеночная недостаточность:* прекратить лечение в случае развивития желтухи или заметного повышения уровня ферментов печени; *нарушенная функция печени:* в случае серьезного нарушения функции медленная титрация дозы и тщательное наблюдение. *Раса:* гипотензивная эффективность периндоприла у пациентов черной расы может быть ниже, чем у пациентов других рас. *Непродуктивный кашель. Хирургическое вмешательство /анестезия:* рекомендуется прекратить лечение за день до операции. Гиперкалиемия: регулярный мониторинг содержания калия в сыворотке крови в случаях почечной недостаточности, ухудшения функции почек, у пациентов в возрасте > 70 лет, в случаях сахарного диабета, дегидратации, острой сердечной декомпенсации, метаболического ацидоза, одновременного приема калийсберегающих диуретикиов, калиевых добавок или калийсодержащих заменителей соли. *Пациенты с диабетом:* контроль

гликемии в течение первого месяца. *Пожилые пациенты:* увеличение дозы с осторожностью. *Пациенты с* непереносимостью лактозы, плохой абсорбцией глюкозы-галактозы или дефицитом лактазы Лаппа: Престанс не должен применяться.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: *нерекомендуемые комбинации:* калийсберегающие диуретики и соли калия, литий, эстрамустин, дантролен, грейпфрут или грейпфрутовый сок; *с особой осторожностью:* нестероидные противовоспалительные медицинские препараты (НПВС), включая аспирин ≥ 3 г/день, антидиабетические препараты (инсулин, сульфонилмочевина), индукторы CYP3A4, ингибиторы CYP3A4, баклофен; *с осторожностью:* диуретики, симпатомиметики, золото, антигипертензивные препараты, вазодилататоры, кортикостероиды, тетракозактид, альфа-блокаторы (празозин, доксазозин, теразозин, тамсулозин, алфузозин), другие медицинские препараты с антигипертензивными свойствами.

БЕРЕМЕННОСТЬ И КОРМЛЕНИЕ ГРУДЬЮ: не рекомендуется во время первого триместра беременности и кормления грудью, во время второго и третьего триместров беременности– противопоказан.

ФЕРТИЛЬНОСТЬ: у некоторых пациентов, получающих блокаторы кальциевых каналов, сообщалось об обратимых биохимических изменениях в головке сперматозоидов.

ВОЖДЕНИЕ АВТОТРАНСПОРТА И ПОЛЬЗОВАНИЕ МАШИННЫМ ОБОРУДОВАНИЕМ: может быть нарушено, если у пациента имеется головокружение, головная боль, усталость, утомляемость или тошнота.

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ: *распространенные:* сонливость, головокружение, головная боль, дисгевзия, парестезии, нарушения зрения, звон в ушах, вертиго, сердцебиение, покраснение, гипотензия, одышка, кашель, боль в животе, тошнота, рвота, диспепсия, диарея, запоры, зуд, сыпь, экзантема, отечность лодыжек, судороги, отеки, усталость, астения; *нераспространенные:* аллергические реакции, бессонница, изменения настроения, депрессия, нарушения сна, тремор, гипоэстезия, обморок, ринит, бронхоспазм, изменения ритма перистальтики кишечника, сухость во рту, ангионевротический отек лица, конечностей, губ, слизистых, языка, глотки и/или гортани, алопеция, пурпура, обесцвечивание кожи, гипергидроз, крапивница, артралгия, миалгия, боль в спине, расстройства мочеиспускания, никтурия, учащение мочеиспускания, нарушения почечной функции, импотенция, гинекомастия, боль в груди, недомогание, увеличение веса, уменьшение веса; *редкие:* спутанность сознания, повышение билирубина сыворотки и печеночных ферментов; *очень редкие:* лейкопения/нейтропения, агранулоцитоз или панцитопения, тромбоцитопения, гемолитическая анемия у пациентов с врожденным дефицитом G-6PDH, снижение гемоглобина и гематокрита, гипергликемия, гипертония (увеличенный тонус мышц стенки полого органа), периферическая нейропатия, стенокардия, инфаркт миокарда, аритмия, инсульт, васкулит, эозинофильная пневмония, гиперплазия десен, панкреатит, гастрит, гепатит, желтуха, цитолитический или холестатический гепатит, повышение печеночных ферментов, отек Квинке, мультиформная эритема, Синдром Стивена-Джонса, эксфолиативный дерматит, фоточувствительность, острая почечная недостаточность; *неизвестно:* гипогликемия, повышение мочевины и креатинина сыворотки, гиперкалиемия, единичные случаи экстрапирамидного синдрома.

ПЕРЕДОЗИРОВКА. СВОЙСТВА: периндоприл – это ингибитор фермента, который превращает ангиотензин I в ангиотензин II (ангиотензин-преобразующий фермент, АПФ); амлодипин – это ингибитор поступления ионов кальция дигидропиридиновой группы (блокатор медленных каналов или антагонист ионов кальция), он блокирует поступление ионов кальция через мембраны в гладкомышечные клетки миокарда и сосудов.

ТИП И ОБЪЕМ УПАКОВКИ: контейнеры, содержащие 30 мг Престанса 5 мг/5 мг, 5 мг/10 мг, 10 мг/5 мг, 10 мг/10 мг.

ДЕРЖАТЕЛЬ РАЗРЕШЕНИЯ НА МАРКЕТИНГ: Les Laboratoires Servier 50, rue Carnot, 92284 Suresnes cedex, France.

**Полную информацию, включающую особые указания и предосторожности при приеме, можно найти в сводных характеристиках препарата.*

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2013 ГОДУ

ОТ РЕДАКЦИИ

Перспективные направления развития современной эндокринологии — № 5, с. 6
Л.И. Данилова

В МИРЕ ЛЕКАРСТВ

Антиоксидант дигидрокверцетин: клинико-фармакологическая эффективность и пути синтеза — № 1, с. 13
Л.А. Бизюк, М.П. Королевич

Аптечные сети Европы — № 3, с. 9
У. Штёр

Возможности и перспективы клинического применения отечественного лекарственного средства Эссенцеглив® — № 1, с. 9
А.Г. Захаренко

Клиническая фармакология омега-3 полиненасыщенных жирных кислот — № 2, с. 15
Д.А. Рождественский, В.А. Бокий

Лерканидипин: возможности лечения пациентов с артериальной гипертензией в сочетании с бронхиальной астмой — № 5, с. 18
А.И. Матвейчик, И.Р. Ёрш, Э.В. Романчук, В.С. Лучко, В.И. Зайцев

Место бенфотиамина в лечении поздних осложнений сахарного диабета — № 6, с. 70
З.В. Забаровская, Е.И. Шишко, О.В. Забаровская

Оригинальные лекарственные средства и дженерики: эффективность, безопасность и экономическая целесообразность применения — № 2 с. 24
Г.В. Илюкевич, В.М. Смирнов, Б.Б. Самолюк

Оценка эффективности применения новых форм Кавинтона® у пациентов с гипертонической энцефалопатией — № 4, с. 5
Г.М. Авдей, С.Д. Кулеш, М.С. Шумскас, С.Е. Арцименя, Е.В. Савченко, Л.В. Бычек, С.А. Авдей, Я.С. Заобурная, Т.Н. Лукьянюк

Сахарный диабет 2 типа и артериальная гипертензия: возможности комбинированной терапии с позиций ангиопротекции — № 6, с. 9
Т.В. Мохорт

Современный взгляд на механизм действия Мидокалма® — № 2, с. 7
М.Л. Кукушкин

КОНСЕНСУСЫ, КЛИНИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И АЛГОРИТМЫ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Алгоритм оказания медицинской помощи пациентам с острым коронарным синдромом на амбулаторном этапе — № 1, с. 20

Диагностика и лечение алкогольной болезни печени с позиций международных рекомендаций — № 4, с. 10
С.И. Пиманов, Е.В. Макаренко, Л.В. Тихонова

Коррекция экзокринной панкреатической недостаточности у взрослых — № 4, с. 21
Н.Н. Силивончик

Лечение и противовоспалительная профилактика острого подагрического артрита: рекомендации Американской коллегии ревматологов (2012) — № 3, с. 22
Э.А. Михневич

Неалкогольная жировая болезнь печени в практике врача-эндокринолога — № 6, с. 15
Н.В. Мурашко, А.А. Романовский, Л.И. Данилова

Практическое использование республиканского регистра «Сахарный диабет» — № 5, с. 30
А.А. Романовский, Л.И. Данилова, С.С. Корытько, Н.В. Мурашко, О.Б. Салко, М.Л. Лущик, О.Ф. Щербина

Ранняя диагностика сакроилеита на основе магнитно-резонансного исследования: Европейские рекомендации — № 3, с. 15
А.И. Алешкевич, Е.А. Дмитриева, Н.А. Мартусевич

Республиканский регистр «Сахарный диабет»: системный подход к учету пациентов с сахарным диабетом на популяционном уровне — № 5, с. 25
О.Б. Салко, А.П. Шепелькевич , М.М. Сачек, О.Ф. Щербина

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ

Заболевания печени у беременных — № 4, с. 31
Н.Н. Силивончик, Г.С. Котова

Механизмы атерогенеза и статины — № 2, с. 31
А.В. Хапалюк

Необходимость патогенетической терапии невропатий при сахарном диабете — № 1, с. 27
П. Кемплер, А. Штирбан, С. Тесфай, Л. Чупрыняк, И. Гурьева, Б. Маньковский, В. Спаллон, И. Вересиу, О. Шнелль

Оценка распространенности избыточной массы тела и ожирения: результаты республиканской акции «Ожирение – фактор риска сахарного диабета» — № 5, с. 35
А.П. Шепелькевич, Е.А. Холодова, О.Б. Салко, В.Л. Лобашева, И.К. Билодид, А.С. Григорович, Л.М. Педченец, М.И. Тулупова, Л.П. Ковшик, О.Г. Залеская, В.Н. Селиванов

Ревматоидный артрит и хронические вирусные гепатиты: проблемы и поиск решений — № 3, с. 31
Б.С. Белов, Т.Н. Лопаткина, Е.Л. Насонов

Синдром Бругада: литературный обзор и клиническое наблюдение — № 6, с. 21
Т.Г. Вайханская, Т.Т. Геворкян, Т.В. Крушевская, И.Б. Устинова, Т.В. Курушко, В.Ф. Голенища, О.Л. Полонецкий, Л.И. Плащинская

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Висцеральные поражения и исходы инфекционного эндокардита у потребителей инъекционных наркотиков — № 6, с. 49
Е.Ю. Пономарева, А.А. Рощина, А.П. Ребров

Изменение жирнокислотного состава сыворотки крови как одно из звеньев патогенеза сенильного кальцинированного аортального стеноза — № 3, с. 44
М.С. Пристром, В.В. Артющик, И.И. Семененков

Изучение взаимосвязи уровня паратгормона с минеральной плотностью костной ткани у пациентов в возрасте старше 50 лет — № 5, с. 63
Г.Н. Романов, А.В. Борисевич

Карбоновые кислоты цикла Кребса, аминокислоты и их комбинации в качестве протекторов в условиях токсического повреждения миокарда крыс — № 6, с. 57
О.В. Алексеенко, В.В. Шилов, В.Ю. Афонин, Е.В. Шафрановская

Комплексная оценка компенсации сахарного диабета 1 типа — № 5, с. 64
Е.С. Махлина, Т.В. Мохорт, Е.А. Холодова

Комплексная реабилитация пациентов с постинсультным «синдромом болевого плеча» — № 1, с. 45
И.В. Лукомский, М.Г. Иванченко

Лечение ревматоидного артрита в соответствии с концепцией TREAT TO TARGET в реальной клинической практике: достигаем ли цель? — № 3, с. 39
Н.М. Никитина, И.А. Афанасьев, А.П. Ребров

Лечение сахарного диабета 2 типа: реалии клинической практики — № 5, с. 43
А.П. Шепелькевич, Е.А. Холодова, Ю.В. Дыдышко, И.К. Билодид, А.С. Григорович, В.Н. Селиванов

Обоснование необходимости приема повышенного количества тиамина для поддержания нормального тиаминового статуса у пациентов с сахарным диабетом 2 типа и ожирением в процессе снижения веса — № 2, с. 43
J.B. Keogh, X. Cleanthous, T.P. Wycherley, G.D. Brinkworth, M. Noakes, P.M. Clifton

Особенности суточного профиля артериального давления у женщин до менопаузы и в раннем постменопаузальном периоде — № 6, с. 43
Л.В. Кежун

Особенности суточного профиля артериального давления у пациентов с артериальной гипертензией в сочетании с бронхиальной астмой — № 1, с. 51
А.И. Матвейчик

Оценка психологического состояния лиц с кардиологической патологией, содержащихся под стражей — № 1, с. 56
Е.В. Лемешко

Рак щитовидной железы: современное состояние проблемы — № 5, с. 48
М.Л. Лущик, В.М. Дрозд, И. Бранован, Ю.В. Демидчик

Распространенность тиреоидной патологии в Гомельской области на основании результатов скрининга лиц молодого возраста — № 5, с. 58
Т.А. Леонова, В.М. Дрозд, Т.А. Митюкова, Т.Ю. Платонова, М.Л. Лущик, Н.М. Окулевич

Современные подходы к профилактике диабетической полинейропатии — № 1, с. 37
А.Б. Малков

Спонтанный бактериальный перитонит: традиционные и некоторые альтернативные методы диагностики — № 4, с. 39
Д.А. Гавриленко

Стратификация риска повторных коронарных событий у лиц с нестабильной стенокардией в отдаленные сроки наблюдения — № 6, с. 31
И.А. Маркова, Е.А. Медведева, Л.Г. Гелис, И.И. Русских, М.Г. Колядко

Уровень лактоферрина в моче пациентов с циррозом печени с инфекцией мочевых путей — № 4, с. 50
Е.Г. Малаева

Частота сердечных сокращений и ее роль в прогрессировании атеросклероза с позиции функционального состояния эндотелия — № 6, с. 38
Е.Ф. Заремба, З.О. Билоу

Эндоскопические и морфологические характеристики слизистой оболочки верхних отделов пищеварительного тракта при желудочной диспепсии у военнослужащих первого года службы по призыву — № 4, с. 54
А.Н. Януль

ОБЗОРЫ И ЛЕКЦИИ

Анемия хронического заболевания — № 4, с. 71
М.С. Хруцкая

Безоары желудка — № 6, с. 66
М.С. Хруцкая, Е.А. Храмков, С.В. Семеняко, А.В. Пилипенко

Вопросы лечения и профилактики тромбоэмболии легочной артерии — № 4, с. 59
В.П. Царев, В.Л. Крыжановский

Диагностика и лечение псевдомембранозного колита — № 4, с. 79
И.И. Гончарик

Диетотерапия и профилактика метаболического синдрома Х — № 6, с. 61
И.Н. Броновец

Дисфункция почек у пациентов с хронической сердечной недостаточностью — № 2, с. 58
С.А. Мацкевич, О.А. Барбук

Клиника, диагностика и лечение кардиогенного шока — № 1, с. 60
Е.В. Ковш, Ю.А. Белинская, Н.А. Шибеко

Клинические формы и варианты течения хронической коронарной недостаточности — № 2, с. 64
С.П. Соловей, И.С. Карпова

Миопатический синдром как клиническая маска гипотиреоза — № 3, с. 60
А.С. Рудой, Т.А. Нехайчик

Ожирение и ревматоидный артрит: состояние проблемы — № 3, с. 55
В.А. Сидоренко, Н.А. Мартусевич

Особенности нарушений сна у пациентов с сахарным диабетом — № 5, с. 83
И.П. Дорошкевич, Л.В. Никонова, В.Т. Лыщик, Т.В. Мохорт

Патогенетические аспекты и проблемные вопросы ранней диагностики субклинического гиперкортицизма — № 5, с. 76
А.П. Шепелькевич, Ю.В. Дыдышко, Е.А. Холодова

Патофизиология нейрососудистых осложнений у пациентов с сахарным диабетом 2 типа — № 3, с. 65
Т.А. Чак

Первичный гонартроз: состояние проблемы — № 2, с. 74
Ю.М. Досин, В.Е. Ягур, Н.А. Мартусевич, Б.В. Лысый, В.А. Соколов, Фахти Али Аль-Бшени

Профилактика микроангиопатий при сахарном диабете: чем дополнить интенсивный контроль гликемии? № 5, с. 69
Т.В. Мохорт

Роль иммунной активации при хронической сердечной недостаточности № 2, с. 68
С.А. Мацкевич

Современные подходы к диагностике, профилактике и лечению саркопении № 1, с. 64
А.П. Шепелькевич, Ю.В. Дадышко, Е.Г. Плетнева

Современные подходы к медикаментозному лечению пациентов с гипертрофической кардиомиопатией № 3, с. 50
С.М. Комиссарова

КЛИНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лечение ишемического каротидного инсульта с позиций доказательной медицины (результаты многоцентрового двойного слепого рандомизированного плацебо-контролируемого клинического исследования) № 2, с. 46
Л.В. Стаховская, С.А. Румянцева, Е.В. Силина, Г.Н. Бельская, Ж.Ю. Чефранова, Л.Б. Новикова, Д.В. Попов

Современные технологии применения соляных аэрозолей и аэроионов в оздоровлении № 2, с. 52
Э.С. Кашицкий, С.В. Гаврилик, А.Ю. Васкевич, И.С. Гаврилик, Е.И. Калиновская, Н.И. Счастная, И.А. Заяц, Н.О. Звенигородская

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Метаболическая терапия в лечении неврологических расстройств: актуальные аспекты № 3, с. 71
Е.А. Холодова

Нолипрел: информация для специалистов № 6, с. 70

Остеопойкилия: наблюдение из практики № 1, с.73
И.Э. Адамович, М.С. Пристром, О.В. Дегтярева, Р.А. Сакович, Е.Е. Атрощенко, Е.Н. Гаврилова

Престанс: информация для специалистов № 6, с. 72

Роль бенфотиамина в патогенетической терапии диабетической невропатии: материалы пресс-конференции (Берлин, 4 октября 2012 г.) № 3, с. 72

СИНГЛОН®

монтелукаст натрия

ОДНА ТАБЛЕТКА В ДЕНЬ

Эффективный контроль бронхиальной астмы у взрослых и детей

Гедеон Рихтер ОАО

Основано в 1901 году

НЕБИЛЕТ® ПЛЮС

БОЛЬШЕ СИЛЫ преимуществам Небилета®

ЭФФЕКТИВНЫЙ

Небилет® плюс высоко эффективен в достижении целевого артериального давления*

ХОРОШО ПЕРЕНОСИТСЯ

Небилет® плюс не влияет на обмен углеводов и липидов*

УДОБЕН В ПРИМЕНЕНИИ

Небилет® плюс принимается 1 раз в день независимо от приема пищи*

* Malacco E.; High Blood Cardiovasc Prev 2008; 15 (2): 76-84; Marazzi G. et al.; Adv Ther 2010; 27 (9): 655-64; Malacco E.; European Review for Medical and Pharmacological Sciences 2010; 14: 427-434

Эффективность и безопасность для пациентов с гипертензией и ХСН

ISSN 2219-6404

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕПАРАТА: Небилет® Плюс 5/12,5, 28 таблеток, покрытых оболочкой. В одной таблетке Небилета® Плюс 5/12,5 содержится 5 мг небиволола и 12,5 мг гидрохлортиазида. **Показания к применению:** терапия эссенциальной артериальной гипертензии. **Дозировка и способ применения:** Небилет® Плюс 5/12,5 предназначен для назначения взрослым пациентам. Дозой является одна таблетка (5 мг/12,5 мг) в сутки, желательно в одно и то же время суток. **Противопоказания:** повышенная чувствительность к действующим веществам или любому из вспомогательных веществ, повышенная чувствительность к производным сульфонамида, печеночная недостаточность или нарушение функции печени, анурия, тяжелая почечная недостаточность (клиренс креатинина < 30 мл/мин), острая сердечная недостаточность, кардиогенный шок или эпизоды декомпенсированной сердечной недостаточности, требующие внутривенноговведения препаратов инотропного действия, синдром слабости синусового узла, включая синоаурикулярную блокаду, II и III степень блокады сердца (без кардиостимулятора), брадикардия, артериальная гипотензия, тяжелые нарушения периферического кровообращения, бронхоспазм и бронхиальная астма в анамнезе, нелеченая феохромоцитома, метаболический ацидоз, стойкая гипокалиемия, гиперкальциемия, гипонатриемия и симптоматическая гиперурикемия, II и III триместры беременности и период грудного вскармливания.

За подробной информацией обращайтесь в АО "Berlin-Chemie AG", представительство в Беларуси:
г. Минск, ул. Замковая, 27, пом. 9, тел. (017) 3060508, bcinfo@gin.by

BERLIN-CHEMIE MENARINI